ЗРИМЫЙ СВЕТ

БИБЛІОТЕКА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.
SEMPER IMMOTA FIDES
АЛУПКА.
Шкафъ
Полка №

СВѢТЪ.

ЗРИМЫЙ ВЪ ЛИЦАХЪ,

ИЛИ

ВЕЛИЧІЕ И МНОГООБРАЗНОСТЬ

ЗИЖДИТЕЛЕВЫХЪ НАМѢРЕНІЙ

ОТКРЫВАЮЩІЯСЯ

ВЪ ПРИРОДѢ И ВО НРАВАХЪ,

ОБЪЯСНЕННЫЯ ФИЗИЧЕСКИМИ И НРАВСТВЕННЫМИ ИЗОБРАЖЕНІЯМИ, УКРАШЕННЫМИ ДОСТОЙНЫМЪ СИХЪ ПРЕДМЕТОВЪ СЛОВОМЪ,

ВЪ ПОЛЬЗУ

ВСЯКАГО СОСТОЯНІЯ ЛЮДЯМЪ,

А НАИПАЧЕ МОЛОДЫМЪ ВИТІЯМЪ, СТИХОТВОРЦАМЪ, ЖИВОПИСЦАМЪ И ДРУГИМЪ ХУДОЖНИКАМЪ.

ПЕРЕВЕЛЪ

СЪ НѢМЕЦКАГО ЯЗЫКА НА РОССІЙСКІЙ

Иванъ Хмѣльницкій.

Четвертымъ тисненіемъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

при Императорской Академіи Наукъ, 1817 года.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 1332

ПРЕДИСЛОВІЕ

Отъ Переводчика.

Благосклонный Читатель! кто бы ты, каковаго рода и званія ни былъ, вѣдай, что въ сей книгѣ яко зерцалѣ человѣческія жизни, представляются дѣла всѣхъ и каждаго особо. Я имени твоего не знаю, а предлагаю только тебѣ картины, въ которыхъ ты самъ себя, по твоимъ злымъ или добрымъ склонностямъ, словомъ, по твоимъ собственнымъ дѣламъ, видѣть можешь.

Обитающіе въ чертогахъ, и творящіе щастіе или нещастіе народовъ, сколь ни кажутся быть отдаленными отъ границъ человѣчества, однако обративъ когда ни есть взоръ свой на зерцало міра сего, увидятъ тамо живо изображенный образъ свой: во ономъ узрятъ они любовь свою къ отечеству, славу гремящую повсюду, великолѣпіе, пышность и высочество свое; нерѣдко представится глазамъ ихъ слабость сродная имъ по человѣчеству; а иногда откроются дѣла судящія ихъ за неправоту у позднѣйшихъ потомковъ! - -

Вельможи сколь ни ослѣпляются блескомъ своего величія, сколь ни силятся утвердить благоденствіе на непоколебимой подпорѣ: однако весьма часто надежды ихъ и высокомѣрные замыслы въ конецъ разрушаются. Власть и довѣренность, которую они отъ Государя имѣютъ, рѣдко продолжается по жизнь ихъ; и лишъ только оныя начнутъ ослабѣвать, уже вся знатность ихъ преходитъ. Колико горестей и мученій облежатъ тогда душу ихъ? Покой, веселость и удовольствіе духа уклоняются въ то время отъ ихъ чертоговъ! Забавы, ласки мірскія и прелесть звучащія славы, померкаютъ предъ

ихъ глазами! Для таковыхъ горестію истаевающихъ особъ нѣтъ уже въ жизни ихъ никакой болѣе отрады, кромѣ уединенной Добродѣтели. Пусть изберутъ они для себя хотя нѣсколько минутъ на размышленіе о внутреннемъ ихъ состояніи; пускай призовутъ себѣ въ помощь книгу міроздрѣнія; тамъ услышатъ они неоднократно гласъ природы тихо и умильно къ нимъ взывающей: *желаете ли быть слокойными, такъ истребите изъ мыслей вашихъ всю мечту; она только одна мучительствуетъ надъ вами; сдѣлайтесь благодѣтелями человѣчества, такъ имя ваше останется въ вѣчномъ незабвеніи.*

Тягостію лѣтъ согбенный старецъ, гонимый во всю жизнь немилосердою судьбою, или нетерпящій обмановъ, коварствъ, лести и вѣроломства, удаляется отъ сообщества злобныхъ ласкателей и двуязычныхъ друзей; преселяется въ жилище своихъ предковъ, въ обитель *Простоты*, гдѣ тихое миролюбіе, непритворность и чистосердечіе предсѣдательствуютъ. Тамо забывая они душевное волненіе, ненависть, клевету на ближняго, и всѣ изгибистые пути къ достиженію непостояннаго щастія научаются терпѣнію и кротости; возносятся безпрепятственно мыслями къ Виновнику бытія всѣхъ существъ и тварей; и бесѣдуя всеминутно съ собою, съ человѣчествомъ и Зиждителемъ своимъ, вкушаютъ и въ самыхъ злоключеніяхъ небесную сладость.

Чадолюбивый отецъ, въ тѣсныхъ своихъ предѣлахъ глава и повелитель, призвавъ къ себѣ на единѣ любезнаго сына, и предложивъ ему сіе зерцало, не преминетъ вперить въ нѣжное его сердце наиполезнѣйшія наставленія. Ежечасно будетъ онъ ему твердить, что добродѣтель есть надежная и необманчивая путеводительница къ высочайшимъ достоинствамъ;

ствамъ; что добродѣтельный сынъ есть купно добродѣтельный мужъ, добродѣтельный другъ и добродѣтельный подданный. Онъ при всякомъ случаѣ напомнитъ ему, что сынъ строптивый; и такъ сказать, уже въ лонѣ матернемъ развращенный, бываетъ, во всѣхъ состояніяхъ жизни, Отечеству своему несноснымъ бременемъ.

И вы созданныя во украшеніе человѣческому роду! вы повелительницы сердецъ! когда озаряете лѣпоту вашу лучами добродѣтели, и владычествуете надъ смертными сѣ тѣмъ только, дабы поощрять ихъ къ предпріятію высокихъ дѣлъ и подвиговъ; сносить купно и раздѣлять межъ собою иго житейское; исполнять волю и намѣренія Произведшаго васъ на свѣтъ, и быть неразлучнымъ въ жизни другомъ: тогда страны веселятся о своемъ блаженствѣ; грады красуются вашею любовію и цѣломудріемъ; и семейства питавшія васъ въ нѣдрахъ своихъ благословятъ Небо за данный имъ свыше толь драгоцѣнный залогъ, для прославленія ихъ родоначальника.

Вольнодумцы негодующіе на все, ничему невѣрющіе и опровергающіе всю истинну, вѣру, а иногда и самую добродѣтель, разсѣваютъ между невѣждами, подъ видомъ нѣкоей вольной учености, зловредныя благонравію мнѣнія; но всякъ твердо исповѣдующій Божество и святость законовъ вѣчнымъ перстомъ каждому впечатлѣнныхъ вникнувъ въ сіе зерцало, узритъ тамо скудоуміе ихъ, угрызеніе совѣсти и смертельное унынie, когда всемірный Правитель низвергаетъ на нихъ молніеносные свои перуны.

Словомъ, въ сей книгѣ изображены добродѣтели и пороки въ естественномъ своемъ видѣ; всѣмъ и каждаго состоянія людямъ, предписаны удобныя средства, къ наблюденію первыхъ,

первыхъ, и ко избѣжанію послѣднихъ. Естли бы только сіи предписанія по моему желанію исполнились: то бы труды мои не остались безъ крайняго удовольствія!

Впрочемъ оставивъ всѣ тѣ похвалы, которыми бы я могъ Писателя моего и его Твореніе увеличить, объявлю только Читателю моему, что я принялъ сей трудъ на себя по особливому изволенію одной знатной Особы, которая желая, въ пользу всего общества, видѣть таковую книгу на Россійскомъ языкѣ, доставила оную Собранію старающемуся о переводѣ иностранныхъ книгъ, и въ напечатаніи сея книги не малое учинила вспоможеніе.

I.

СОЛНЦЕ.

ВСЕЛЕННЫЯ КОНЦЫ ЛУЧАМИ СОГРѢВАЕТЪ,
И ТЕПЛОТОЮ ЖИЗНЬ ПРИРОДѢ ВСЕИ ВЛИВАЕТЪ.

I.

СОЛНЦЕ.

Сей вождь небесныхъ тѣлъ, обладатель времени, выводитъ намъ день, на златой своей колесницѣ, съ плѣняющею красотою и величествомъ. Съ неизмѣримой высоты сисходитъ онъ долу, для согрѣванія и оживотворенія земли. Никогда не оскудѣваетъ онъ сіяніемъ и жаромъ. Хотя старѣетъ, но въ силахъ не изнемогаетъ. Хотя не имѣетъ въ теченіи своемъ отдохновенія, однако неутомленно изливаетъ свое сіяніе. Онъ горитъ и пламенѣетъ, и кто вѣдаетъ, чрезъ сколько вѣковъ? но въ конецъ не истлѣваетъ. О Ты устроивый его Создатель! коль велико есть Твое могущество, и коль блистательно Твое сіяніе, Ты источникъ сего свѣтила!

Когда приходитъ оно управляти днемъ, или въ началѣ онаго изъ чертоговъ своихъ сводамъ подобныхъ исходитъ, тогда все естество подъемлется ему на срѣтеніе. Вся тварь движется, оживляется, ликуетъ и гласы раздаетъ повсюду: воздухъ, воды, поля и грады. Сколь же неблагодаренъ ты, о человѣкъ! не благословляя своего и всея твари Создателя! Твоя жизнь и пища, твое стадо и его паства, твой свѣтъ и радость происходятъ отъ сего свѣтила. Ты ругаешься надъ простотою, которая во мрачныя нѣкогда и почти въ забвеніи погруженныя времена, падъ предъ солнцемъ на колѣна, оное обожала. Но она была благоговѣйнѣе и праведнѣе тебя, о суевѣрная простота! дай ей премудрость твоего вѣка, такъ возлетѣвъ превыше горнихъ

 мѣстъ,

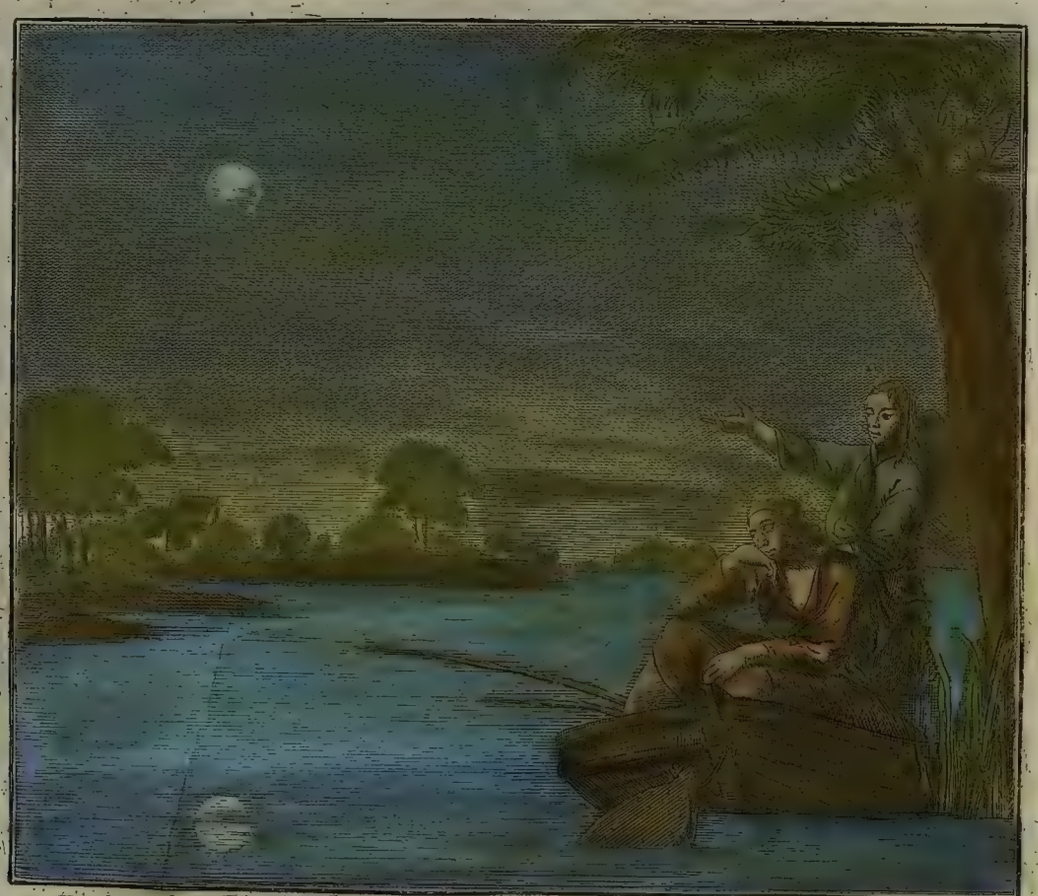
мѣстѣ проникнетъ она ко своему Зиждителю. Тамъ станетъ она моленіе проливать, благодарить и раболѣпно почитать намѣренія Создавшаго міръ, солнце, свѣтъ и день. Но болѣзненно съ высоты воззритъ токмо на тебя, о мнимый мудрецъ, что ты измѣривая солнце и его величину, опредѣляя путь лучей и силу ихъ сіянія, безконечно сильнаго ихъ и безконечно благаго Творца или отрицаешь, либо забываешь.

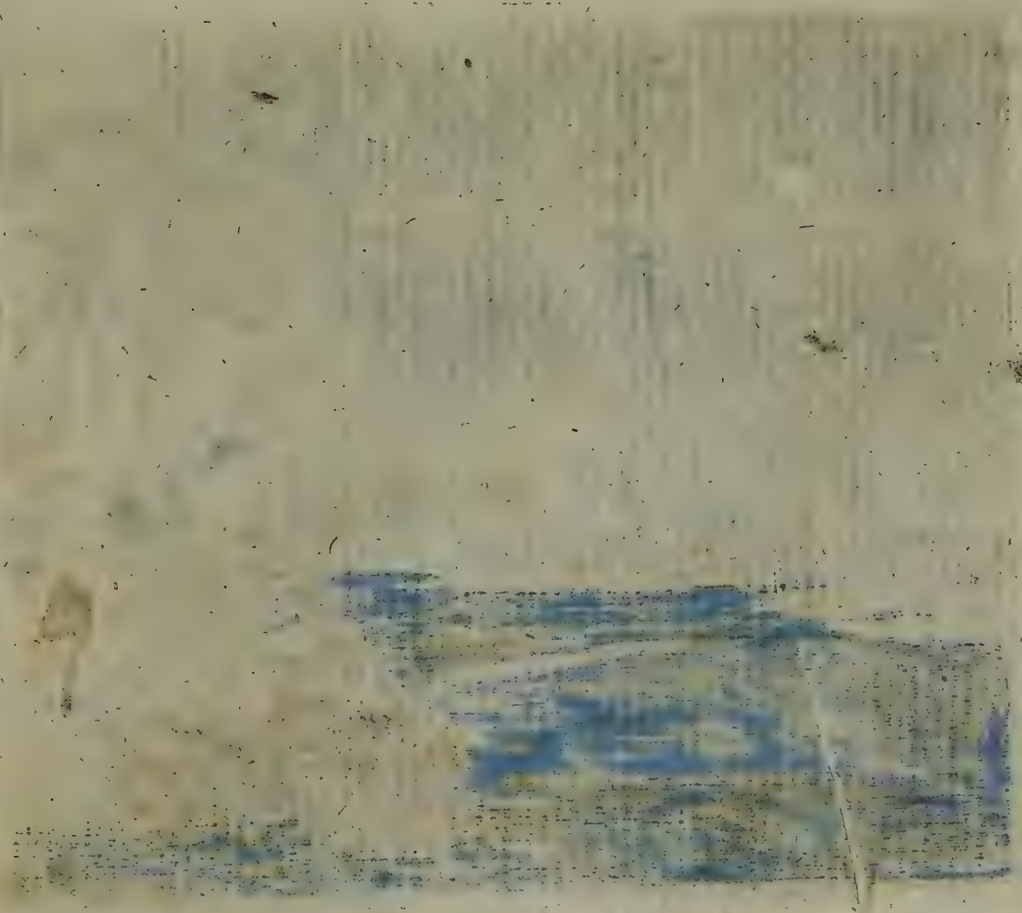
Когда уже свѣтила небесныя тебя просвѣтить и любви въ сердцѣ твоемъ возжечь не въ состояніи; то сниди ослѣпленный и оледенѣвшій въ безсолнечное владычество тѣней, сниди въ вѣчную нощь.

II.

Л У Н А.

ВО СЛѢДЪ ТЕЧЕТЪ ЗЕМЛѢ, ЧТОБЪ МРАКЪ ГУСТОЙ
РАЗГНАТЬ.
ЗАИМСТВУЕТЪ СВОЙ СВѢТЪ, ЧТОБЪ ПРОЧИМЪ СООБЩАТЬ.





II.

Л У Н А.

Когда солнце слагаетъ дневное свое правленіе, тогда приходитъ луна, оная вѣрная спутница, ведущая глубокую за собою полнощь. Покровенна тончайшими парами проникаетъ она заимственнымъ сіяніемъ во храмину нашего упокоенія, начерпавая въ немъ круги своего сіянія. Разженную солнцемъ прохлаждая землю, разсыпаетъ хотя не златые, какъ солнце, однако серебряные блески. Она намъ любезна, и мы чтимъ ее, приписуя ей великую надъ нашимъ тѣломъ силу, и ея удивительное въ земный шаръ вліяніе. Рыбарь сидя при брегѣ хвалу возсылаетъ лунѣ, что она дѣлая ему прибыточные и изобилующіе рыбою заливы, влекомую мрежу его освѣщаетъ. Ловецъ рыщетъ и производитъ въ кустахъ трескъ и громъ, веселясь, что луна показуетъ ему цѣль и добычу. Злодѣй, тать и разбойникъ токмо вопіетъ и клевещетъ на луну, что она, свѣтя сквозь завѣсу нощную, злодѣяній его укрыть не хощетъ. Безчеловѣчный, тебя и луна стыдясь блѣднѣетъ!

О Создатель! коль велико есть Твое владычество! Ты далъ Сатурну и Юпитеру еще больше лунъ, нежели нашему земному шару. Коль великолѣпное зрѣлище должно быть тамо, когда нашу нощь и единый спутникъ освѣщаетъ заимственнымъ сіяніемъ и свѣтильникомъ возженнымъ отъ удалившагося солнца. Востаньте спящіе и лѣнивцы! Востаньте

те и удивляйтесь темнозрачной нощи, сопровождаемой блистаніемъ луны! Почитайте, подобно ей, въ глубокомъ удивленіи, Божество устроившее сей слабый свѣтъ, любви навшея достойный. Со вниманіемъ разсматривая оный, благовѣствуйте ведро наступающему дню; и будьте лунѣ, въ ея вѣрномъ и неразлучномъ послѣдованіи, но никогда въ ея измѣненіи, подобны.

III.

ЗВѢЗДЫ.

ВЪ ЛАЗУРЕВОЙ ДАЛИ ПРЕСВѢТЛЫЙ ЛУЧЬ СІЯЕТЪ,
БЕЗЧИСЛЕННОСТЬ СИХЪ ЗВѢЗДЪ ТВОРЦА НАМЪ ИЗЪЯВЛЯЕТЪ.

III.

ЗВѢЗДЫ.

Во истинну свѣтила небесныя, украшающія нощь купно съ луною и насъ въ густомъ ея мракѣ безопасно ведущія, суть безчисленны. Развѣ тотъ изочтетъ ихъ, кто можетъ исчести прахъ земный и сѣмя Авраамле, тотъ говорю, кто ихъ сотворилъ и измѣрялъ. И для того вѣщаетъ Онъ ко отцу вѣрующихъ въ него: *Воззри на небо, и изочти звѣзды, можешь ли исчести ихъ?* Но ихъ считаютъ мудрецы, землемѣры, и звѣздочетцы, даютъ ихъ имена, знаютъ ихъ стояніе, и чрезъ изслѣдованіе свое опредѣляютъ имъ виды. Недостаточная премудрость! Такимъ образомъ и мы считаемъ розы цвѣтущія въ нашихъ садахъ. Но можемъ ли мы всѣ оныя исчислить и вѣдаемъ ли число цвѣтовъ, находящихся во всей подсолнечной? Воззри токмо, о смертный! алчущій все извѣдать, на Океанъ небесный, вооружи бренное свое око и испытай, что и широкій поясъ, млечный оный путь простирающійся въ небесахъ, и тебѣ туманомъ представляющійся, есть сонмъ несчетныхъ звѣздъ. Знай, что и неподвижныя звѣзды, какъ ты ихъ называешь, суть солнца, имѣющія собственный свѣтъ, и кои если не больше, то по крайней мѣрѣ столь же велики, какъ и твое солнце. Да и не могутъ ли подобныя землѣ нашей планеты и луны такъ же и около ихъ обращаться?

Тулѣетъ умъ и зракъ, мысль тратитъ быстроту,
Зря міровъ множество, ихъ чинъ и красоту.

Но

Но чтобъ былъ человѣкъ, и съ чемъ бы онъ сравнился,
Когдабъ чрезъ тварь познать творца не научился?

По истиннѣ! кто Божества при толь многихъ свѣтилахъ не видитъ, тотъ слѣпъ. Единая звѣзда трехъ волхвовъ, но сколь мало подобныхъ имъ находится! ведетъ ко Спасителю міра; а тебя, невѣрный и нещастный, тьмы звѣздъ не привели еще къ познанію Создателя! Въ лѣсахъ и на моряхъ послѣдуешь ты имъ, и радуешься увидѣвъ Кастора и Поллукса, яко знаки прекращающейся бури! Изрядно! но они на небесахъ суть свидѣтели Божества окружающіе престолъ его, и украшающіе его сѣдалище. Да восхвалятъ убо Господа всѣ звѣзды небесныя!

IV.

О Г Н Ь.

ОБЪЕМЛЕТЪ ВСЕ ВО КРУГЪ, И СЪ ПЛАМЕНЕМЪ СВОИМЪ
ПРЕВЫШЕ ЗДАНІЙ, ГОРЪ, ГУСТОЙ ВОЗНОСИТЪ ДЫМЪ.

IV.

О Г Н Ь.

Ужасную силу имѣетъ огонь. Всѣ стихіи превосходитъ онъ своею жестокостію, пожираетъ своего питателя и самаго себя въ дыму удушаетъ; если только не можетъ захватить другихъ какихъ либо вещей окрестъ его лежащихъ, и превратить ихъ въ прахъ и пепелъ. Почитая вольность свою высоко, разторгаетъ онъ всѣ узы и преграды: покоряя все, возлетаетъ быстрыми крылами на высоту, и ищетъ себѣ во тверди покоя. Что разумъ и искуство трудами и потомъ сооружили, *Коринѳъ* и *Римъ*, украшеніе градовъ, и одѣяли ихъ златомъ и великолѣпіемъ; то неистовствомъ огня во мгновеніи ока воспламенѣвъ, въ пепелъ обращается. Коль многія огромныя зданія воздвигнутыя изъ мрамора, и возносящія верьхи свои до облакъ, силою огня низвергаются и опровергаются до основанія. Когда страшилища свѣта, *Везувій* и *Этна* дымятся, и мрачную нощь сіяніемъ свирѣпыхъ своихъ пламеней превращаютъ въ день: тогда твердыня земная колеблется, народъ окрестный блѣднѣетъ, мятется, и оставляетъ домашнихъ своихъ кумировъ, Любовь и Сокровище.

Внезапу съ высоты, въ простирающемся въ даль полукружіи, летитъ горящій дождь, и ищущихъ себѣ въ бѣгствѣ спасенія огненными валами захвативъ, во оныхъ погребаетъ. Сколько же ужасенъ будетъ послѣдній день, когда весь міръ во пламени погибнетъ?

Однако

Однако же огнь считается между величайшими благодѣяніями Всемогущаго: жизнь, пища, одѣяніе, выгоды и художественныя работы отнюдь безъ него быть и состоять не могутъ. Печальна зима и скучна нощь безъ помощи огня; и день тотъ представляетъ плачевный образъ, предъ коимъ солнце, яко источникъ свѣта, скрывается. Монархъ и вельможа утѣшаются увеселительнымъ огнемъ, который искусно устроеннымъ играніемъ плѣняетъ слухъ и очи, и разноцвѣтными безчисленными сверканіями разсѣкая воздухъ, теряется то въ великолѣпныхъ кругодвиженіяхъ стремительнаго колеса; то въ шарахъ отъ треску внезапно исчезающихъ.

Любовь подобна огню. Она стремительна и сильна; ненавидитъ принужденій, и никакихъ не терпитъ обузданій; она покоряетъ себѣ всѣ другія страсти, и самый разумъ; благополучіе и спокойство повергаются часто къ ея стопамъ. Когда же огнь ея угаснетъ и сердце истощится, то оставляетъ она по себѣ мрачную и скорбную пещеру, въ которую вселяется раскаяніе во образѣ нощнаго врана. Но низходящая съ небесъ любовь сохраняетъ всю вселенную. О дабы она паки въ насъ воспламенилась!

V.

ВОЗДУХЪ.

ХОТЬ ТОНОКЪ И ЛЕГОКЪ, НО ТЯЖЕСТЬ ОНЪ ЯВЛЯЕТЪ,
И СЪ ВѢТРОМЪ НА ТѢЛА БѢГЪ СКОРЫЙ УСТРЕМЛЯЕТЪ.

V.

ВОЗДУХЪ.

Между землею и небесами разливается воздухъ на подобіе моря, въ которомъ все плаваетъ, что дышетъ и живетъ, безчувственное и мертвое. Онъ опирается въ землю, однако во всѣ ея внутренности проходитъ. На своихъ раменахъ носитъ чистѣйшую небесную стихію, называемую Ееиромъ, которая тонкостію и нѣжностію своею грубыя земныя тѣла несравненно превосходитъ. Безчисленныя тьмы пудовъ воздуха наполняютъ Атмосферу, и человѣкъ со всѣхъ сторонъ стѣсняется силою онаго равною 1188 пудамъ. Какая тягость! какое чаинство естества! Однако воздухъ легокъ, тонокъ, скоръ и перемѣнчивъ. Онъ проницаетъ все, и все наполняетъ; производитъ свѣтъ, звонъ, звукъ, смрадъ и благовоніе. Онъ сухъ и влаженъ. Весна раждаетъ въ немъ росу; лѣто молнію и градъ; осень беретъ отъ него иней и дождь, а зима получаетъ свой косматый снѣгъ. Онъ скученъ въ темнотѣ, дышетъ во время вѣтра; и съ веселіемъ взираетъ на солнце ризу свою изъ златыхъ ниток ткущее. Онъ сохраняетъ жизнь человѣковъ и скотовъ. Недостатокъ воздуха обездушевляетъ, а излишество его удушаетъ насъ. Безсмертный *ГЕРИККЪ*, (*) первый изъ человѣковъ содѣлался

 по-

(*) *Отто Гериккъ* изобрѣлъ воздушный насосъ, посредствомъ котораго узнали мы свойства воздуха, и въ испытаніи природы новый свѣтъ узрѣли. Сею машиною дѣлалъ онъ опыты въ 1654 году, въ городѣ *Регенсбургѣ* во время государственнаго съѣзда въ присутствіи Императора, Курфирстовъ, пословъ и другихъ знатныхъ вельможей.

повелительнымъ господиномъ надъ онымъ. Онъ стѣснялъ и принуждалъ его оставляти свои жилища, а сей сопротивлялся и визжалъ противу его чрезъ отверстіе искуственнаго гвоздя, но тщетно; ибо согнѣтенъ будучи уступилъ.

Перемѣнчивому и непостоянному воздуху нѣтъ ничего такъ подобнаго, какъ мысли и желанія человѣческія. То плачетъ онъ, то смѣется; то любитъ, то ненавидитъ. Онъ самъ себѣ бываетъ своимъ легкомысліемъ въ тягость, и своею вѣтренностію несноснымъ бременемъ. О колико безумный можетъ себя отягощати! Почто ведетъ онъ самъ съ собою толь жестокую брань? Онъ вступается во бракъ, въ достоинства и государственныя дѣла: все ему мнится легко. Но вдругъ ощущаетъ тягость, подобно какъ разслабленной болящій; давленіе воздуха. Тогда удручается подъ бременемъ; но никто не хощетъ онаго отвергнуть.

VI.

ВОДА.

ДАВЛЕНІЕМЪ СВОИМЪ ТѢЛА ОТЯГОЩАЕТЪ,
КОГДА ПИТАТЕЛЬНЫЙ СОКЪ ВЪ ОНЫЯ ВЛИВАЕТЪ.

VI.

ВОДА.

Воздухъ давитъ воду, а сія давитъ землю. Пріятное и плодоносное давленіе! Откуда бы раждались багряныя яблоки, сизыя сливы и румяныя розы, если бы вода не давила земли, и не вступала бы во оную. Чтобы были, піемое златовидное вино, кровь винограда и сладчайшій нектаръ, чтобы были они безъ воды? Не уже ли она однихъ токмо чешуею одѣянныхъ тварей стихія? Никакъ, о человѣкъ! она есть и твоя стихія. Она, какъ нѣкогда сказалъ *Θалесъ*, *есть виновница всѣхъ вещей*. Ничто не родится, не изображается, и не можетъ сохранити себя безъ воды. Ни растѣніе, ни крушецъ (металлъ), ни звѣрь, ни человѣкъ не можетъ безъ нея своего бытія имѣти. И на тверди небесной основаны воды. Уже при созданіи міра парилъ духъ Всемогущаго надъ ними, и при ужасномъ потопѣ Судія плоти употреблялъ ихъ, дабы исплити землю. Трепещите, о смертные! видя стремящееся съ высоты наводненіе. Помышляйте о Ноѣ и о чадахъ его удостоенныхъ жить и пребывать на поверхности водъ все умерщвляющихъ. Продерзкій хулитель Всемогущаго мнитъ, что безмѣрно много воды на землѣ. Мечтая безбожно, съ необузданною кичливостію воспрошаетъ онъ: къ чему толикія моря, и неизмѣримые Океаны? Можно бы, мечтаетъ онъ, уменьшивъ оныя въ половину, содѣлать матерую землю на обитаніе человѣческому роду. Дерзновенный невѣжда въ познаніи естества и намѣреній его! Если бы Океаны были въ половину нынѣшніи

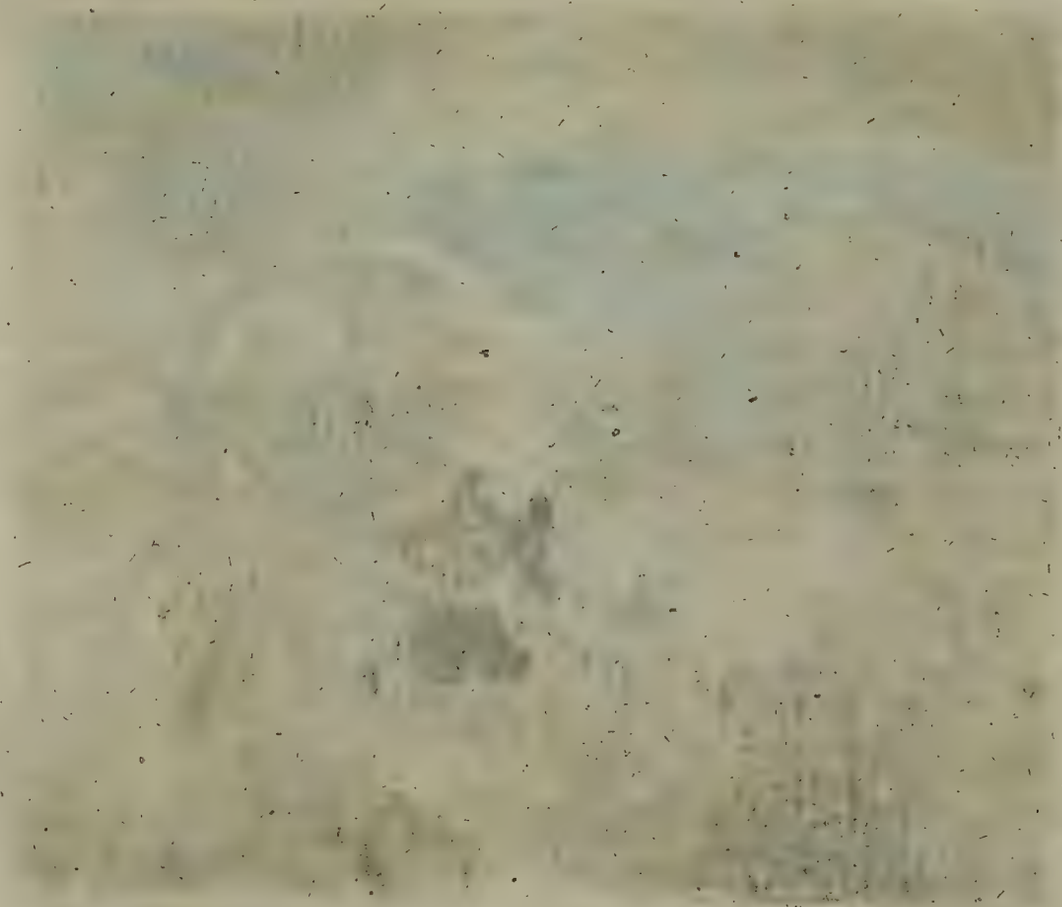
своея величины, то имѣлъ ли бы ты столько исходящихъ паровъ, рѣкъ, росы, дождя и влажности, которыя изсохшую землю напаяя утучняютъ. Вопроси только поварню, баню, купель, мельницу и садъ; имъ должно имѣть воду во изобиліи, для пріобрѣтенія и продолженія пищи, чистоты и увеселенія.

Всещедрое Существо! Ты подаешь сіе изобиліе, и вода, яко море Твоея благости, есть неизчерпаема, Ты орошаешь землю, да приноситъ прозябеніе. И къ тому творя намъ вино изъ воды, печешься, въ безконечныхъ превращеніяхъ того и другаго, о нашемъ вкусѣ, здравіи и жизни. Токи разтворенные солію, слезы радости стремящіяся изъ очей нашихъ, да благословятъ Тебя за Твои благотворенія.

VII.

ЗЕМЛЯ.

ПОВСЮДУ НЕ РАВНА ВЪ ОБИЛЬНОСТИ СВОЕЙ;
ДОВОЛЬСТВОВАТЬ ВЕЗДѢ ГОТОВА ВСѢХЪ ЛЮДЕЙ.



VII.

З Е М Л Я.

Что суть сокровища всего міра? когда и земныя богатства уже столь велики и безчисленны. Мы землю попираемъ ногами, и она сноситъ то по волѣ Создателя, утвердившаго и устроившаго ее нашимъ поприщемъ. Но она требуетъ отъ насъ, что бы мы, взирая горделиво на высоту, не вовсе ее забывали. Здѣсь, вопіетъ она: воззри смертный! на меня, здѣсь ты приуготованъ, здѣсь изображенъ, здѣсь твои сокровища, которыми ты возносишься; и здѣсь преклоняюсь я, дабы уготовать гробъ, въ которой ты вскорѣ снидешь: и тогда будешь ты паки во едино со мною, земля будеши, какъ былъ ты прежде, и каковъ ты и нынѣ. Попирай убо дерзновенно, а я отмщевати стану.

Или соглашаешься ты со мною? Желаешь ли меня всю изслѣдовать, обрабошать и угобзить: то я готова всѣ мои сокровища съ тобою раздѣлити. Цвѣты, плоды, блистающіе крущцы (металлы), и драгоцѣнные камни будутъ твоимъ достояніемъ. Къ тому же дозволяю тебѣ всѣ внутренности мои разбирати; копай, опускайся во глубину земную, открывай во ужасныхъ, но прекрасныхъ и удивительныхъ ходахъ, таящіяся руды, и извлекай оныя на свѣтъ въ сосудахъ къ верьху возносимыхъ. Всѣ въ нѣдрахъ моихъ заключенныя сокровища принадлежатъ тебѣ. И если я для тебя въ одномъ мѣстѣ не довольно богата, то слѣдуй далѣе, шествуй во *Индію*. Вездѣ покажу тебѣ новыя богатства; вездѣ я неизтощима, ветхая деньми и всегда юна безпрестанно возобновляющаяся младостію благоуслужливая мать твоя.

 Зна-

Знаніе земли есть благородно! во истинну презрѣнный селянинъ, если только ее знаетъ, вѣдаетъ объ ней больше нежели надменный и углубившійся въ одни токмо слова мудрецъ, который исчислилъ, какъ можно землю съ ея теченія совратить или сквозь ея прокопаться до нашихъ противуножниковъ. Земля есть образъ небесныя благости толь многообразно раздѣлившія свои дары. Чего въ одномъ мѣстѣ нѣтъ, тѣмъ другое изобилуетъ. Одинъ печется о пищѣ, другій уготовляетъ трапезу, тотъ имѣетъ богатство, а иной разумъ. Сіе раздѣленіе соединяетъ весь родъ человѣческій, и дѣлаетъ, что одинъ безъ другаго обойтися не можетъ; подобно какъ различіе земныхъ сокровищъ произвело на свѣтъ купечество и торговлю, средства къ сохраненію жизни и мореплаваніе искуство и труды. Но подобаетъ тебѣ земный обитатель знать, какъ возноситься выше червя ползающаго токмо по землѣ.

VIII.

ОБЛАКА.

ВЫСОКИ ОБЛАКА УДОЛЬНЫЙ ПАРЪ РАЖДАЕТЪ,
КАКЪ ЩАСТІЕ РАБОВЪ ВЪ ЧЕРТОГАХЪ ВОЗВЫШАЕТЪ.

VIII.

ОБЛАКА.

Густое облако, бывъ прежде простой токмо водяный паръ тихо возвышающійся отъ земли, нынѣ красуется горделиво на высотахъ воздушныхъ. Солнце пособивъ ему взойти на сіи высоты, разпещряетъ еще оное златыми своими лучами. Но въ знакъ благодарности оно затмѣваетъ солнце, и лишаетъ землю, забывъ свое отъ нея происхожденіе, полезнаго и необходимонужнаго сіянія. О вы Владыки міра! извлекающіе изъ праха ласкателей и придворныхъ, и творящіе ихъ изъ рабовъ Господами, вредящими вашему высочеству, внемлите сему изображенію! Они, подобно темнымъ и страшнымъ облакамъ, окружая сіяніе вашего престола, лишаютъ подданныхъ вашего лицезрѣнія и Монаршія милости. И такъ оставте вы пустые пары во глубинѣ и тинѣ, и на мѣсто ихъ возвысите благородную и прозорливую добродѣтель.

Когда облако довольное время пребываетъ на высотѣ, и то раздѣляясь, то совлекаясь, всякіе на себя пріемлетъ виды: тогда обрушась наконецъ своею собственною тягостію низпадаетъ, и раздѣлясь на мѣлкія капли изливается паки туда, откуду происхожденіе свое возпріяло. Равно и туманъ, сіе младое облако, упадаетъ, и хотя подъемлется паки, но напослѣдокъ выспреннею угнѣтаемо силою, въ тинную хлябь низходитъ.

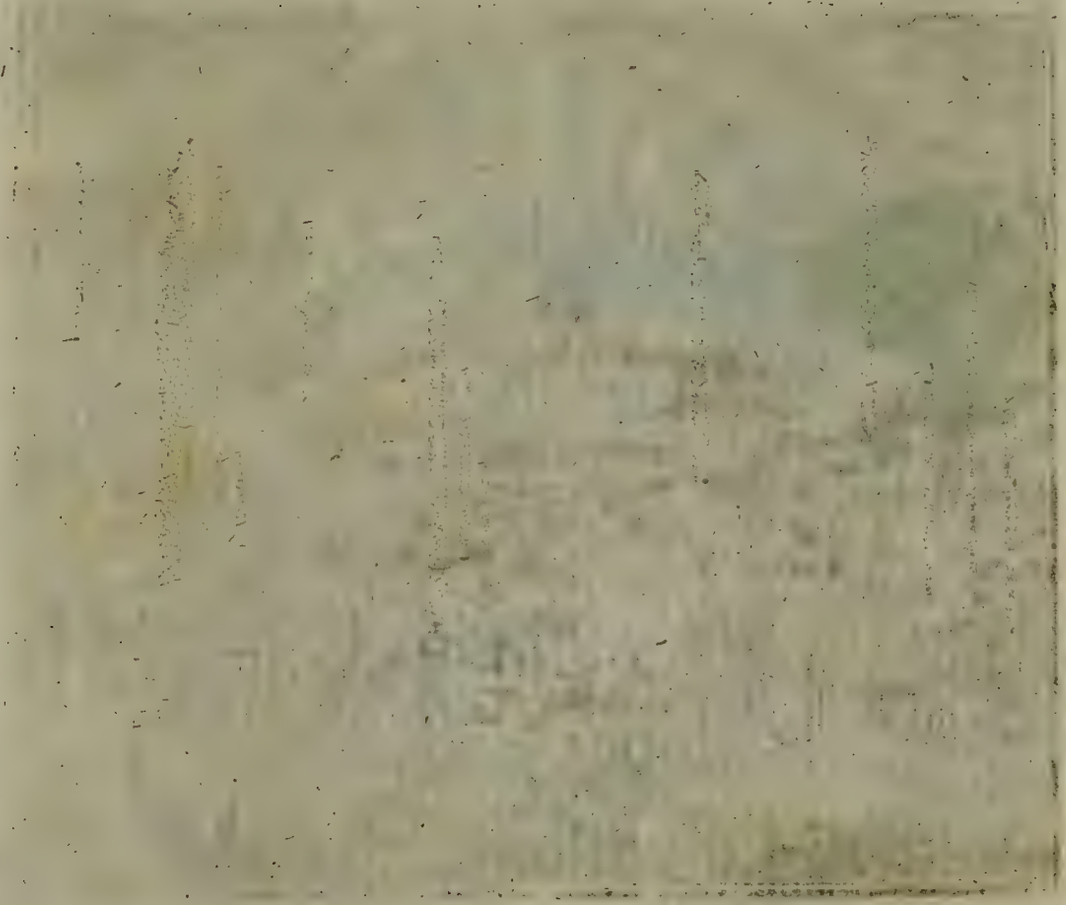
Тако и ваше благополучіе, рабы щастія, быстро возлетаетъ до небесъ. Но мечтаніемъ вашимъ надменно, тягостію злодѣяній гнѣтомо, теряетъ свое равновѣсіе; и устремляясь

ясь долу быстрѣе, нежели возлетало, уноситъ за собою всѣхъ тѣхъ, коихъ вы хотите съ собою низринуть. Гдѣжъ теперь тѣ заимственныя прикрасы, и чуждое сіяніе, которыми вы себя прикрывали? О вы! Явленія политическаго небеси, какъ скоро миновалась година ваша, когда вы не сами собою и не собственнымъ своимъ достоинствомъ возвышались! Но облака, вѣщаете вы, пребудутъ навсегда, которыя раждаютъ и сохраняютъ небеса. Однако и останутся же они навсегда воздушными водными явленіями.

IX.

ДОЖДЬ.

ОТРАДУ ВСЕЙ ЗЕМЛѢ ПРОХЛАДНЫЙ ДОЖДЬ ДАЕТЪ; ОДНАКЪ ВРЕДИТЪ, КОГДА СЪ ИЗЛИШЕСТВОМЪ ПРОЛЬЕТЪ.



IX.

ДОЖДЬ.

Небо чрезъ долгое время стояло ясно и ведренно, воздухъ благорасптворенъ, и лице солнца пріятно было; какъ наконецъ густыя навлекшіяся облака все покрыли чернымъ мракомъ. Свирѣпо и порывисто Сѣверный вѣтръ, не какъ благопріятный Зефиръ пролетающій тихо сквозь кустарники, одушевляющій древеса пріятнымъ своимъ дыханіемъ, устремляется на влажную тягость облаковъ и въ густомъ дождѣ низвергаетъ ихъ долу. Поселянинъ съ торопостію оставляетъ поля; путешественникъ дорогу, а гражданинъ торжище, ища себѣ покрова. Путешественники сидя подъ древомъ, ожидаютъ со трепетомъ прохожденія тучи; земледѣлецъ и гражданинъ смотрятъ горделиво изъ покровенныя храмины, какъ будто бы ругаяся ліющемуся дождю, хотя они отъ него и съ поспѣшностію ушли. Одна токмо земля не укрывается, и съ жадностію пріемлетъ прохлаждающій дождь въ себя. Она разводитъ и тлитъ его, подобно какъ тѣло человѣческое сваривается утоляющее жажду питіе. Но будучи долгое время напаяема размягчается, сокрытыя въ нѣдрахъ ея прозябенія отъ излишнихъ соковъ надмѣваются, и тлетворная влажность снѣдаетъ плодоносный ихъ корень.

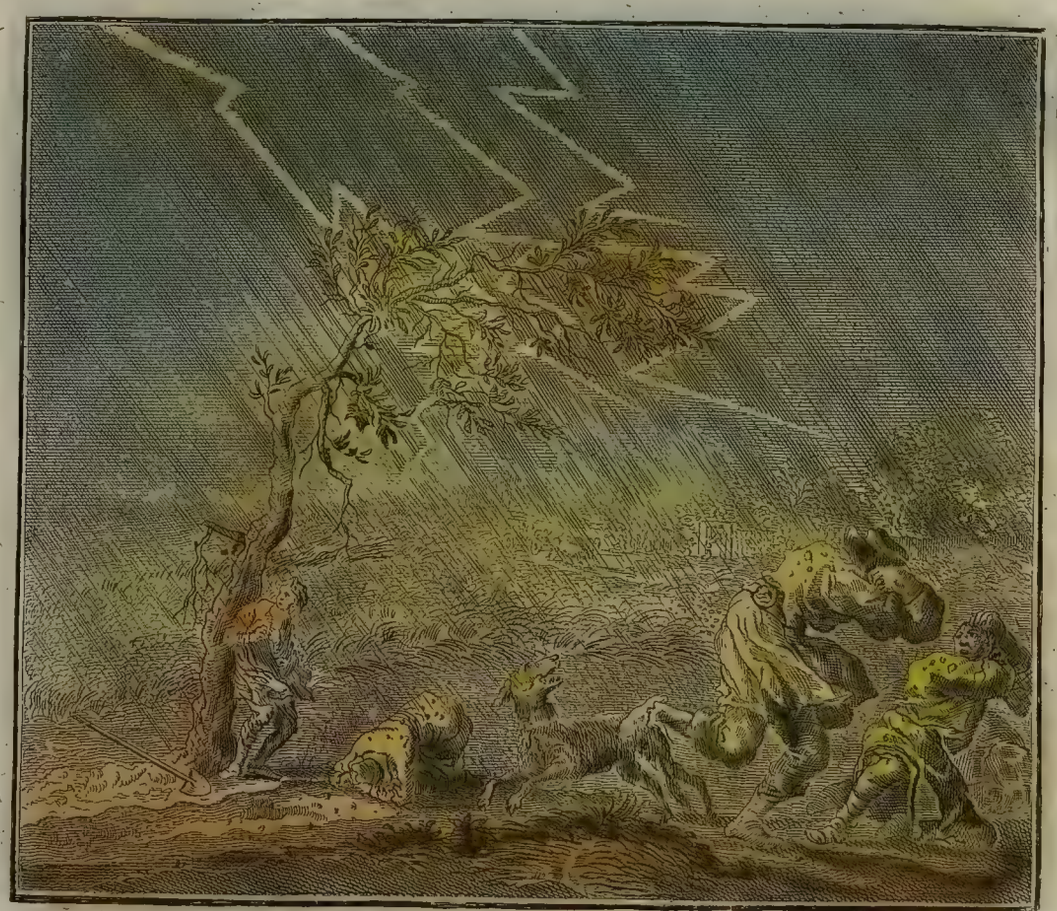
Тогда дерзкій селянинъ ропщетъ на Божество, что оно ему рѣдко по его прихотямъ ведро учреждаетъ; и съ негодованіемъ тревожитъ Храмъ, чтобъ горделивымъ и безумнымъ моленіемъ исторгнуть солнечное сіяніе Онъ хощетъ вынудить то отъ священника, какъ будто бы сей былъ всемогущій.

О ты піяница! для тебя питіе было долгое время прохлаждающимъ дождемъ. По крайней мѣрѣ ты такъ себѣ о томъ воображалъ. Напослѣдокъ наводнило оно твой разумъ, здравіе, благополучіе и самую жизнь твою. Теперь уже долженъ врачъ изцѣлити снѣдающую и воспаляющую тебя язву. И ты клянешь его, что онъ надъ тобою не дѣлаетъ чудесъ. Священникъ такъ же долженъ подать руку помощи, и немедлѣнно прибѣгнуть къ тебѣ: его молитва и твое покаяніе долженствуютъ тебя уврачевани. О если бы не укоснили оба они притти къ тебѣ! Тѣло твое и безъ того уже погибло. Источникъ милосердія да соблаговолитъ спасти хотя единую душу!

X.

ГРАДЪ.

ПРИВОДИТЪ ВЪ СТРАХЪ, РАЗИТЪ, И ЧАСТО УБИВАЕТЪ;
НО ЧУТЬ ПОЯВИТСЯ, САМЪ СКОРО ИСЧЕЗАЕТЪ.



X.

ГРАДЪ.

Единая токмо природа, созданная и укрѣпленная Всемогущаго десницею, неподражаема художникамъ, можетъ изъ растаявшаго и въ дождевыхъ капляхъ низпадающаго снѣга точить твердые и льдистые шары. Сіи то угловатые, то круглые будучи, поелику отъ воздуха и вѣтровъ больше или меньше соглаждены, съ ужаснымъ визгомъ свирѣпствующихъ вѣтровъ, на грады и поля стремятся. Кровли трещатъ, окна сокрушаются, жатва, виноградныя лозы и древеса умираютъ отъ убивающія ихъ силы. Звѣри, пораженные симъ необыкновеннымъ ударомъ, котораго избѣгнуть не могли, воютъ и ревутъ объяты унынiемъ и страхомъ. Люди на поляхъ и стогнахъ постигнутые градомъ, укрываютъ лице свое, и оному противополагаютъ твердый и не столь чувствительный свой хребетъ; но его свирѣпствомъ часто низвергаются, и отъ ударяющихъ шаровъ, подобно какъ сражающіеся на битвѣ отъ смертоноснаго свинца, повергаются на землю.

Печальный селянинъ, ободрясь нѣсколько отъ ужаса, зритъ нынѣ надежду свою въ семъ годѣ уничтоженну. Все прибито къ землѣ, все разорено; да и то, что пощадилъ градъ, опалилъ огонь сошедшій купно съ нимъ и послѣ его какъ нѣкогда во *Египтѣ*. Единая токмо отрада, отрада унынія и горести преисполненная, остается для него, что огнь и градъ опустошая плоды и древеса, купно и сами изчезли, и истребляя толикое множество не пощадили и самихъ себя.

Таковъ

Таковъ есть хулитель. Изъ очей его сверкаетъ завистливый и снѣдающій огонь, а изъ свирѣпыхъ челюстей исходитъ на враговъ и на приятелей градъ преисполненный поношеній и ругательствъ. Сіи ударяютъ и разятъ жестоко, терзаютъ и язвятъ, и нигдѣ не можно отъ нихъ укрыться. Но къ щастію нашему, хулитель опровергаетъ чрезъ то купно и собственное свое благодеянствіе, и будучи попранъ исчезаетъ онъ, подобно граду тающему на разженной землѣ.

XI.

СНѢГЪ.

СЪ ВЫСОКИХЪ МѢСТЪ СТРЕМЯСЬ ВСЮ ЗЕМЛЮ ПОКРЫВАЕТЪ,
И ОБНАЖЕННЫЙ ЛУГЪ БѢЛИЗНОЙ УКРАШАЕТЪ.

XI.

СНѢГЪ.

Ничего нѣтъ бѣлѣе снѣга! Онъ посрамляетъ труды художниковъ, покрывающихся противопоставить его чистотѣ, бѣлое свое тканіе. Замерзлый, но бѣлый, какъ вóлна, ниспадаетъ онъ вмѣсто дождя изъ облаковъ. Для вящшаго благолѣпія, Природа украшаетъ его космы шестиугольными блестящими звѣздами. Сіяніе его, коему уподобляются ризы Ангеловъ и преобразившагося Спасителя, освѣщая безмолвную и протяжную зимную нощь, служитъ другой путнику луною. Снѣгомъ увеселяется отрокъ, юноша и совершенный мужъ. Первые забывая зимній мразъ, и будучи почти полуобнаженны, оцѣпенѣлы и хладны, катаются по мягко устланнымъ холмамъ и дорогамъ, на ниспущаемыхъ съ горъ, или коньми влекомыхъ санкахъ; а мужъ одѣтый въ теплыя одежды посмѣвается хладу, и споспѣшествуемый снѣгомъ прелетаетъ съ невѣроятною скоростію половину свѣта. Око его, всѣми своими взорами не можетъ объять бѣлизны предѣловъ. Земля и воды ею покрыты. Спокойное поле, согрѣваяся подъ симъ покровомъ, сохраняетъ помощію онаго прозябенія, корени деревъ, и нѣжную озимь. Въ отдаленныхъ сѣверныхъ странахъ созидаются огромные своды и пути изъ снѣга, чтобъ подъ онымъ, какъ бы во время знойныхъ дней, наслаждаться пріятнымъ прогуливаніемъ. Сколь ни твердъ есть снѣгъ: но настающей веснѣ, скоро, на растворяющейся отъ зноя землѣ, истаеваетъ. На хребтахъ только высокихъ горъ пребываетъ онъ нерушимъ, и сохраняется тамъ, подобно какъ вино въ хранилищахъ богачей во всѣ времена года.

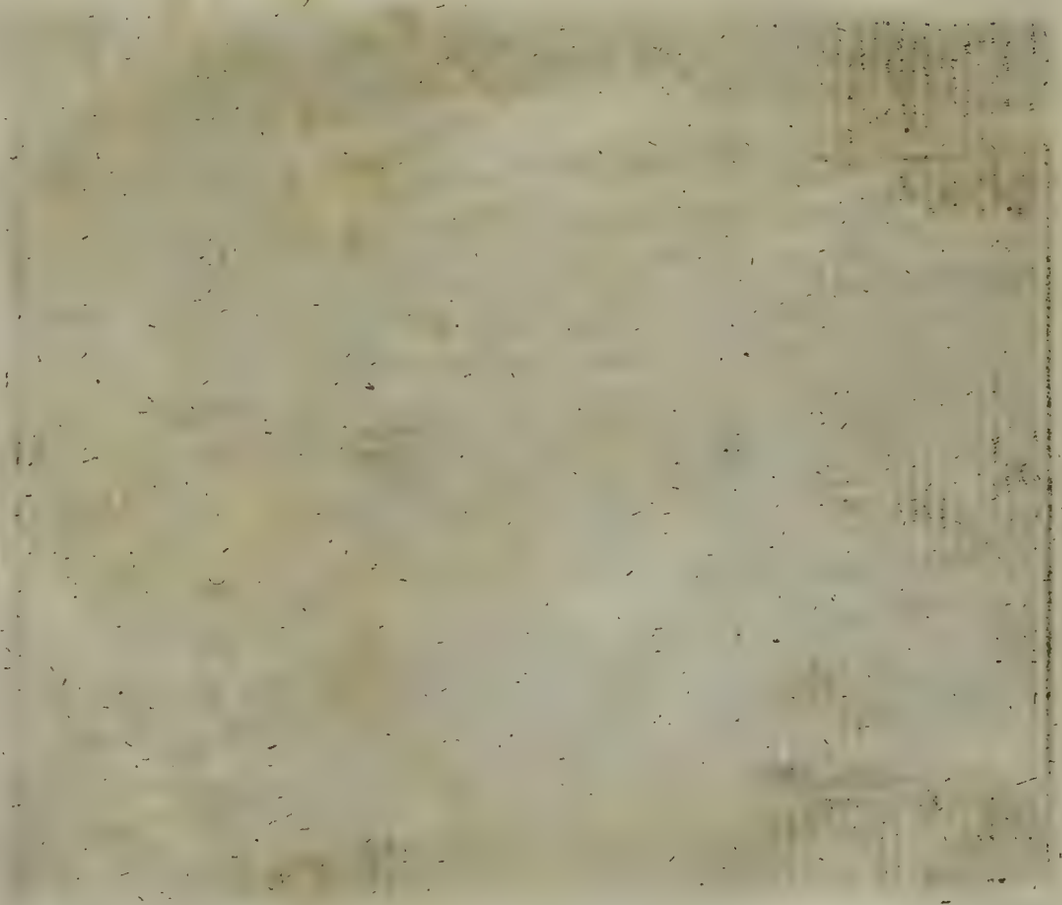
Нра-

Нравы наши должны уподобиться чистотѣ и бѣлизнѣ снѣга. Ни буйство необузданнаго гнѣва, ни безуміе томящія любви не должны сея бѣлизны истребить и уничтожить. Мягко, яко снѣгъ, да будетъ сердце наше ко благому, и да не ослѣпляется блескомъ злодѣяній! И хотябъ грѣхи наши, яко кровь, чермны были; да убѣлятся они, по Псаломнику, яко снѣгъ.

XII.

ГРОМЪ.

УЖАСНЫЙ СЛЫШЕНЪ ТРЕСКЪ, КАКЪ ЯРКО ЗАГРЕМИТЪ,
ПРОНЗАЕТЪ ОБЛАКА, УДАРАМИ РАЗИТЪ.



XII.

ГРОМЪ.

Когда во время удручающаго и продолжающагося зноя изобилующіе сѣрою пары взошедъ на высоту наполняютъ небо, и съ влажными частицами заключенныхъ облаковъ борются: тогда сверкающая молнія отверзаетъ намъ темныя воздушныя поля. Багровый и ужасный ея пламень разсѣкаетъ страны свѣта, и несносное ея сверканіе претворяетъ глубокую и мрачную нощь, во мгновенные, безчисленные и страшные дни. Громъ послѣдуетъ за нею съ ужаснымъ ревомъ; съ начала на нѣсколько мгновеній остановляется онъ; напослѣдокъ разверзается надменная утроба грозящаго облака, и во едино почти время исходитъ послѣдовательно изъ нея молнія, трескъ и ударъ. Огнь стремится пожрать землю, а уныніе человѣковъ. Тамъ дымится зажженный градъ, индѣ пылаетъ сокрушенное древо; и человѣки умерщвленные громовою стрѣлою поникаютъ, или сѣрою удушены погружаются въ вѣчную нощь смерти. Буря, вскорѣ потомъ прогоняема сильными вѣтрами, укрощается: но все Естество еще мятется!

Кто есть сей гремящій, и Дающій молніямъ силу? Се Господь въ бурѣ, носимый на облакахъ, яко на колесницѣ; благоволящъ къ земноводному шару, устрояя его плодородіе молніями и громомъ; а страшенъ тѣмъ, кои не признаютъ бытія и могущества Гремящаго надъ ними. Изыди изъ сводовъ и глубокихъ вертеповъ, въ коихъ сокрывался, о погибшій безбо-

безбожникъ! почто тебѣ убѣгать того, который тебя поразить не можетъ? Почто укрываться отъ слѣпаго случая? А если онъ силенъ поразить тебя, такъ для чего же нѣтъ его? И когда ты все почитаешь за слѣпый случай, то почто содрагается и трепещетъ сердце твое? почто воздыхаешь, почто молишься ты, и кому? Взирай на премудраго, который есть другъ Божій: правда онъ молится, но безмятежно; онъ боится грома, но не унываетъ; онъ страшится молній, но не укрывается. Внемли убо Гремящему, и вѣруй въ Него: а буде инако, то научишься Его познавать тогда, когда громъ Его низвергнетъ тебя въ ту бездну, изъ коея уже спастись не возможно.

XIII.

Р А Д У Г А.

О КОЛЬ ОНА СВОЕЙ КРАСОЮ УДИВЛЯЕТЪ!
КАКЪ СКВОЗЬ ПРОЗРАЧНЫЙ ДОЖДЬ ЛУЧЪ СОЛНЕЧНЫЙ
БЛИСТАЕТЪ.

XIII.

РАДУГА.

Дневное Свѣтило, изображая Радугу, превышаетъ всѣ картины искуства, все блистающее великолѣпіе драгоцѣнныхъ камней, и украшеніе садовъ. Влажное и мрачное облако есть дска, на которой оно дугу сію начертаваетъ; краски его суть свѣтъ, а кисть солнечные лучи. Вэирай вся Вселенная на него! и вы, художники, предстаните ему, или для подражанія либо для вашего посрамленія! Можетъ ли кто изъ васъ, хотя бы онъ *Апеллесъ* или *Анжело* былъ, изобразить сіе полукружіе, и оное единымъ почеркомъ представить очамъ въ тьмократномъ количествѣ? Сія доброта и сіе искуство есть Солнца. Оно представляетъ пріятную Радугу всему міру, и каждому обращающему око свое на небо, содѣваетъ особую. Но едва лишь цвѣтотворное Солнце отходитъ въ сторону, или токмо за малое облако скрывается, внезапу исчезаетъ все: картина, полукружіе, цвѣты, сіяніе и великолѣпіе.

Тако сердце наше есть основаніе и дска, на которой изображается Божество. Добродѣтель есть краска, а свѣтъ Всевышняго благодать. Если взираетъ Богъ на сердце, то нѣтъ ничего прекраснѣе онаго: когда же отвращаетъ отъ него сіяніе своея благодати, ничего нѣтъ темнѣе и мрачнѣе нашего сердца. Тогда мы одна токмо тѣнь, или совсемъ ничто.

Колико плѣняющее зрѣлище для втораго Праотца нашего было, когда по претерпѣнной опасности губительныхъ наводненій, дугу завѣта въ первый разъ онъ увидѣлъ! Колико благъ

 есть

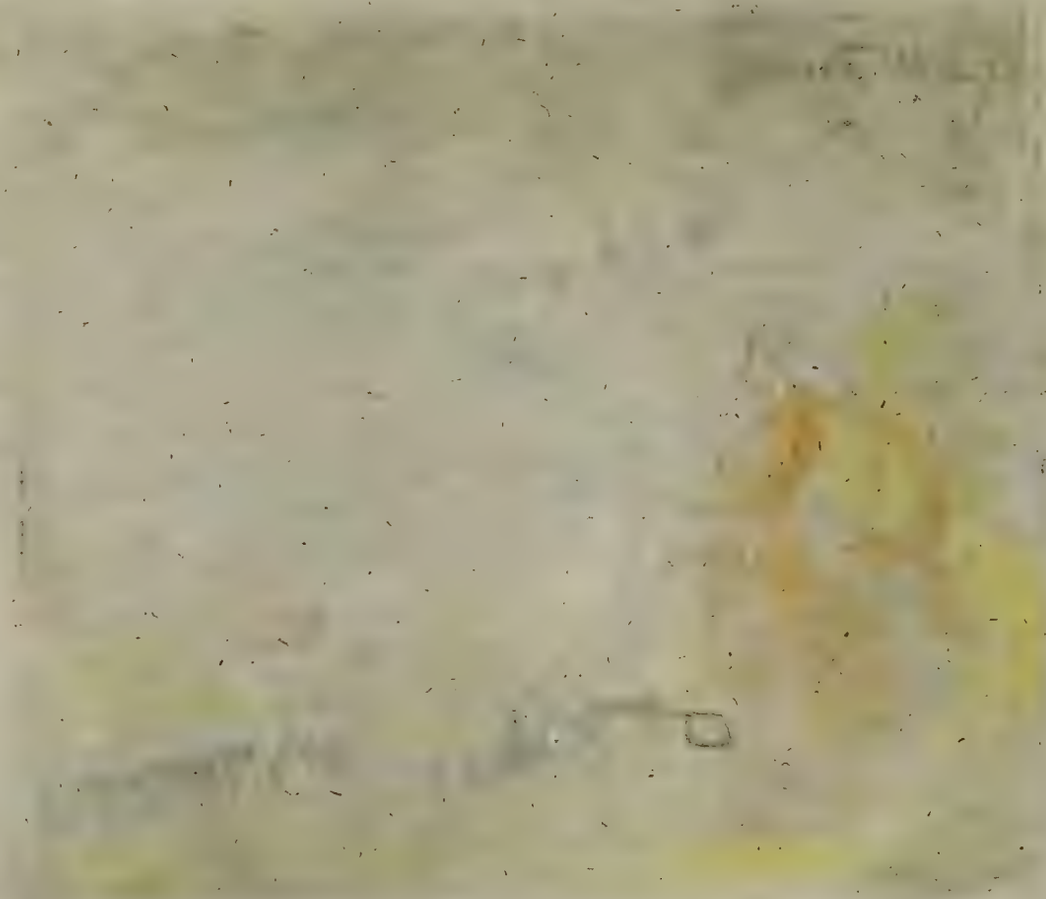
есть Господь обѣщавый, что не токмо Дуга его на облакахъ пребудетъ, но и узрѣвъ ее помянетъ онъ тотъ вѣчный завѣтъ, поставленный между имъ и всею плотію живущею на землѣ? Да изліется отъ сердецъ нашихъ благодареніе безконечной Его благости, обѣщавающей намъ, что потопная вода не придетъ уже въ роды вѣчныя истлити землю. Благословенна буди сія божественная Дуга, единое украшеніе дождевыхъ облаковъ, отрада и утѣшеніе міру!

XIV.

XIV.

ВѢТРЪ.

ТЫ СЛЫШИШЬ ШУМЪ ЕГО, И СИЛУ ХОЧЕШЬ ЗНАТЬ,
НО ЗНАЕШЬ ЛИ, СКОЛЬ НАМЪ ОНЪ МОЖЕТЪ ПОЛЬЗЫ ДАТЬ?



XIV.

ВѢТРЪ.

Къ повелѣніямъ Всемогущаго готовъ есть безпрестанно колеблющійся вѣтеръ; и Всевѣдущій токмо знаетъ, откуду приходитъ онъ, и куда устремляется. Однако человѣкъ изслѣдываетъ свойства и силу вѣтра. Онъ находитъ его то влажнымъ, то сухимъ, то тихимъ, то свирѣпымъ. Здѣсь бодрый Западъ, играя въ листвіяхъ и помавая ихъ тѣнями, прохлаждаетъ наше чело; и умѣряя солнечный зной, оживотворяетъ златое класовъ море. Тамъ съ бурными вихрями изъ глубокія своея пещеры вырывается Борей, возлѣ его хладный Сѣверъ, ужасный его сосѣдъ, извергая изъ своего зѣва люто дыханіе, обнажаетъ свирѣпымъ своимъ лицемъ поля и лѣсъ. Но сколь ни ужасенъ онъ, однако очищая воздухъ, не допущаетъ его до истлѣнія; и прогоняетъ дождевыя облака, которыми противу его стоящій Югъ угрожалъ намъ безплодною мокротою.

Мореплавательное искусство, зная слабость и могущество вѣтровъ, и самому повелительному Еолу посмѣваясь, приводитъ ихъ подъ ига рабства въ нашу пользу. Тогда владычествомъ своимъ возносясь, разсѣкаетъ оно пловущими храминами Океаны, и съ торжествомъ привозитъ въ нѣдра отечества пребогатые грузы. Обремененная сосна, напрягая бѣгъ свой, какъ будто бы въ запуски съ вѣтрами, благополучно къ намъ паки возвращается изъ богатыя Индіи. Но сердце того, говоритъ *Флакцій*, долженствовало трекратными бронями быть ограждено.

Ко-

Который первѣе всѣхъ драгоцѣнную свою жизнь
На малыхъ дскахъ вѣтрамъ и волнамъ ввѣрилъ.

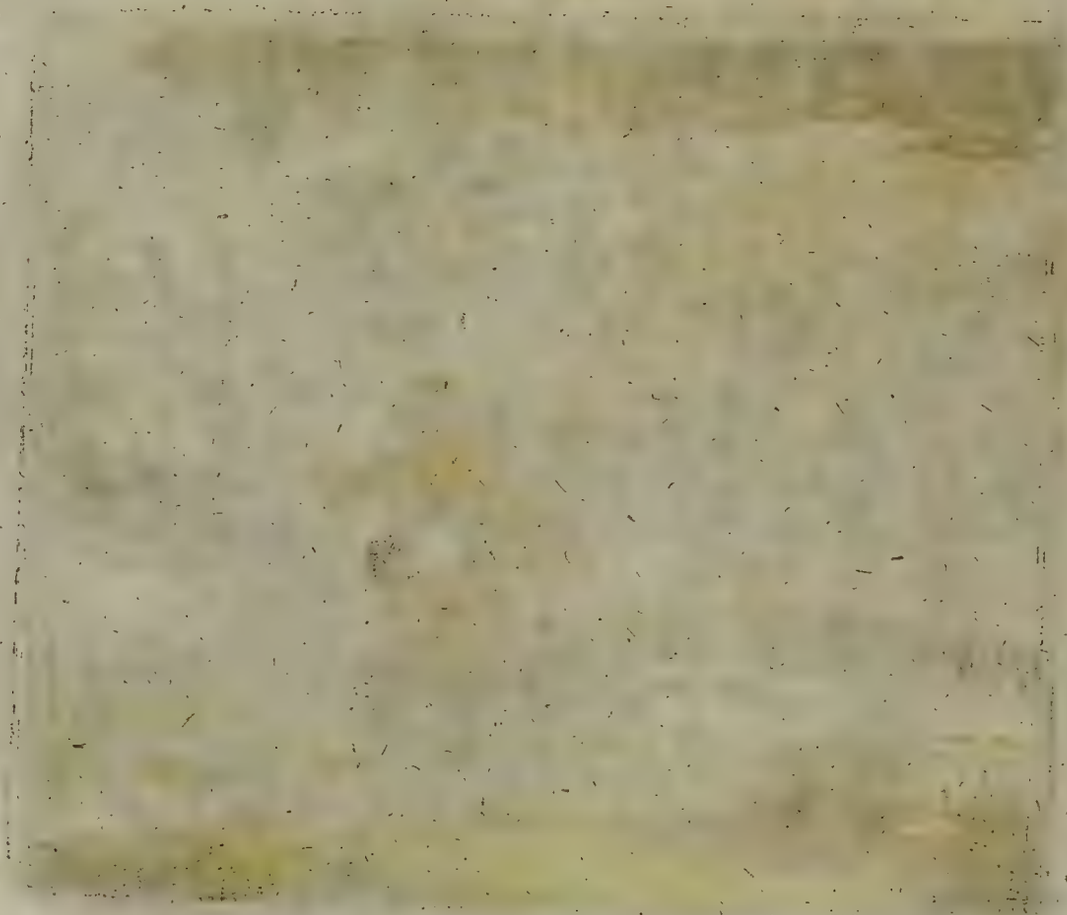
Вы, морѣй и вѣтровъ обладатели! воздвигните сему продерзкому знаменитый столпъ, если токмо можете имя его изслѣдовать!

Жизнь наша подобна морю. Судьба возбуждаетъ волны, а страсти суть противоборствующіе вѣтры. Кто сіи укротитъ, и полную власть надъ ними одержитъ, тотъ плаваетъ благополучно. „Не звѣзда щастія, но добродѣтель и небо суть его предводители, ведущіе его къ безопасному пристанищу. Колико блаженъ онъ тамо въ вѣчной тишинѣ вѣтровъ!

XV.

ГОРЫ.

ИХЪ ПЫШНЫЕ ВЕРЬХИ ПОДЪ ОБЛАКА ВЗНЕСЕННЫ,
ОДНАКЪ ОТЪ СОЛНЕЧНЫХЪ ПРЕДѢЛОВЪ ОТДАЛЕННЫ.



XV.

ГОРЫ.

Горы суть купно тягость и украшеніе земли; изображенія многихъ вельможъ сего міра! часто преніе о томъ идетъ, созданы ли онѣ Всемогущаго десницею, или не инако, какъ потомъ надменны, возвышены, и землетрясеніемъ произведены и переселены. Изъ глубины подъемлются онѣ до высоты приводящей насъ въ изумленіе. Здѣсь крутая гора показываетъ вершины, подобныя каменной стѣнѣ, опускаетъ гладкіе утесы долу, и носитъ на себѣ ветхіе льды. Тамъ другая, главу свою обогащенную пальмами, возноситъ превыше бурь и облакъ; никакой взоръ до нее не досязаетъ, никакая птица не взлетаетъ на нее. Крутой ея хребетъ покрытъ неудобоприступными каменьями. Но любопытство смертныхъ и ихъ продерзость проложили на немъ дороги. Не довольствуяся сокровищами земныя равнины, восходятъ они на сіи дороги, и находятъ тамо цвѣты, травы и древеса. И симъ еще жадности своей не насытивъ, разрываютъ горы; и дерзновенный горный дѣлатель стремится во ужасныя подземныя пропасти, для изысканія рудъ. Онѣ извлекаются на свѣтъ, изъ темнаго земнаго нѣдра, яко очевиднаго ада, въ которомъ человѣкъ, за малую дневную мзду, работаетъ жертвуя своею жизнію.

О Богѣ вѣщаетъ откровеніе, что онъ обитаетъ на горахъ; что поставилъ надъ святою своею горою Царя; что его гора, есть плодоносный и великій кряжъ горъ; что на горахъ поставлены стопы вѣстниковъ благовѣствующихъ

 миръ;

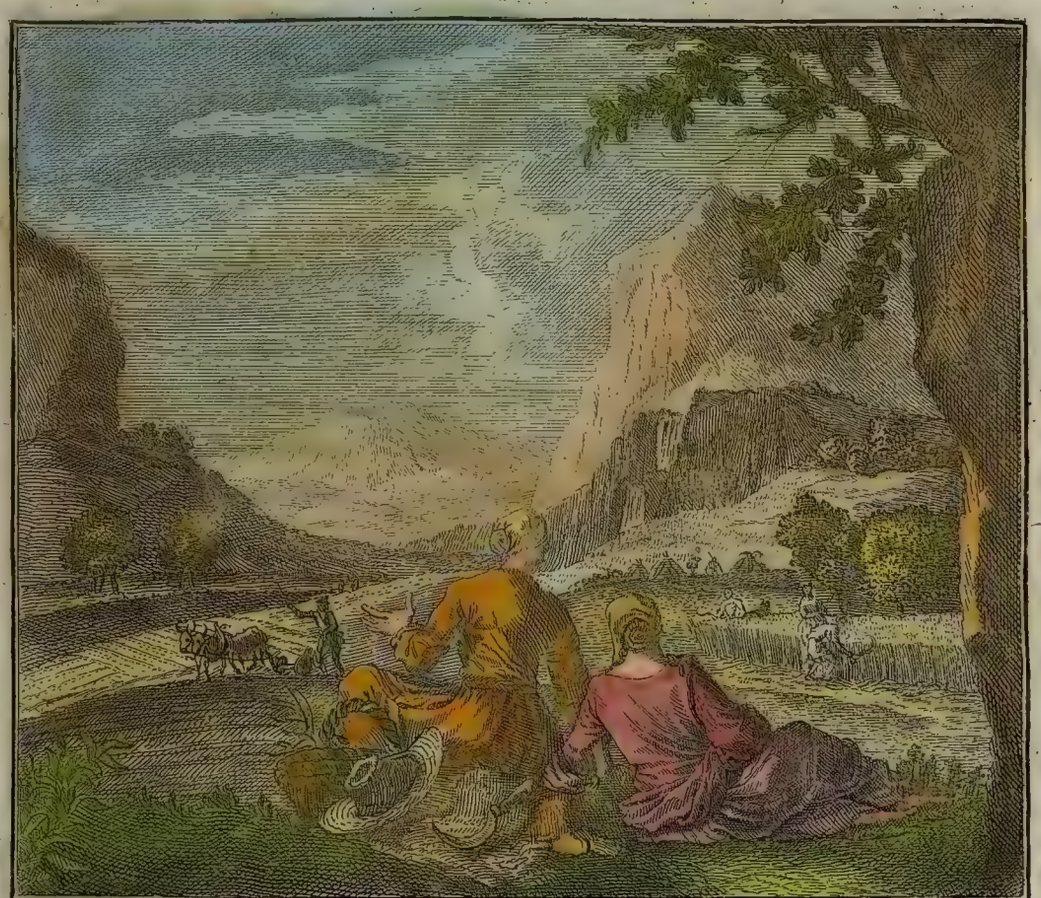
миръ; что помощь къ намъ отъ горъ низходитъ. Но и горы предъ Богомъ не постоятъ! Онъ преселяетъ ихъ нечувствительно, и опровергаетъ въ ярости своей; горы, яко воскъ, распаеваютъ предъ Господемъ. Хотя исполины поставятъ горы на горахъ, однакожъ не достигнутъ до престола Всевышняго; а тѣмъ паче не сильны Его низвергнуть оттуду. Онъ простираетъ Свою десницу противу ихъ, и низвергаетъ ихъ купно съ каменіемъ. Единая токмо для нихъ отрада, что горы на нихъ падутъ, и холмы покрываютъ ихъ.

Внемли сему гордыня! возносящаяся изъ тины, и подобно горѣ надмевающая! Твоя высота далече еще отъ свѣтилъ небесныхъ и Божества отстоитъ. И такъ угнѣтай кичливыми стопами твердыню земную, а она разтворяетъ бездну, и поглощаетъ тебя.

XVI.

Д О Л И Н А.

ДОЛИНА ТИХАЯ, ВЪ ТЕБѢ ПРЕМУДРЫМЪ ЖИТЬ!
КТОБЪ НЕ ХОТѢЛЪ ТЕБЯ ДОСТОЙНО ПОХВАЛИТЬ?



XVI.

Д О Л И Н А.

Въ глубокой долинѣ, сей благополучнѣйшей части земнаго шара, обитаетъ непорочность и чистое увеселеніе. Горы, осѣняя ее прохладными тѣнями, защищаютъ оную отъ люотости хладныхъ и свирѣпствующихъ вѣтровъ. Пріятный шокмо Зефиръ господствуетъ въ сихъ злачныхъ мѣстахъ, и дышетъ сладчайшимъ цвѣтовъ благовоніемъ на человѣковъ и стада. Кристальный ручей, проистекая изъ живаго ключа, и съ журчаніемъ въ низъ съ горы стремяся, извивается по зеленымъ лугамъ; и шумя тихими струями, наводитъ пастырямъ сладкое дреманіе. При немъ несчетные цвѣты стѣсняются съ веселіемъ, и въ траву сладкое онъ вливаетъ растѣніе. Тамъ стекаются стада агнцовъ, и пожинаютъ трудолюбиво въ снѣдь травы, со стола самороднаго. Поселянинъ съ своею супругою, сидя на зеленомъ прилиственникѣ, устремляетъ взоръ свой на ревностнаго жителя, вооруженною рукою повергающаго долу великолѣпные класы.

День преклоняется, насыщенныя стада оставляютъ паству, и утомленный волъ влекущій за собою обращенный плугъ, косными шагами возвращается въ домъ. Уже возходитъ дымъ на кровѣ, и пастырь спѣшитъ во свою хижину, гдѣ царствуютъ спокойство и забавы, гдѣ тщеславіе и обманъ никогда не знаемы, и гдѣ нѣкогда *Аполлонъ* (*) имѣлъ свое убѣжище. Всегда протяжнѣе опускается тѣнь въ долину,

(*) Баснословцы почитали *Аполлона* богомъ свободныхъ наукъ и начальникомъ надъ музами.

ну, и соловей пріятнымъ своимъ пѣніемъ наводитъ дню, пастырямъ и стадамъ спокойствіе. Пускай обитаютъ во градѣхъ, высокихъ замкахъ и чертогахъ, толь сильно любящіе свѣтъ, градскій шумъ, титлы и ослѣпляющую честь. Но смиренность пребываетъ въ долинѣ. Хотя надмѣвающаяся гордыня затмѣваетъ униженность ея презорствомъ и поношеніемъ; однако остается она спокойна и довольна; и хотя находится она въ опасности быть попрана, яко цвѣтъ польный, и кринъ удольный; но не уклоняется отъ сего блаженнаго жилища: ибо невинность и спокойство, добродѣтель и веселіе водворилися съ нею.

XVII.

ХОЛМЪ.

ГДѢ ВСѢ ПРІЯТНОСТИ СЪ УТѢХОЙ ОБИТАЮТЪ,
МИРЪ, ТИШИНА, ПОКОЙ, ТѢМЪ МѢСТОМЪ ОБЛАДАЮТЪ.

XVII.

ХОЛМЪ.

Сынъ великихъ горъ, полувозрастшая гора, есть веселый холмъ, окружаемый пріятною долиною, и покрытый отъ природы мхами и зеленымъ трилистственникомъ, которые посмѣваются и самимъ драгоцѣннѣйшимъ коврамъ. Во время пріятное свѣтлой нощи царствуетъ здѣсь веселіе, ограждаемое зелеными кустарниками. Все покоится, одни только листвія помаваютъ! Восхищенный человѣкъ, пребывая здѣсь неподвиженъ, устремляетъ только взоры свои въ прямозримую отдаленность, изъ которой прекрасныя страны веселый кажутъ видъ; и близкое узорочье приводитъ его въ восторгъ. *Титиръ*, взошедъ на холмъ, обозрѣваетъ, гдѣ стадо его пасется. *Мелибей* (*) исчисляетъ свой рогатый скотъ; и предузнаетъ градъ, снѣгъ, и бурю. Тако созидаетъ Богъ и для пастырей подзорный домъ!

Какъ холмы воздвигнуты природою для осматриванія, тако да будетъ честь въ государствѣ, въ разсужденіи тебя, о человѣкъ! Она сооружаетъ высокіе степени, и возвышенное мѣсто не съ тѣмъ, чтобы тебѣ возноситься, и горделиво взирать выше презрѣнной черни; но дабы ты смотря прозорливо въ даль, о униженномъ народѣ попеченіе имѣлъ, и изъ дальнѣйшаго узорочья будущее о государственномъ небѣ пророчествовалъ. Холмы и честь принадлежатъ къ попеченію и бдѣнію!

Седмихолміемъ красовалась нѣкогда Глава градовъ древ-

 ній

(*) Сіи имена значатъ пастырей.

ній *Римъ:* однако съ высоты своея опровергнутъ онъ до основанія. Когда восхощетъ Господь, то возвышаются и долины, горы и холмы унижаются. Онъ повелѣлъ, и море побѣжало; горы яко овцы, и холмы яко агнцы, взыграли. Самую малую и бѣдную горсть своего народа ополчилъ Онъ такo, что могли они сокрушить и сотреть горы, и холмы разсѣять яко плевы. Увѣнчаетъ же онъ лѣто своею благостію, и каплютъ Его слѣды тукомъ; то окрестные холмы веселятся, пастбы наполняются овцами, и обремененныя класами нивы роскошествуютъ богатою жатвою; всѣ ликуютъ и воспѣваютъ. Когда горы низпосылаютъ народу миръ, тогда холмы приносятъ правосудіе. О если бы мы преклонили слухъ нашъ гласу Праведнаго, гремящему къ намъ съ холмовъ, и съ тихимъ отзывомъ въ долинѣ повторяемому!

XVIII.

ПЕЩЕРА.

ЧЕГО ТЫ ИЩЕШЬ ЗДѢСЬ, ГДѢ МРАКЪ И ВЪ ДЕНЬ И ВЪ НОЧЬ?
РОДЯТСЯ ЗДѢСЬ ЗМѢИ, БѢГИ СКОРѢЕ ПРОЧЬ.

XVIII.

ПЕЩЕРА.

Природа созидаетъ сіе жилище въ каменныхъ ущеліяхъ. Нѣрѣдко служитъ оно странникамъ и путешествующимъ въ защиту, отъ грозы приводящія въ страхъ и трепетъ всю землю. Часто гонимые Христіане обитаютъ въ пещерахъ; иногда ищутъ себѣ во оныхъ жилища и тѣ, которые оставя сей міръ, мнятъ святыми быть, или токмо казаться такими. И само естество часто сокрываетъ въ пещерахъ свои сокровища; сокровища говорю, кои отъ ищущія и роющія скупости смертныхъ, хощетъ сохранити. Оно окружаетъ ихъ гадами и преємыкающимися; но продерзкій отваживается и туда. Ехидніно порожденіе шипитъ противу его, заразительная паровъ влажность встрѣчаетъ его смрадомъ; но онъ и то и другое за ничто вмѣняетъ, если токмо можетъ насытить нечистую свою жадность ко злату.

Пять Аморрейскихъ Царей ищутъ въ пещерѣ Макидѣ безопасности для своея жизни. Ищутъ ее, но не обрѣтаютъ. Они извлекаются оттуду, наступаютъ ногами на ихъ выи, удавляютъ и вѣшаютъ ихъ на древесахъ. И такъ сокрывайтеся вы въ пещеру. Но Господь есть во оной, и мщеніе его тамо; пускай будетъ онъ и отдаленъ отъ сего вертепа, такъ находятся тамъ Гіены, и терзающіе звѣри; но когда пощадятъ васъ и сіи, то есть еще тамъ разбойники и убійцы, яко цѣль и орудіе ярости его. Сіи изчадія вертеповъ ненавидящія дня, сіи то суть жители мрачныхъ пещеръ!

пещерѣ! Здѣсь мучатся беззаконныя ихъ души, и поиманные ими. Страшное и уединенное молчаніе разпростираетъ на нихъ и ихъ добычу, съ унынiемъ и хладнымъ содроганiемъ боязливыя свои крылѣ. Се есть преддверіе онаго жалостнаго позорища представляемаго во адѣ, яко безднѣ всѣхъ золъ и мученій. Спасай себя немедленно о человѣкъ! тамъ змѣи плодятся!

Здѣсь стонетъ сердце сокрушаемо мыслями,
Колеблющими трепетный, сомнѣнный и томный духъ,
Лишась на вѣкъ тоя утѣхи,
Которую сердце уловенное лютымъ ядомъ почитало безконечною,
И будучи оною обольщенно, потеряло душевное слокойство и надежду вящшія радости,
Ища себѣ мученій толь дорогою цѣною пріобрѣтенныхъ.

XIX.

ПУСТЫНЯ.

ПРИРОДА ТУТЪ СВОИ ПРЕДѢЛЫ ПОЛАГАЕТЪ;
И ДИКИХЪ ЛИШЬ ЗВѢРЕЙ СЛѢДЫ НАМЪ ОТКРЫВАЕТЪ.

XIX.

ПУСТЫНЯ.

Истощенная и утомленная отъ дѣлъ своихъ Природа, кажется, будто оставила нѣкія прогалины, которыя называемъ мы пустынями. Но то намъ кажется только; и достойнѣе разсуждаютъ о семъ премудрые, что она праздную и дикую пустыню, въ разныхъ мѣстахъ между обитаемыми и пышно украшенными земными поясами помѣстила только для вящшаго ихъ велелѣпія. Тако тѣнь возвышаетъ свѣтъ болѣзнь и убожество придаютъ здравію и богатству ихъ цѣну.

Но устремимъ взоръ нашъ въ пустыню, коль она ни представляется намъ дикою! — Я вижу мысленными очами глухія степи, — гдѣ острый плугъ не разсѣкалъ никогда дикихъ полей, гдѣ человѣческая рука не трудилась и гдѣ пустыя мѣста отъ вѣкъ никакихъ другихъ плодовъ, кромѣ былія и тернія, не произращали. Ужасныя стремнины горъ, глубокія пропасти, жилища лютыхъ звѣрей, и хищныхъ невиданныхъ животныхъ господствуютъ тамо. — Ревущій стонъ отъ стадъ несытыхъ львовъ, соединяясь съ воемъ волковъ и птицъ нощныхъ, раздается съ непрерывнымъ эхомъ въ пустынныхъ удоліяхъ. — въ каменистыхъ горахъ — и разсѣлинахъ. — Здѣсь простирается, наподобіе Океана, глубокій и взоромъ необъемлемый песокъ; и когда востаетъ бурный вихрь, тогда цѣлые караваны, претерпѣвая на немъ сокрушеніе, пещаными волнами поглощаются. Тамъ въ оледенѣлыхъ поляхъ вѣчная господствуетъ стужа — густая и непроницаемая мгла, подобно мрачной нощи, покрываетъ пустую степь — и

 не-

недоступныя льдистыя горы наводятъ уже издали мореплавателю страхъ приближаться и приставать ко онымъ. Пустыня всегда уединенная, всегда нетерпящая человѣческому роду страннопріимства!

Однако Всемогущій питаетъ Израильскій народъ четыредесять лѣтъ въ пустынѣ: не только питаетъ, но и насыщаетъ ихъ, и не только насыщаетъ, но и удовлетворяетъ сластолюбивой ихъ гортани. Рѣки водъ текутъ отъ ударенія мертвыхъ камней, гдѣ отъ вѣкъ источника не бывало. Всещедрое и милосердое существо да ведетъ насъ равнымъ образомъ чрезъ пустыню міра сего! Какъ? вѣщаетъ прекословникъ: не уже ли цѣлый свѣтъ есть пустыня? Конечно такъ, война дѣлаетъ ево пустынею: вездѣ видны ея слѣды. Пустые замки, разграбленные грады, обезлюженныя села, изрытыя и разоренныя нивы, что иное суть, какъ не пустыни? Да и въ самыя мирныя времена корыстолюбецъ, сіе ужасное чудовище въ человѣческомъ видѣ, претворяетъ весь міръ въ пустыню!

XX.

ЛУГЪ.

ЖИЗНЬ СМЕРТНЫХЪ, КАКЪ ТРАВА, ПОДВЕРЖЕНА КОСѢ,
ДНЕСЬ ПОЛОНЪ ЛУГЪ ЦВѢТОВЪ, НА УТРО ВЯНУТЪ ВСѢ.

XX.

Л У Г Ъ.

Когда зеленое луговъ море отъ прохладнаго вѣтра волнуется, тогда цвѣты и трава дѣлаютъ смѣсь преизящныхъ красокъ. По утру блистаетъ еще лугъ отъ бисерныя росы, сея тишайшія влаги, ліющіяся къ намъ съ небесъ. Но едва токмо она изсякнетъ и скроется, уже изходятъ бодрыя стада на зеленую паству.

Ты можешь въ сихъ прекрасныхъ лугахъ
Видѣть провидящихъ Небесъ благословенїе,
Гдѣ они обильною рукою изливаютъ свои щедроты:
Здѣсь видны на мягкихъ лажитяхъ
Волною одѣянныхъ стадъ малые слѣды,
Протолтанные въ трилиственникѣ и муравѣ.

Рогатый скотъ, преклоняя выю, пожинаетъ травы; а веселый пастырь играетъ на свирѣли. Младый тростникъ увѣнчаваетъ зеленѣющій лугъ; а сребрянныя воды, въ которыхъ утка полощется и плаваетъ, обтекая оный опушаютъ его одѣяніе.

Благословенный поселянинъ давно уже измѣрилъ высоту травъ, и нынѣ въ средолѣшіи пріуготовляетъ имъ согбенную смерть. Она, сирѣчь острая коса, изощряется, и внезапу низлагается великолѣпіе луговъ. Сокъ и цвѣтъ замираютъ, и поблеклое сѣно лежитъ нынѣ въ малыхъ копнахъ: быстрые кони туда спѣшатъ, и въ домъ на длинной телѣгѣ влекутъ свой и алчнаго рогатаго скота кормъ съ торжествомъ.

Всяка

Всяка плоть сѣно, вѣщаетъ небесная премудрость, и всяка слава есть, яко цвѣтъ травный. Сѣно изсыхаетъ, цвѣтъ увядаетъ: ибо духъ Господень дышетъ на нихъ. И весь родъ смертныхъ есть, яко трава. Не всуе смерть изображается съ косою. Оною низвергаетъ насъ во утріе, сколь бы мы здравы въ сей день ни были. Но когда плоть есть изсохшая трава: то пекущійся угодити единой токмо плоти дѣлается несмысленною тварію. Онъ уподобляется царю изгнанному изъ человѣческаго рода, питавшемуся быліемъ наподобіе волнъ, и коего тѣло подвержено было обуреванію дождя и воздушныя влаги.

Почто же боимся мы умирающихъ человѣковъ и ихъ изчадій, кои яко изсохшая трава истлѣваютъ?

XXI.

П О Л Е.

СЪ ВОСТОРГОМЪ ЗРИ ПОЛЯ, НАМЪ КОЙ ВСЕ РАЖДАЮТЪ,
ДУШИСТЫ ТРАВЫ ЗДѢСЬ, ТАМЪ КЛАССЫ ПРОЗЯБАЮТЪ

XXI.

П О Л Е.

На обширной поверхности, награждающей труды плодами, склоняется на низъ зелеными волнами колеблющееся море. Здѣсь лежитъ сокровище, веселяющемуся ратаю приносимое полями разторгнутыми первѣе плугомъ, а послѣ угобженными его потомъ. Тамъ предстоя *Флора* (*) испещряетъ богато сребреными и злачными цвѣтами смарагдовые земные покровы.

Поля съ веселіемъ осклабляются, довольствіе увѣнчаваетъ лѣсъ,
Лугъ окружается зеленію, и сладчайшее цвѣтовъ благоуханіе,
Вливая въ сердце и чувства новыя силы, распростирается по благорастворенному воздуху,
Кажется, какъ будто поле, луга и все лице земно-
Лѣпотою своею проповѣдуютъ десницу Всещедраго Зиждителя.
Я восхищаюсь великолѣпіемъ плѣняющимъ меня безмѣрно,
Тамъ кажется, что пространное поле, сіе обильное море класами,
Послѣвается сосѣдственному лѣсу покровенному густыми листвіями,
Ругается, что класное стебліе его не увѣнчаваетъ.

Возведемъ еще нашъ взоръ на творенія весны! Очныя будучи безконечно различныя красоты, цвѣтутъ въ прелестномъ

(*) *Флора* богиня цвѣтовъ.

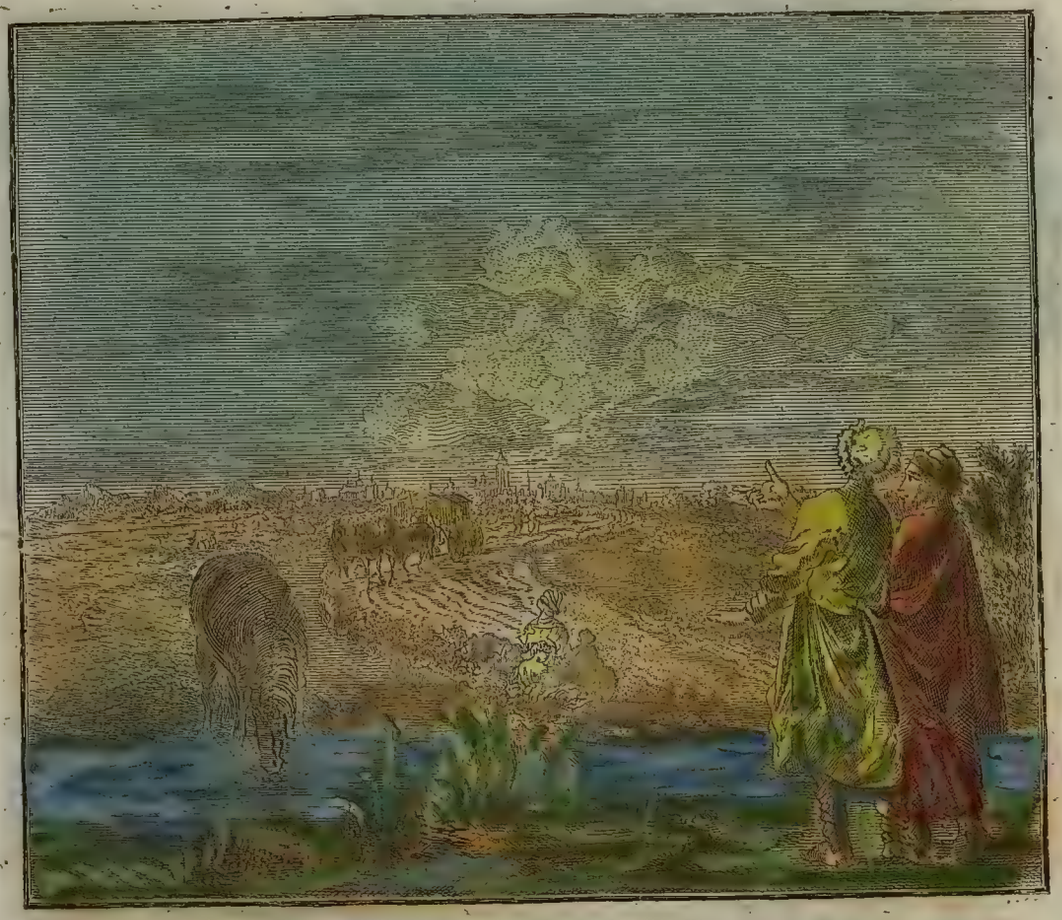
номъ смѣшеніи. Одно одѣваетъ кроткую сизость, когда другія во златѣ пылаютъ. Здѣсь одно въ бѣломъ одѣяніи, потупляя унылый верьхъ свой, подобно сѣтующей вдовѣ, покоится въ низу; тамъ другое, возносящее блестящую свою главу, увѣнчанную многими цвѣтами, разсыпаетъ величественный свой блескъ на простые злаки. Однако каждое, возвышая тѣнію или сіяніемъ убранство своихъ сосѣдей, украшаетъ купно себя и всю удоль.

Непримиримый и ужасный Маръ! ты, которой, любое свое воинство посвятившееся тебѣ во услуженіе, выводишь въ поля и луга, на опустошеніе природы, на попраніе небесныхъ даровъ и для утѣсненія поселянина, бѣги скорѣе отколѣ! Или поразитъ тебя отмщеніе живущаго надъ нами, и губительное умерщвляющее безплодіе излетитъ изъ запустелыхъ степей быстрыми и сильными крылами, яко Ангелъ Господень поразившій осмдесятъ тысящъ во стану. Рыщущіе и бурные кони, пожравъ годовую надежду, зеленѣющія сѣмена, и потоптавъ нивы, изнурены будутъ гладомъ; оставленные же за стѣнами во уныніе приведеннаго града, будутъ тебѣ послѣднею пищею, которую сваряетъ нужда, а отчаяніе и несваренную похищаетъ у содруга отъ омерзенія ея уже издыхающаго.

XXII.

ПУТЬ.

НАДЕЖНЫЙ ИЗБИРАЙ, ОСТАВЬ ШИРОКІЙ ПУТЬ;
НАСЪ ТѢСНЫЯ СТЕЗИ ЛИШЬ КЪ ЛУЧШЕМУ ВЕДУТЪ.



XXII.

П У Т Ь.

Часто прельщаетъ странника дорога усыпанная цвѣтами, и показующая виды встрѣчающіе его пріятностью и увеселеніемъ. Коль поспѣшно восходитъ онъ на нее, и коль безмѣрно обманывается! Вмѣсто того, чтобы находитьсѧ ему на средѣ прямыя дороги, и приближиться къ покойному ночлегу, отводится онъ далече; и упредившею его нощію принуждается, повергнуть томные свои члены на хладную землю, лишающую его успокоенія. Колебаяся страхомъ, дабы не растерзали его лютые звѣри, или люті̀йшіе оныхъ еще человѣки не напали бы на него, плаваетъ онъ въ смертномъ потѣ; и проклиная свое заблужденіе, тщетно призываетъ на помощь день и Божество. Съ унынiемъ внемлющее ухо, единое токмо оставшееся для него чувство, слышитъ шопотъ приближающагося непріятеля, который заблуждшаго примѣтилъ. Омертвѣвый отъ страха влечется въ пещеру; и разбойникъ умерщвляя его еще одиножды, насыщаетъ нечистую свою жадность добычею и кровію.

Почто не оставалсѧ ты злощастный на томъ пути, который обмануть тебя не могъ? Хлѣбопашецъ везетъ по немъ, въ богатый градъ, земныя сокровища; обремененный возница безопасно преходитъ оный со спяжаніемъ промышленика довольствующаго насъ всѣми потребностями. По немъ пѣшіе и на коняхъ граждане шествуютъ, Велъможи, Владыки свѣта и имъ подобные разъѣзжаютъ въ легкихъ и великолѣпныхъ колесницахъ, аки плавающихъ по ремнямъ, и влекомыхъ

комыхъ юными и бодрыми коньми. Всякъ безъ опасенія шествуетъ по сей дорогѣ; и развѣ обезпокоенъ только будетъ скучными вопіяніями нищихъ водворяющихся на разпутіяхъ. Шероховатыя мѣста, грязныя лужи, глубокія ямины и выѣзженныя выбоины считаются за ничто въ разсужденіи безопасности.

Таковъ есть путь Креста, которымъ шествуетъ Христіянинъ. Царскій оный путь, которымъ Владыка небесный предшествовалъ, и который насъ къ Нему ведетъ! Онъ безопасенъ, и никакимъ неподверженъ напастямъ; хотя тягостенъ и узокъ. Но пространнѣе и глаже есть путь къ погибели, усыпанный розами и плѣняющій всегда до самыя кончины; но напослѣдокъ нечестивый и проклятый. О странникъ! опомнись, избери прямый путь, и шествуй безопаснымъ.

XXIII.

НИВА.

ПРИЛѢЖНЫЙ ВЕСЕЛЯСЬ СБИРАЕТЪ СЪ НИВЪ ПЛОДЫ,
ЛѢНИВЫ ИЩУТЪ ЛИШЬ, НО ТЩЕТНЫ ИХЪ ТРУДЫ.

XXIII.

НИВА.

Богатою жатвою платитъ нива за убогія сѣмена. Надлежитъ токмо объ ней рачить, и тщательно ее удобрять. Сильный и въ трудахъ окрѣплый селянинъ долженъ купно съ воломъ, влещи плугъ свой въ поляхъ; тогда уступаетъ земля изощренной сохѣ, и расторгнутая пріемлетъ въ себя плодоносныя зерна, возвращая ихъ паки съ лихвою съ преисполненныхъ класовъ. Хлѣбопашецъ, ввѣривъ сѣмена земному нѣдру, взираетъ прискорбно на отдаленное время возмездія; и страха исполненный, онаго съ унынiемъ ожидаетъ. Онъ трепещетъ, узрѣвъ градоносное облако, опаляющую молнію и поражающій громъ. Наконецъ возникаетъ время жатвы; настаетъ недѣля, день и часъ награждающіе его труды.

Съ коликимъ удовольствіемъ зримъ тогда его ложинающа,
Когда гордые снолы надмѣваются,
И впряженныя телѣги обременяются!

Жатели хотя обливаются пóтомъ, но купно веселыми забавляясь усмѣшками, изощряютъ согбенный серпъ, и обильную жатву приклоняющую уже къ землѣ класы, безъ пощаденія повергаютъ долу. Дщери поселянина, будучи веселѣе еще наемнаго жателя, трудятся напрерывъ въ сей долу преклоняющей работѣ, воспѣвая, въ громкихъ и далече раздающихся гласахъ, вдохновенную пѣснь на жатву.

О златой миръ! украси ежегодно плоды злачными кла-

сами,

сами, способствуй созрѣнію ихъ по желанію земледѣльца, и да не обливаются болѣе нивы кровію и слезами!

Божественная притча, возвышенная превыше всѣхъ сравненій земнородныхъ стихотворцовъ; дѣлаетъ сердце наше нивою, а слово Божіе плодоноснымъ сѣменемъ. Но сколь мало есть таковыхъ сердецъ, въ коихъ оное созрѣваетъ! Непріятель и пагубныя брани отъемлютъ слово, и препятствуютъ жатвѣ. Нѣкое только падаетъ на добрую и благоугобженную землю; сіе прозябаетъ и приноситъ сторичные плоды, плоды вѣры и любви, яко благороднѣйшія и блаженнѣйшія прозябенія.

XXIV.

КАМЕНЬ.

СЪ НАЧАЛА МЯГКЪ И СЛАБЪ; ТВЕРДЪ ДРЕВНОСТЬЮ БЫВАЕТЪ.
И МЛАДОСТЬ ТАКЪ НѢЖНА, НО ВЪ СТАРОСТИ КРѢПЧАЕТЪ.

XXIV.

КАМЕНЬ.

Кости земныя, тако называются стихотворцами камни, растутъ, твердѣютъ и созрѣваютъ, на подобіе другихъ земныхъ произращеній. Мягки, какъ глина, и дѣйствительно они суть глина, въ своемъ первоначаліи; они ничто иное какъ вязкая земля, пожертую въ себя влагу парами еще не испустившая. Ты можешь ее, какъ глину, въ разные виды переображать; въ мягкихъ кускахъ разсыпается она отъ малѣйшія силы, и самая слабѣйшая горсть отдѣляетъ и носитъ ее. Но съ долготою временъ, премѣняетъ камень мягкость и цвѣтъ. Онъ затвердѣваетъ и становится бѣлъ, бывъ за многіе вѣки до того сѣръ и черенъ. Тщетно иройская мышца вооружается противу него; сила недвижимости его противится; и непреоборимая его тяжесть посмѣвается рукамъ усиливающимся его подъяти. Онъ, подобясь свинцу и тягости якоря, опускается въ нѣдро земное, яко владыка полей, хощетъ пребыть неприкосновеннымъ. Надобно его умерщвлять, ломать и разбивать на части; а инако не уступитъ онъ, и неключимъ пребудетъ.

Великое Могущество, Премудрость и Благость владычествуютъ въ царствѣ камней! Ни одинъ живописецъ не можетъ представить живо цвѣтовъ мрамора; виды аммонитовъ и белемнитовъ приводятъ насъ въ восторгъ. Коль великая ихъ польза для выгоды, увеселенія и великолѣпія въ общежитіи? И кто исчислитъ камни? Когда въ *Гранадѣ* (*) единый

(*) Гишпанскій городъ.

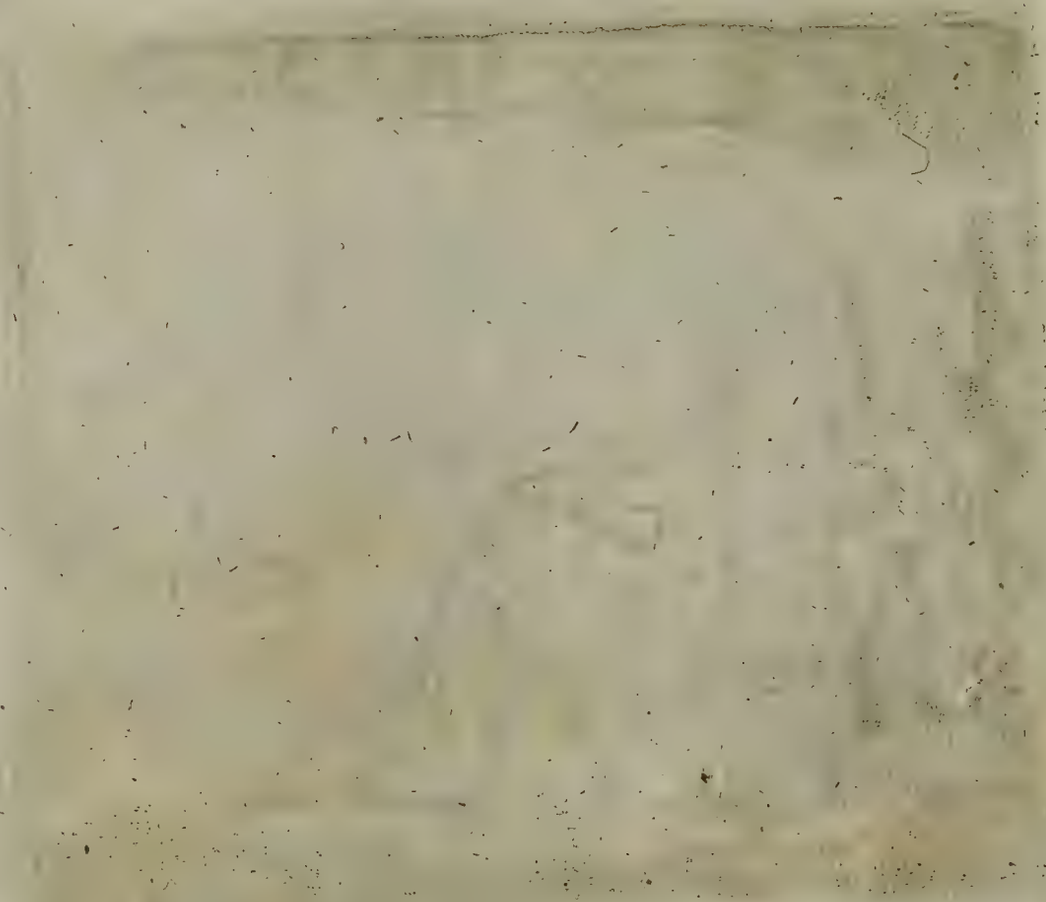
единый чертогъ, оный великолѣпный остатокъ Маврійскихъ царей, заключаетъ въ себѣ жилища и выгоды почти для сорока тысящъ человѣковъ; то ужасаюсь я сего сонма камней, и ослѣпляюсь, зря еще стѣны выложенныя яшмою, порфирою и другими драгоцѣнными мраморами.

Вы богачи и щастливцы земные! огражденные стѣнами, которыя украшены великолѣпными каменьями, о дабы токмо сердце ваше не окаменѣло! И вы, вы родители, помышляйте о свойствѣ камня: какъ сей во младенчествѣ, тако и ваше изчадіе еще мягкое, и принимаетъ на себя всѣ виды ему впечатлѣваемые. Но не допущайте отрока до затвердѣнія: онъ сдѣлается тяжестнымъ и непреодолимымъ камнемъ удручающимъ васъ даже и во гробѣ, и коего никто совлещи не можетъ.

XXV.

ВИНОГРАДЪ.

ПРИЛѢЖНЫЙ ДѢЛАТЕЛЬ ХРАНИТЪ ЕГО ВСЯКЪ ЧАСЪ,
И СЛАДКІЙ ГРОЗДІЯ СБИРАЕТЪ ПЛОДЪ ДЛЯ НАСЪ.



XXV.

ВИНОГРАДЪ.

Раченіемъ и трудами воспитывается виноградная лоза, услаждающая наши чувства. Мужественный дѣлатель винограда не устрашаяся ни трудовъ, ни отягощеній, копаетъ, роетъ и утучняетъ; дикія истребляетъ отрасли, излишнія вѣтви у пня отсѣкаетъ, и очищая стопы его, главу и хребетъ обвертываетъ въ солому. Но благолѣпные плоды послѣдуютъ въ награжденіе его трудамъ. Когда осень листвіемъ окружаетъ горы; широкое обѣяніе холмовъ оживотворяющими зеленѣетъ гроздіями; и сладкая уже тягость созрѣлыхъ кистей гибкія рамена виноградной лозы къ землѣ преклонила: тогда дѣлатели винограда торжествуя день *Вакха* (*) ликуютъ, и упоенные новымъ винограда питіемъ играютъ по пологимъ горамъ.

Осень настаетъ, и багряныя гроздія
Роскошествуютъ златымъ нектаровымъ плодомъ.
Собиратель ревностно ложинаетъ тѣ растѣнія,
Для пріобрѣтенія которыхъ истощалъ онъ свои труды.
Точило размождаетъ нѣжныя гроздія;
Народъ воспѣваетъ въ протяжныхъ ликахъ;
И благоговѣніе соглашаетъ благодарственную пѣснь,
Даже до захожденія солнца.
Веселая толпа людей съ наполненными сосудами,
Шествуетъ торжественно въ домъ.

(*) Вакхъ, по баснословію есть богъ вина; Ліэй то же самое означаетъ.

И превозносятся уже сладкіе плоды
Произращаемые Лѣземъ,
Для увеселенія духа,
Когда начнутъ небеса разсылать свои космы по земному лицу.

О дабы токмо сей шумный сокъ и играющій, мозгъ гроздій не содѣлали сердца и ума нашего дикими и неспособными къ чувствованію добродѣтели и ко употребленію разума! О дабы вино укрѣпляло токмо слабый желудокъ, увеселяло сердце человѣка, вливало юношѣ божественное пѣніе, и усыпало бы скорбь старостію удручаемаго! О дабы праздную щіе богамъ полей и Вакху, никогда не вступали во общество наслаждающихся симъ нектаромъ, и не бесѣдовали бы во всю жизнь свою о винѣ только и о любви! О дабы человѣкъ, подобно виноградной лозѣ никогда не ропщущей, охотно и терпѣливо дозволялъ себя очищать; и тогда уже принося лучшіе и сладчайшіе плоды, подобно гроздіямъ около подпоры обвивающимся, къ тому только прилеплялся, который самаго себя виноградной лозѣ, уды же свои гроздіямъ уподобляетъ!

XXVI.

ДРЕВО.

ШУМЯ ПОДЪ ТѢНЬ СВОЮ ПРОХОЖИХЪ ПРИЗЫВАЕТЪ,
ХОТЯ И БЕЗЪ ПЛОДОВЪ, НО ВРЕДНО НЕ БЫВАЕТЪ.

XXVI.

Д Р Е В О.

Искусно изъ земли, сквозь мозгъ и тонкіе проходы, ведетъ древо ту влагу, изъ которыя тчетъ оно зеленое покрывало распростирающее на насъ пріятныя свои тѣни. Отъ тихаго и сѣнолиственнаго его верьху, лѣется дреманіе и прохлада покоющихся подъ онымъ; и среди полуденнаго сіянія, устроенная имъ и его листвіемъ нощь наводитъ души нашей плѣняющія сновидѣнія. Да пребудетъ убо цѣло прохлаждающее древо, хотя бы оно и никакимъ не приносило плодовъ, и хотябъ подъ онымъ, одни токмо маленькіе пѣснопѣвцы, стихотворствующіе на гибкихъ вѣтьвіяхъ, покоились; однако оно для насъ увеселительно и полезно.

Не вовсе еще надежда изчезла! потерпимъ только одинъ годъ, такъ покажутся уже изобильно цвѣтущія вѣтви. И мы безъ сомнѣнія увидимъ тягость обременяющую его златыми плодами, преклоняющимися ко алчнымъ нашимъ устьмъ. Если только не испорченъ корень, то будетъ всегда на немъ листвіе, цвѣтъ и плодъ. Когда же оно ничего изъ сихъ не приноситъ; когда препятствуетъ токмо полямъ, и птицы небесныя уже болѣе подъ нимъ не обйтаютъ, тогда изсѣките и ввергните оное въ пещь огненную.

Подобно оному пощади и человѣка, отъ котораго ты долгое время тщетно ожидалъ плодовъ. Человѣкъ есть древо насажденное въ Вертоградѣ Божіемъ; всегда еще остается

надежда

надежда, доколѣ благодать Всевышняго изливается на него, и долготерпѣніе объ немъ печется. Нечаянно растворяется иногда и разцвѣтаетъ почка, бывъ прежде долгое время заключена, во увѣреніе о скоромъ ея плодѣ. Одинъ благословенный день, а часто и самый малѣйшій мигъ времени, споспѣшествуетъ къ созрѣнію того плода, который мы уже считали погибшимъ; и тогда ощущаемъ больше еще радости, нежели о древѣ приносящемъ намъ ежегодно плоды. По истинѣ, радость сія велика, и подобна обрадованію родителя о погибшемъ и паки обрѣтшемся сынѣ! Вопроси только тщательнаго садовника, како онъ усердствуетъ тому древу, которое онъ многократно проклиналъ, и которое, по многимъ лѣтамъ, въ первой разъ сего года разцвѣтаетъ. Нынѣ оно ему всѣхъ любезнѣе, и привлекаетъ его вниманіе къ себѣ, предъ прочими плодоносными древами.

Когда же человѣкъ въ юныхъ уже лѣтахъ совращенъ, и духомъ злодѣяній, подобно какъ листвіе отъ зарожденія [illegible] уговъ, еще больше заразился: тогда не обинуясь налагайте сѣкиру на сіе испорченное древо. Но горе ему, когда оно изсѣкается!

XXVII.

ЦВѢТЫ.

НЕ КРАСОТОЙ НАШЪ ВЗОРЪ ЦВѢТЪ МОЖЕТЪ ЛИШЬ ПЛѢНИТЬ,
ПРІЯТНЫЙ ЗАПАХЪ ВЪ НЕМЪ НАСЪ БОЛЬШЕ УДИВИТЪ.

XXVII.

Ц В Ѣ Т Ы.

Едва только весна, торжествующая надъ оцепенѣлою и хладною зимою, паки къ намъ съ небесъ возвращается: уже слѣдуютъ за нею, въ испещренныхъ одѣяніяхъ ея изчадія, неисчислимыя любопытному оку и въ самыхъ тѣсныхъ цвѣтникахъ! *Флора* выводитъ сіе свое порожденіе, и одѣвъ оное красотою и благолѣпіемъ, вручаетъ своему другу благорастворенному Маію, который гордясь своими питомцами, возвращаетъ ихъ и бережетъ. Днесь ослабляется вся природа; все радуется, все спѣшитъ изъ своего жилища на привѣтствіе новому свѣту; человѣкъ исходитъ изъ тѣсныя храмины, а звѣрь изъ пещеры, которая прежде занесена была снѣгомъ.

Цвѣты образъ прекрасныхъ дѣвъ, будто бы внутренно чувствуя свою привлекающую лѣпоту, другъ предъ другомъ возносятся; и каждый тщится на себя единаго обратить всѣхъ взоры и удивленіе. И юный родъ цвѣтовъ есть завистливъ; онъ живое изображеніе женъ, кои на позорище изходятъ не для того, чтобы самимъ смотрѣть, но паче дабы другіе на нихъ взирали; и кои съ своею прекрасною сосѣдкою, а часто и съ прикрашенною игрательницею соперничествуетъ.

Смертный отважась, подобно *Дамону* (*) лобызающему въ первый разъ свою *Филиссу*, приближается къ одной изъ прекраснѣйшихъ дщерей (**) весны. Она кажется быть

 несго-

(*) *Дамонъ* имя пастуха, а *филисса* означаетъ пастушку.

(**) Здѣсь чрезъ *цвѣтки* разумѣются женщины; но какъ въ Россійскомъ языкѣ *цвѣтокъ* есть рода мужеска, слѣдовательно въ

несговорчивою, и отъ его приближеній нѣсколько уклоняющеюся. Наконецъ лице его преклоняется ко главѣ ея. Но не нашедъ искомаго, скоро возвращается вспять; и никогда уже къ ней не приходитъ. Наклоняяся къ большей, усматриваетъ меньшую и не столь видную. Сія дышетъ на него балсамомъ и амброю; прельщенный ею остановляется; беретъ ее съ собою въ домъ; находитъ въ ней пріятность, красоту и черты, каковыхъ оная ослѣпляющая и несговорчивая не имѣла; онъ повелѣваетъ ее списать, и чрезъ долгое время потомъ, когда уже и нѣтъ ее, наслаждается еще ея изображеніемъ и подобными ей потомками, рожденными отъ нея.

Маій скончаается, а по немъ и весь родъ цвѣтовъ, которые отъ губительнаго лѣтняго зноя увядаютъ и разсыпаются.

Внемлите сему красавицы! ваша лѣпота и пышность одѣяній, безъ благоуханія добродѣтели, есть токмо *нѣчто* ослѣпляющее, которое вскорѣ презираемо бываетъ; и часто по немногихъ дняхъ, равно какъ благолѣпіе цвѣтовъ, въ конецъ исчезаетъ.

разсужденіи мѣстоименія *онъ* или *его*, не имѣетъ точнаго отношенія къ женщинѣ, гдѣ должно говорить, *она* или *ее:* то я для лучшей ясности назвалъ *цвѣтки* дщерями весны, дабы чрезъ то всякъ понять могъ, что каждое свойство цвѣта, то есть, вешнія дщери изображаетъ собственно женщину.

XXVIII.

ТРАВЫ.

ПОЛЕЗНѢЕ ВСЕГО РАСТУЩА ТРАВКА ЛѢТОМЪ.
ПОЛЕЗНА КОРЕШКОМЪ, ПОЛЕЗНА СОКОМЪ, ЦВѢТОМЪ.

XXVIII.

ТРАВЫ.

Недовольный и на самое Провидѣніе ропщущій человѣкъ творитъ сей міръ вертепомъ разбойниковъ; исчисляетъ недуги и приписуетъ оныя Богу, аки бы принося жалобы противу Его правосудія. Или не вѣдаетъ таковой злонравный невѣжда, что онъ безъ малѣйшаго содѣйствія Зиждителя, самъ въ себѣ носитъ сѣмя болѣзней; и что тѣло его, на подобіе плодоносныя нивы, будучи пресыщеніемъ и піянствомъ угобженное и упоенное, подъ опекою сладострастныя души созрѣваетъ и приноситъ таковые плоды? Однако Творецъ былъ еще толико благъ, что Онъ безконечное множество травъ, коихъ нелюбопытнѣйшій человѣкъ, ниже самъ испытатель природы *Линней* исчислить не можетъ, для отвращенія яда хотя предвидѣнныхъ, но отъ вѣкъ не предуставленныхъ болѣзней, насадилъ Своею десницею. Всегда найдешь ты больше травныхъ видовъ, породъ и особыхъ злаковъ нежели болѣзней; всегда больше средствъ, нежели золъ; вездѣ находятся другія растѣнія, на другія заразы и смертоносныя язвы. Иногда малинькое растѣніе, дѣйствуетъ само собою, творя или коренемъ, или листвіями, или цвѣтами, или ягодами, или сокомъ, или кожицею, либо плодами и сѣменами своими, цѣлительныя чудеса; иногда же превосходное врачебное искуство купно дѣйствуетъ, и составляя изъ него пилюли, сиропъ, масло, воду, крѣпкіе духи, тончайшія влаги (ессенціи), варенные плоды или корки и пластыри, исцѣляютъ человѣка,

ка, вливая лежащему на одрѣ, или изнемогающему отъ язвы, новыя силы.

Почто обширнѣе неизвѣстно тебѣ величіе природы господствующее въ злакахъ? Почто безпрестанно попираешь ты ногами былинку, сохраняющую высочайшее наше благо, здравіе и животъ? Почто покупаешь еще доселѣ великою цѣною, у скупыхъ чужестранцовъ пряные коренья палящіе и умерщвляющіе наше тѣло? Въ нашихъ странахъ сады, горы и поля избыточествуютъ травами, которыя устроеваютъ пріятность пищи, удовлетворяютъ вкусу и услажденію гортани; и не столь много вреда приносятъ. Ищи токмо ихъ, затверди всѣ ихъ имена, мѣста, и время ихъ прозябенія, и опытомъ извѣдай силу ихъ. Пускай травовѣдецъ раздробитъ тебѣ чашечку, цвѣточекъ, волоски и сосудцы, мѣшечикъ и стебель, вершинки и хранилище сѣменъ, самыя сѣмена и переплетшійся корень; и ты по семъ благослови своего Создателя.

Но вижу я, что ты хощешь найти траву и отъ самыя смерти? Таковой здѣсь нѣтъ, а ростетъ она во *Едемѣ*, при древѣ жизни!

XXIX.

РОСА.

ПРОХЛАДНОЙ НОЧИ ДЩЕРЬ ПРІЯТНАЯ РОСА,
САДИТСЯ НА ТРАВУ, ЦВѢТЫ И ДРЕВЕСА.

XXIX.

РОСА.

Пары, висящіе въ распростертомъ воздухѣ, въ нечувствительныхъ капляхъ низпадаютъ долу, и благовѣствующей Денницѣ наступающій день, а паче восходящу Солнцу въ полномъ своемъ величествѣ, являются они нашему взору. Тогда покрываетъ поля сребряная влага, въ которой солнечные лучи сугубо преломляются, и позлащенный солнца образъ, аки въ зерцалѣ зрится. Луга наполняются сіяніемъ, и вся природа напаяется влажностію.

Цвѣты, травы, древа и пажити піютъ отъ росы свои силы. Она есть точно жизненный тукъ земли и всѣхъ растѣній. Безъ нея нѣтъ ни прозябенія, ни плодовъ. Во время знойнаго и томящаго лѣта, изсыхаетъ поле; растѣніе безъ нея увядаетъ и исчезаетъ. Сего ради и благословляетъ Праотецъ удачно подмѣненнаго сына таковыми словами: *Да дастъ тебѣ Богъ отъ росы небесныя, и отъ тука земли, и множество пшеницы и вина.*

Во истину, благословеніе отцевъ нашихъ, основавшее домъ изчадій, есть плодоносная роса и милость Царева есть яко роса плодоносна, по изреченію премудрѣйшаго Царя. И еще вящше, она есть благодать Всевышняго, яко утреннее росоносное облако, и яко роса рано низпадающая. Но когда восхощетъ Господь наказати; Небеса удержатъ росу, и земля свое растеніе. Тогда призоветъ онъ сушу, да обладаетъ полями и холмами, нивою, гроздіемъ, масломъ и всѣми произведеніями земли, человѣками, скотомъ и всѣми рукъ человѣческихъ дѣлами.

Подражайте, человѣки! Богу и Царю во благотвореніи, и тогда потечетъ прохлаждающая роса отъ рукъ вашихъ. Будьте согласны, о братія! между собою. Ваше единодушіе, вѣщаетъ Божественный краснопѣвецъ, есть толь чисто и любезно, яко роса Аермонская, сходящая на горы Сіонскія, яко тамо заповѣдалъ Господь благословеніе и животъ до вѣка.

XXX.

РУЧЕЙ.

КОЛЬ СКОРО ВОСТАЕТЪ, ТОЛЬ СКОРО ПРОТЕКАЕТЪ:
ВОЗВЫСИВЪ ЩАСТІЕ ТАКЪ СМЕРТНЫХЪ НИЗВЕРГАЕТЪ.

XXX.

РУЧЕЙ.

Изъ малыхъ каменныхъ разсѣлинъ нечувствительно выступаетъ узкій ручей; и проникая мшистые камни, съ тихимъ журчаніемъ опускается въ зеленѣющія глубины. Извиваясь, напаяетъ онъ слабыми струями изпещренное цвѣтами поле; и томный токмо странникъ, остановясь подъ тѣнистымъ округомъ древесъ, который огражденъ протокомъ, утушаетъ изъ онаго томящую жажду; многочисленное же стадо ведомое пастыремъ, стремится ко источнику. На днѣ его видимы омытые камешки и кремни; толико прозраченъ и мѣлокъ есть малый ручеекъ.

Но когда, во время неблагопріятныхъ дней управляемыхъ *Плеядами* (*), низпадающія облака извергаютъ сильные ливни: тогда малый и недостаточный ручей исполняется водою; и внезапу возвысясь, яко царь волнъ, стремится въ низъ съ ужаснымъ шумомъ. Теперь и широкій путь уже для него узокъ; онъ изъ него выходитъ, и наводнивъ поля и окрестную страну, повреждаетъ землю.

Едва токмо хляби небесныя затворились, усмиряется вдругъ гордость надменнаго ручья. И куда прежде ни всадникъ на гордомъ своемъ конѣ, ни возница съ удручающими тягостями не отваживался; дабы неизвѣстными водами не

быть

(*) Плеядъ было, по баснословію, семь сестръ, кои Юпитеромъ превращены въ седмизвѣздіе.

быть поглощенну и преодолѣнну отъ свирѣпствующаго разлитія водъ: тамо играя нынѣ отрокъ, бѣгаетъ по сухимъ мѣстамъ оставленнымъ уже отъ ручья; или едва токмо омокаетъ въ немъ обнаженную свою пяту.

Въ сей водѣ зритъ свой образъ, кто рожденъ въ бѣдной хижинѣ, и нечаянно, во устрашеніе другимъ, возвышенъ щастливымъ случаемъ. Съ гордостію открываетъ онъ сокровища свои, и предъ прочими неистовъ и расточителенъ является. Но вдругъ изсякаетъ источникъ и все изобиліе; и онъ упадаетъ равно, какъ и возвышался. Тогда возвращается онъ паки въ уничиженную свою хижину: на что взираютъ всѣ и посмѣваются ему; до возвышенія своего былъ онъ любезенъ, во время богатства страшенъ, нынѣ же посмѣшище отроковъ и младенцовъ.

XXXI.

ВОДОМЕТЪ.

ДАВЛЕНЬЯ СИЛОЮ ПОДЪЯТЪ ВОСХОДИТЪ ВЪ ВЕРЬХЪ,
ВЗЛИВАЯСЯ ДУГОЙ, ПЛѢНЯЕТЪ ВЗОРЫ ВСѢХЪ.

XXXI.

ВОДОМЕТЪ.

Природа и искуство соединяютъ свои силы, дабы содѣлать человѣку великолѣпное зрѣлище. Природа подаетъ воздухъ, а сей посредствомъ искуства собираяся въ сосуды сжимается, для возметанія, къ верьху водъ въ кипящихъ полукружіяхъ. Чѣмъ болѣе стѣсняется онъ, тѣмъ стремительнѣе его сила, и тѣмъ вышшее бываетъ возлетаніе. Искусно устроенный водоемъ, собирая разметанныя воды, паки оныя бросаетъ въ верькъ. Безпрестанно продолжающееся восхищеніе и паденіе увеселяетъ и томитъ внимательное око; при чемъ ему представляется еще испещренная радуга, яко изящнѣйшее подобіе оныя великія, начерпаваемыя единою токмо природою. Око зыблется въ неизвѣстности, отдать ли преимущество подлиннику, или сему удачливому подражанію. Равно и другія чувства плѣняются. Ухо слышитъ въ журчаньи и паденіи водъ согласныя шумѣнія; а уста піютъ почерпающею горстію, оною первобытною и естественною чашею жаждущихъ, изъ сладкаго и прохлаждающаго источника.

Шествуй, любопытный, въ *Версалію;* тамъ узришь сонмы водометовъ, коихъ Германцы, хотя и стараются во всемъ послѣдовать Французамъ, никогда однако содѣлать не могутъ. Невѣроятныя тысящи требуются, для приведенія только въ движеніе и дѣйство готовыхъ уже махинъ.

Какъ воздухъ и искуство подъемлютъ воды; тако Провидѣніе и Всемогущаго десница возвышаютъ смертныхъ. Чѣмъ больше они удручаются, тѣмъ надежнѣе и выше вос-

ходить долженствуютъ; чѣмъ болѣе зависть и вражда давитъ ихъ и угнѣтаетъ, тѣмъ скорѣе должны они получить свободу и возвыситься. Для того токмо *Іосифъ* гонимъ, удручаемъ, въ рабское иго и темницу ввержень былъ, дабы тѣмъ паче возвеличиться, взойти на знатнѣйшій степень, и быть полезнѣйшимъ.

XXXII.

РѢКА.

РАЖДАЕТСЯ ВЪ СТРУЯХЪ, НО ПОСЛѢ ВОЗРАСТАЕТЪ;
СТРЕМИТСЯ БЕЗЪ ПРЕПОНЪ, И ВСЕ ОДОЛѢВАЕТЪ.

XXXII.

РѢКА.

Въ началѣ своемъ единый токмо ключъ; потомъ собраніе прорывающихся ручеевъ питаемыхъ росою, снѣгомъ и дождемъ; наконецъ бываетъ рѣка.

Сильная и быстрая рѣка ограждаемая оплотами,
Пригонитъ пѣнящіяся воды къ высокому валу;
Возвышая къ небесамъ свирѣпыя свои волны, ударяетъ въ камни.
И самыя облака орошая, шумитъ отъ взаимнаго удареніа.
Наконецъ утвержденный оплотъ уступаетъ неутомимымъ ударамъ,
Камни разваливаются, узы столповъ ослабѣваютъ.
Тогда съ веселіемъ ощущая рѣка, что и самые крѣпкіе дубы потрясаются,
Съ новою силою прерываетъ ненавистныя преграды.
Ничто уже не можетъ удержать ея стремленія, и въ сосѣдственной рощѣ
Изторгаетъ она корени, и цѣлыя опровергаетъ горы.

Толикое есть могущество рѣки, бывшія въ первоначаліи своемъ едва токмо зримою и презрѣнною водою. Однако не заключается оно въ единомъ ужасѣ, оно купно и полезно. Рѣка носитъ на себѣ безъ отдохновенія нагруженные корабли, и привозитъ изъ одного въ другіе грады богатство и изобиліе. Родъ безгласныхъ рыбъ, мешается по ней то въ верьхъ, то въ глубину толпами; и сѣровидный сонмъ рѣчныхъ карповъ, богато ею упитанныхъ, стремится ко брегу,

брегу, призывая насъ къ ловлѣ. На ней утверждается длинный и великолѣпный мостъ, созидаемый на каменныхъ столпахъ и пречудныхъ сводахъ. Она поставляетъ предѣлы, раздѣляетъ земли, отдѣляетъ грады, и часто оставляетъ по себѣ прекрасные и плодовитые острова, обтекая ихъ въ пріятномъ видѣ. Но раздробясь напослѣдокъ въ малыя рѣчки и рукава, паки теряется; и непримѣтно, какъ въ первоначаліи своемъ, впадаетъ въ обширный и поглощающій океанъ.

Дворянство подобно есть рѣкѣ: оба въ первоначаліи своемъ малы и беззнатны, но съ теченіемъ временъ увеличиваются и возвышаются. Дворянство взаимодаетъ отечеству храбрыя руки и рамена, и возлагаетъ государственное бремя на твердыя свои плеча. Оно есть слава, великолѣпіе и щитъ градовъ; а и иногда бываетъ свирѣпо и неукротимо, подобно рѣкѣ разторгающей оплоты. Тогда оба они опустошаютъ стяженіе и пажити бѣднаго гражданина и земледѣльца. Но по долговременномъ свирѣпствѣ и нечествованіи, растекаясь и дворянство въ свое прежнее ничтожество, ввергается въ море забвенія!

XXXIII.

ПАДЕНІЕ ВОДЪ.

ВОДА СТРЕМИТСЯ СЪ ГОРЪ, ПОКА ЦЕНТРЪ НАЙДЕТЪ СВОЙ,
И ТАМЪ ОКОНЧИВЪ ТОКЪ, ПРІЕМЛЕТЪ УЖЪ ПОКОЙ.

XXXIII.

ПАДЕНІЕ ВОДЪ.

Съ неприступныхъ высотъ низвергается вода съ ужаснымъ ревомъ въ бездонныя пучины. Таковы суть пороги плодоноснаго и страшнаго Нила. Съ крутыхъ стремнинъ ужасныя водъ громады, подобныя горамъ, валятся въ вѣчноколеблемую удоль. Шумъ страшнѣйшій всѣхъ когда либо слышанныхъ живущими, наводитъ ужасъ всей одаренной слухомъ твари. Неподражаемый и неописанный трескъ, превышающій громы, слышанъ токмо, какъ будто бы разверзалися небеса, и міры на міры упадали. Се есть никогда неокончаемое, или паче непрестанно возобновляющееся предъявленіе послѣдняго дни временъ! Самое нечувствительное сердце уже издали трепещетъ: ни единый витязь не отважится туда; и самые лютѣйшіе изъ хищныхъ звѣрей удаляются оттолѣ, съ унынiемъ и страхомъ соотвѣтствующимъ паденію водному. И по сей то причинѣ источники Ниловы, чрезъ толь многіе вѣки, еще не изслѣдованы: ибо *Камбизы*, *Александры* и *Птоломеи*, побѣждая *Египетъ*, сражаясь съ дикими и варварскими народами и проходя гладныя пустыни, сколь мужественно ни преодолѣвали непроходимые лѣса, и горы; однако жестокія и стремительныя паденія водъ ставъ и имъ противу, подобно какъ льдистое море продерзкимъ *Колумбамъ*, храбрости ихъ поставили преграду.

Такимъ образомъ воды, чрезъ высоту своего паденія, дѣлаясь постепенно тяжелѣе и быстрѣе, растворяются въ пѣну и пары, опускаются въ возлюбленной точкѣ тяжести и покоя, и исполняютъ Зиждителевы намѣренія, приближаяся

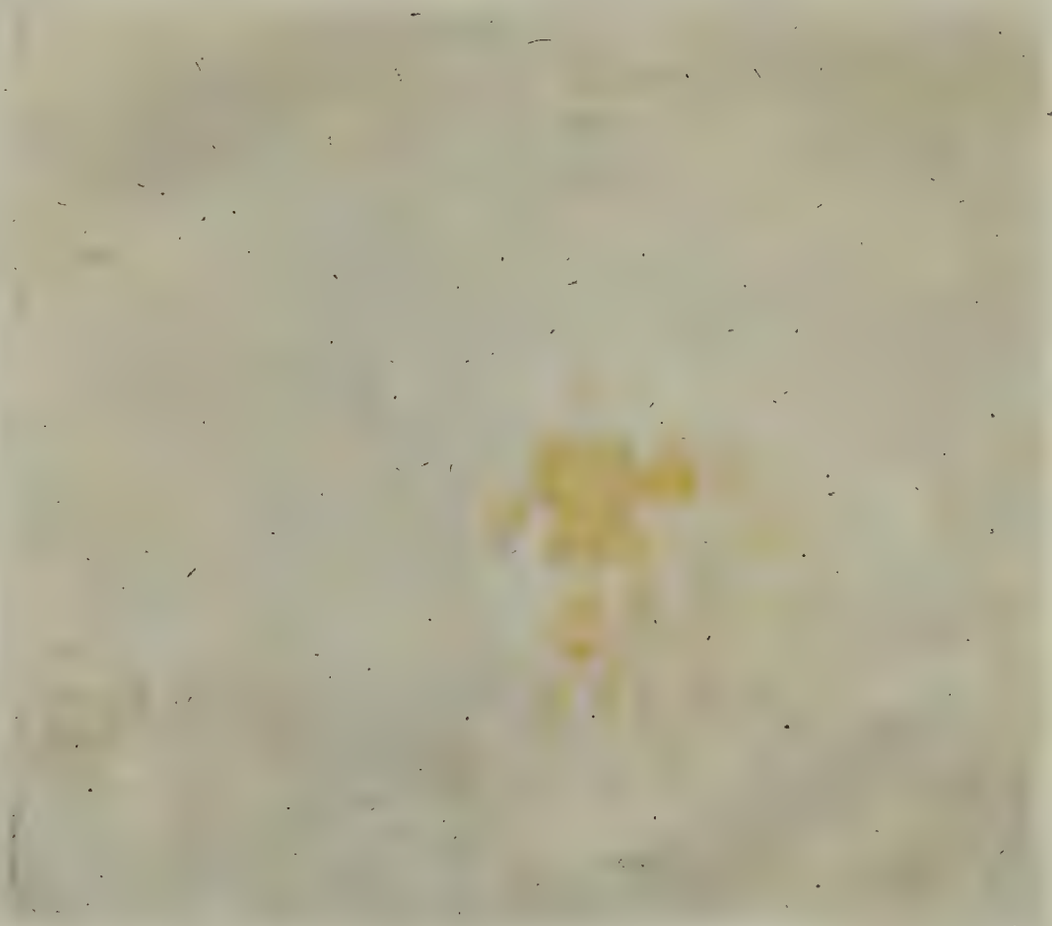
жаяся всеминутно къ притягающей землѣ, и оную яко сестру лобызая.

Подобно и мы, о человѣки и братія! находимъ средоточіе нашего покоя въ прохладной и блаженной землѣ, поглощающей токмо грубыя части человѣчества, тончайшую же и духовную часть, яко вдохновеніе Зиждителево, горѣ испускающей, подобно парамъ исходящимъ изъ кипящія и въ тончайшія частицы раздробленныя воды. Иной скоропостижно и ужаснымъ образомъ упадаетъ на землю: паденіе его окружается рыданіемъ и страхомъ зрящихъ и слышащихъ; но самъ онъ хотя и по своему предѣлу, однако не для спокойствія поникаетъ.

XXXIV.

БОЛОТО.

ТЫ ВИДИШЬ ЛИ, МОЙ ДРУГЪ! ПУТЬ СКОЛЬЗСКІЙ ПОДЪ ТРАВОЮ?
КОВАРНО ОНЪ МАНИТЪ, ПРЕЛЬЩАЕТЪ НАСЪ СОБОЮ.



XXXIV.

БОЛОТО.

Заросшее блато почитается равниною; и продерзкая трава, изникая изъ зеленаго мха, обманчиво начертаваетъ путь чрезъ крытыя подъ нимъ мутныя и блатныя воды. Возвышенный простникъ токмо предостерегаетъ насъ отъ приближающейся опасности; и помавая преклоняется предъ нами, дабы покрайней мѣрѣ намъ хотя нѣсколько открыть поверхность таящіяся пропасти. Пока еще день и человѣкъ озаряется солнечнымъ сіяніемъ, до тѣхъ поръ примѣчаетъ и узнаетъ онъ блато; или умудряется чрезъ гибель другаго, который, по неосторожности провалясь, утопаетъ безъ помощи въ бездонной тинѣ. Онъ издали указываетъ туда, даетъ знать своему спутнику о обманчивомъ мѣстѣ, и повѣствуетъ о приключившемся нещастіи.

Но въ заблужденіе приводящая и враждебная нощь, захвативъ странника на пути, дѣлаетъ его безопаснымъ. Съ начала ведетъ его проложенными и крѣпкими путями, наконецъ приводитъ къ зыбучей пучинѣ. Сверьхъ чаянія находится онъ на брегѣ гибели, борется съ надеждою, взираетъ продерзко на сводъ небесный, считаетъ звѣзды, подобно нѣкоему суетному мудрецу, и погрязаетъ во блатѣ. Неоплаканный во ономъ утопаетъ, тина и вода наполняютъ уста его поздо уже вопіющія о помощи.

Испещренный лестною надеждою есть путь, къ которому *Венера и Сирены* (*) привлекаютъ. Пока еще разумъ увѣ-

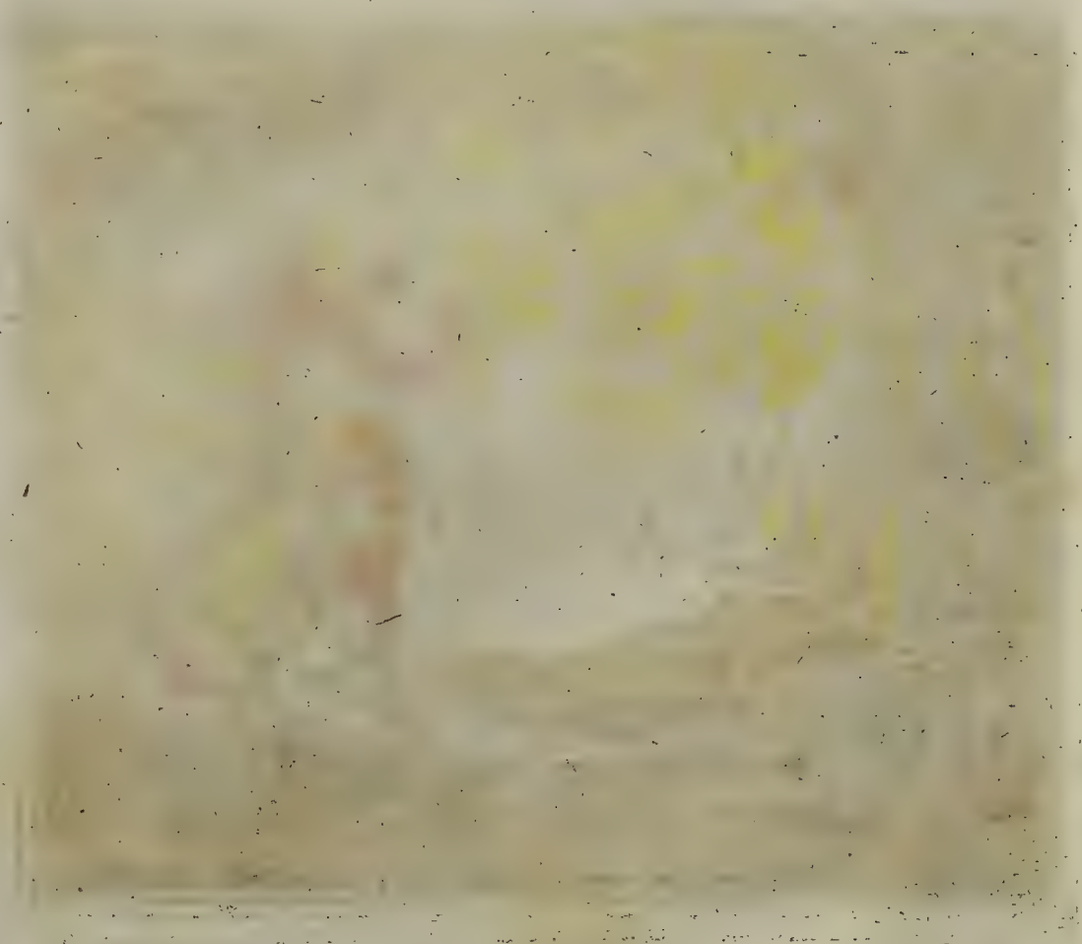
(*) *Сирены* морскія чудовища. По мнѣнію баснословцовъ всѣ внемлющіе ихъ пѣнію погибали. А земнородныя *Сирены* что дѣлаютъ съ нами — —?

увѣщавать не престаетъ, и свѣтъ онаго озаряетъ пути юноши; до тѣхъ поръ уклоняется онъ отъ опасностей, и другихъ отъ оныхъ спасаетъ. Но когда страсти и упояющія крѣпкія питія мрачную нощь въ душѣ устроеваютъ: тогда уже неистовой юноша, мужъ и витязь стремится во объятія любодѣятельницы; наконецъ еще болѣе упоенный сладострастіемъ, и не видя ничего, кромѣ небесныхъ сводовъ и увеселеній, погрязаетъ въ тинѣ беззаконій. Пьянство проходитъ, и онъ пробуждается съ угрызеніями совѣсти. Но будучи изнуренъ и столько обезсиленъ, что уже не въ состояніи исторгнуть себя изъ тины, помышляетъ о своемъ заключеніи, и отчаявается!

XXXV.

ЛѢСЪ.

КОЛЬ НИ ПРОСТРАНЕНЪ ЕСТЬ ДРЕМУЧЕЙ ЛѢСЪ ГУСТОЙ;
НО РѢДКО НАЙДЕШЬ ВЪ НЕМЪ ПРИСТАНИЩЕ, ПОКОЙ.



XXXV.

Л Ѣ С Ъ.

Лѣсъ есть украшеніе земнаго шара; а растѣніе его убѣжище отъ жестокія и проницательныя зимы.

Тамъ кажется, что пространное поле, сіе обильное море класами,
Посмѣваяся сосѣдственному лѣсу, покровенному густыми листвіями,
Ругается, что класяное стеблїе его не увѣнчаваетъ.
Но Зефиръ отомщеваетъ за лѣсъ, лобызая тихимъ дыханіемъ
Великолѣпїе его листвій, и производя оными пріятный шумъ;
Онъ пролетая сквозь бодрствующую траву испускаетъ благовоніе,
Услаждающее духъ и чувства наши.
Фивъ такъ же пособствуетъ ему, сослѣшествуя быстрымъ своимъ бѣгомъ
Тихо зыблющемуся сокрытыя мглы воспаренію.
Сія изъ блатнаго кустарника раздѣляется въ струи.
И внезапу цѣлый лѣсъ покрывается шумящими
И лазуревыми облаками. Изящнѣйшая дичь!
Прекрасный лѣсъ облеченный въ облака,
Изъ котораго бодрая его зелень сіяетъ въ величественной своей высотѣ,
Поле ему есть престолъ, на которомъ онъ сидя красуется.

Здѣсь поперемѣнно являются дубы, буки, сосны и ели; тамъ обитаютъ кедровые и пальмовые лѣса. Индѣ движет-

ся

ся бодрый сонмъ птицъ; тамъ воспѣваетъ соловей возвышенную свою пѣснь; въ другомъ мѣстѣ отвѣтствуетъ пріятное эхо на громкое блеяніе вблизи бродящаго стада. Ловецъ засѣдаетъ на уловленіе робкаго дикаго звѣря, стремящагося съ ревомъ сквозь темные кустарники. Его не устрашаетъ уединенная нощь.

Онъ не страшится ни дождя, ни хлада, ни вѣтровъ,
И оставляетъ одну младую свою супругу;
Дабы лаки найти слѣды велря,
Прорвавшагося сквозь тенеты.

Но наступившей мрачной нощи, непривычный лѣсъ наводитъ путешественнику ужасъ. Онъ бодрствуя еще терзается безчисленными унылыми мечтаніями; его приводитъ въ страхъ дикій звѣрь, разбойникъ, птица и низпадающее отъ древъ листвіе. Единая токмо луна и близкій градъ, изъ котораго ему звонъ колоколовъ слышенъ, освобождаютъ его отъ унынія. Оная служитъ ему спутницею, а сей есть главнѣйшая цѣль его желаній.

Тако добродѣтель долженствуетъ всѣхъ насъ избавлять отъ опасности, и приводить ко граду Божію!

XXXVI.

ПЕСОКЪ.

ПРОСТЕРТЪ ПУТЬ ЧРЕЗЪ ПЕСКИ ГОРЯЧИ И ГЛУБОКИ
ДО МѢСТЪ, ГДѢ ІОРДАНЪ ПРОЛИЛЪ СВОИ ПОТОКИ.

XXXVI.

ПЕСОКЪ.

Въ *Ливійскихъ* странахъ, гдѣ отъ знойнаго солнца человѣки очернѣваютъ, глубокій песокъ наполняетъ безплодныя поля — —!

Въ мѣстахъ, гдѣ ближайшая къ солнцу полуденная страна дымится,
И блестящій песокъ жаромъ токмо и пламенемъ дышетъ,
Безпрерывный лучъ поядаетъ кипящую кровь,
И духъ волнуется равно, какъ оная кипитъ въ жилахъ.
Любовь здѣсь безуміе, отмщеніе необузданность,
Остроуміе высокопарная надменность, благоговѣніе богонеистовство.
Огромные лески отъ вѣку неосѣняемые зеленью,
Преисполненны суть толпами сыпящихъ гадовъ, плодящихся купно съ Идрами.
Засохшія львовъ челюсти жаждутъ здѣсь горячей крови,
И изъ тигровыхъ взоровъ сверкаетъ жаръ, соотвѣтствующій небесному пламени.
Человѣкъ подобенъ тамъ своея страны звѣрю; кроткое человѣколюбіе
Слабо трогаетъ грудь его: кровожаждущее токмо рвеніе,
Неугасимое пареніе плоти, и буйная ревнивость,
Поражаютъ духъ его аки громомъ, и суть плодъ сея страны.

Спѣши и удаляйся отъ сихъ предѣловъ! Хотя путь твой ведетъ тебя и чрезъ тяжелый песокъ: однако мужайся, шествуй. Ты еще всегда обрящешь слѣды передъ стопами

стопами твоими. Если же неистовые вѣтры вовсе замѣтаютъ подлинныя промежки; тогда шествуй неуклонно по звѣздамъ ведущимъ тебя благополучно. Небо есть самый лучшій путеводитель!

Песокъ есть бремя человѣческія жизни, и всѣ страны преисполнены онымъ въ юности, въ мужественныхъ лѣтахъ, и во старости покровенной сѣдиною находятся тягости. Кажется, будто онѣ препятствуютъ намъ въ теченіи къ нашему блаженству; но мы и чрезъ нихъ достигаемъ наконецъ онаго. Всегда находимъ мы какого нибудь предтечу, облегчающаго паче тяжестное и протяжное путешествіе. Когда же потеряемъ путь и вождя; когда судьба наша станетъ удручать насъ тягостьми, коихъ еще никто не сносилъ: тогда возведемъ очи наши до небесъ. Тамо, тамо сіяютъ свѣтящія и ведущія насъ звѣзды; онѣ предшествуютъ намъ, подобно свѣтилу провождавшему трехъ волхвовъ; и остановляются на мѣстѣ нашего предѣла, на благополучной кончинѣ путешествія нашего.

XXXVII.

БЕРЕГЪ И ПРИСТАНИЩЕ.

СВИРѢПЫЯ МОРЯ ЗАКЛЮЧЕНЫ ВЪ БРЕГАХЪ;
СЪ ВЕСЕЛІЕМЪ ПЛОВЦЫ СПѢШАТЪ КЪ НИМЪ НА СУДАХЪ.

XXXVII.

БЕРЕГЪ И ПРИСТАНИЩЕ.

Море, не знающее никакихъ узъ и преградъ, или разторгающее всѣ вериги, хранитъ свои предѣлы. Сколь ни сильно волны его свирѣпствуютъ, и съ яростію вздымаются: однако наконецъ преклоняется оно къ тишинѣ; кротко играетъ въ сосѣдственной окружности, и дружески лобызаетъ песокъ изгибистыхъ береговъ. Здѣсь цѣль его поставленная Богомъ и естествомъ; здѣсь утверждены предѣлы, кои оно велѣніемъ Всемогущаго раболѣпно почитая, никогда преступить не дерзаетъ.

Паче моря лютъ и не обузданъ бываетъ продерзкій человѣкъ. Его алчба славы и богатства; неистовая любовь, и волненіе страстей преступаютъ мѣру, цѣль и законы. Ни Божескіе, ни человѣческіе уставы не могутъ его ограничить; тѣ презираетъ онъ, а сіи откупаетъ у безсовѣстнаго судіи. Или будучи и самъ поставленъ хранителемъ законовъ, препоручаетъ ихъ безпутнымъ юношамъ и женщинамъ, для студнаго прибытка. Часто ограбляетъ онъ обѣ тяжущіяся стороны; а иногда и ту самую, которая имѣя себѣ невинность и правоту въ защищеніе, желаетъ токмо оную у него выручить; но вопще тѣмъ себя изнуряя, снисходитъ во гробъ не дождавъ на то рѣшенія. Толь беззаконно выходитъ онъ изъ положенныхъ ему предѣловъ; надѣясь подобно кораблю нагруженному чуждыхъ странъ богатствомъ, похищеннымъ у законныхъ владѣльцовъ, безопасно и съ веселіемъ внити въ пристанище: но онъ зритъ оное токмо изъ дали и съ обманчивою

 надеж-

надеждою; и хотя приходитъ къ кончинѣ своего шествія, но не къ убѣжищу.

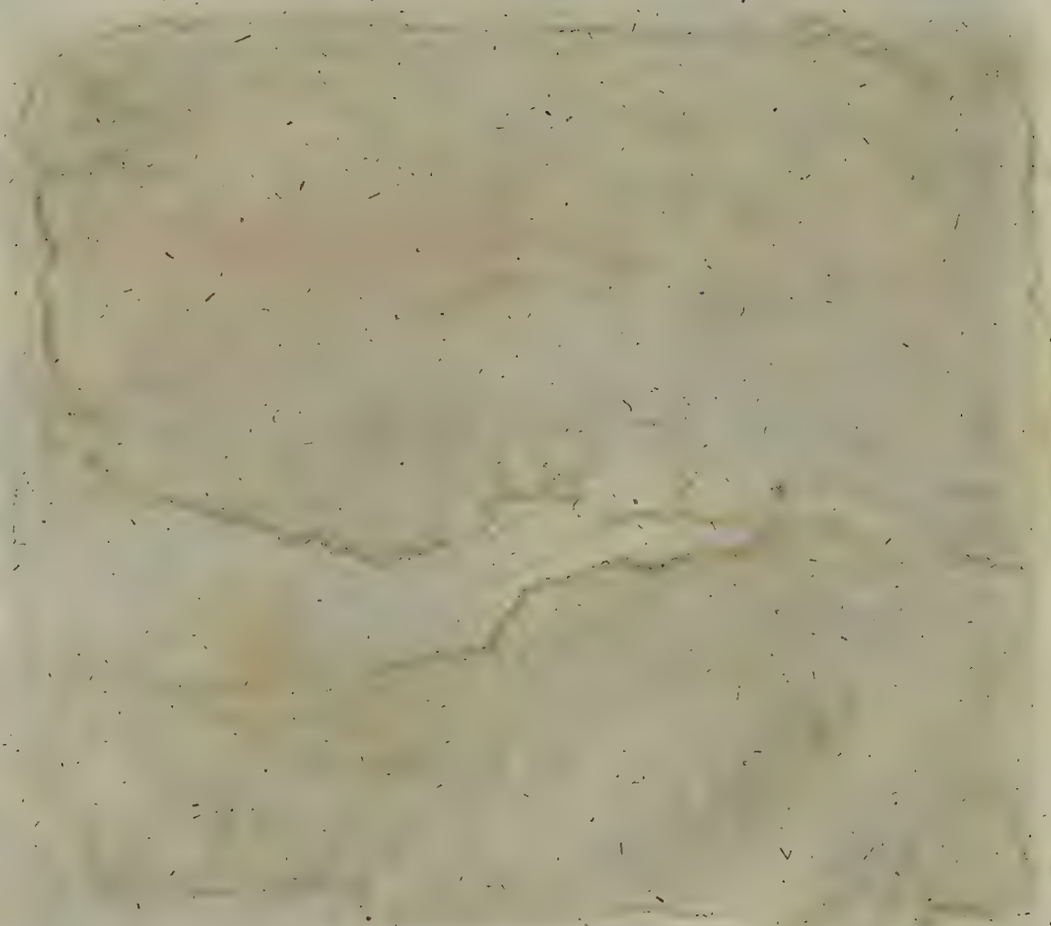
Не хищныхъ варваровъ корабли, но непріятельскіе токмо парусы достигаютъ пристанища; и тогда уже раздаются радостные лики и восклицанія; когда по благополучномъ возвращеніи товары и сокровища, удручавшія корабли и воды, выгружаются.

Добродѣтели и непорочности, честному человѣку и Христіянину, смерть и вѣчность суть безопасное пристанище, освобожденіе отъ ужаснаго морскаго обуреванія; и вожделѣнная цѣль дальнаго и опаснаго путешествія, по совершеніи котораго всякъ съ радостію зритъ себя облегченна, отъ земныхъ обремененій и ото всѣхъ къ блаженству нашему препятствій.

XXXVIII.

МОРЕ.

СВИРѢПСТВУЯ ОНО ВЪ ВЕРЬХЪ ВОЛНЫ ПОДЫМАЕТЪ;
И СѢВЕРЪ НА КОРАБЛЬ ЖЕСТОКО НАПАДАЕТЪ.



XXXVIII.

МОРЕ.

Уже не плаваютъ болѣе на ладіяхъ; нынѣ созидаютъ на морѣ сосновые замки обремененные громомъ и человѣками; ужасные и взоромъ необъемлемые чертоги населяютъ моря. Замки сіи и лѣсовидный сонмъ высокихъ и продерзкихъ щоглъ (маштъ), летятъ въ запуски съ вѣтрами чрезъ пѣнящіяся волны. Сосна отваживается!

Она на крылѣхъ своего теченія стремится чрезъ валы,
Продерзко удаляется отъ насъ, и ищетъ чуждыхъ странъ;
Обогатясь корыстію и обремененна изъяномъ острововъ,
Возносится онымъ, и съ великими сокровищами
Вручивъ себя вѣтрамъ, гордо разсѣкаетъ пѣну.

Пока еще Еолъ благопріятствуетъ, пока свѣтлый и вѣрный Медвѣдь съ высотъ звѣздами уясненныхъ виденъ бываетъ: до тѣхъ поръ безопасный кормчій воспѣваетъ, матросъ бушуетъ, и путь благополучно совершается. Но когда - - - какая тогда перемѣна!

Внезапу упадаетъ съ густаго воздуха рѣка повсюду равноліющихся дождей
Сѣверъ реветъ, и устремляетъ съ неистовствомъ страшное свое движеніе
На пѣнящіяся волны;
На коихъ мрачная нощь и хладный ужасъ покоятся.
Внезапу молнія разсѣкаетъ молнію въ темныхъ воздушныхъ странахъ,
Послѣ стремится громъ, и реветъ въ безчисленныхъ земныхъ пропастяхъ.

Уже

Уже приближившійся огнь троекратно мещется на море,
И съ высотъ слѣдуютъ полеремѣнно огнь, нощь и удары;
Пучина разверзается съ трескомъ,
И гордый корабль погружается въ разинутыя ея челюсти.

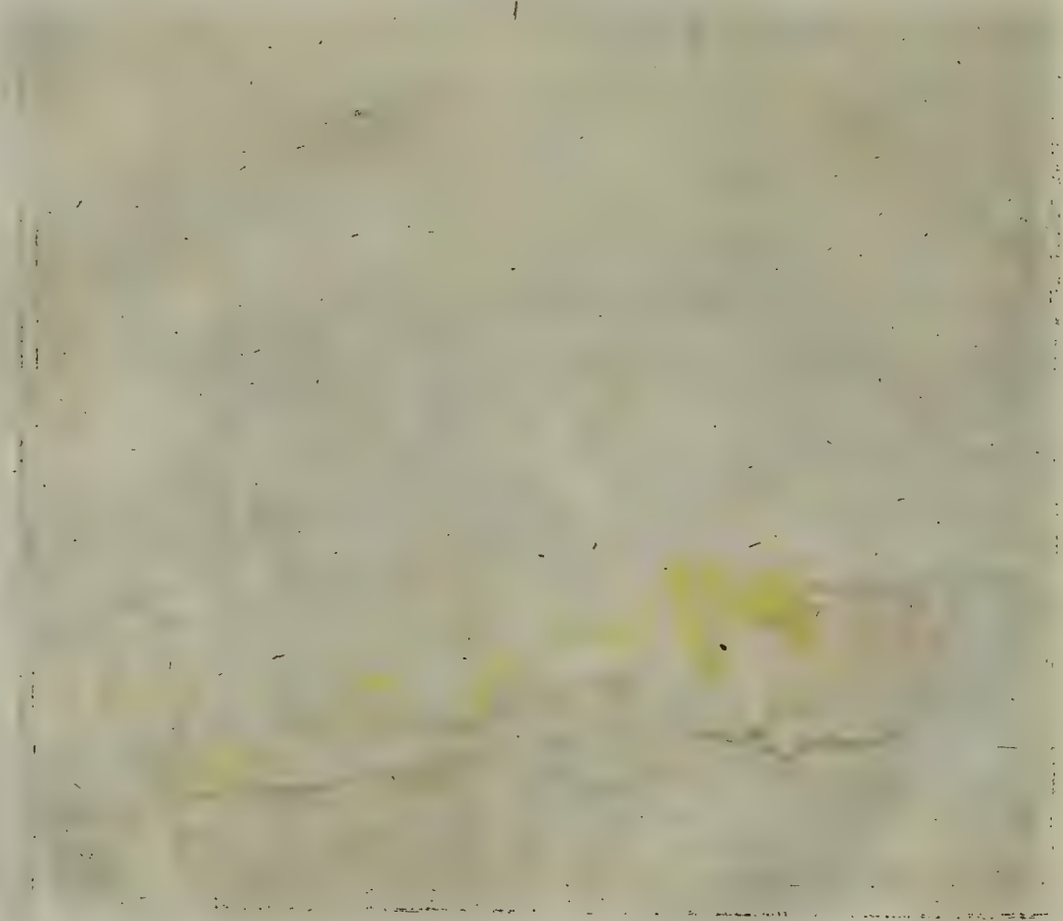
Таково есть море, всегда колеблющееся и премѣняемое! Почто же вѣритъ ему горделивый и малодушный человѣкъ? Почто хощетъ онъ открыти путь тамо, гдѣ нѣтъ его? Почто хощетъ тамъ созидать, гдѣ нѣтъ основанія? Почто чаетъ себѣ отъ волнъ вѣрности и постоянства, котораго онъ самъ не имѣетъ?

Восхотѣлъ ли бы ты вѣрить народу въ западныхъ обитающему странахъ, который ни въ мысляхъ своихъ, ни въ крови постоянства не имѣетъ? восхотѣлъ ли бы ты положиться на тотъ вѣчный миръ, который заключается съ толикимъ торжествомъ, толь свято запечатлѣвается клятвами, и который никогда не хранится? Можешь ли сіе ты учинить? Можешь ли сему безопасно и безъ нарушенія правилъ мудрости и благоразумія повѣрить?

XXXIX.

МОРСКІЕ КАМНИ.

ЛЕСТЬ ЖЕНСКАЯ ГУБИТЪ, НЕ МЕНЬШЕ КАКЪ И ВЛАСТЬ;
ПОДОБНО КАМНЯМЪ СИМЪ, ВВЕРГАЕТЪ ВСѢХЪ ВЪ НАПАСТЬ.



XXXIX.

МОРСКІЕ КАМНИ.

Мореплаватель, избавясь отъ морскаго обуреванія, и при перьвомъ видѣ восходящаго солнца узрѣвъ съ корабля матерую землю, чаетъ быти въ лонѣ безопасности. Какое тогда торжество между народомъ! земля - - - земля вопіетъ другъ ко другу; и матросъ, у котораго токмо нужда, *Борей* и лютый *Орканъ* исторгнули молитву, паки уже клясти начинаетъ. Всѣ встрѣчаютъ радостнымъ восклицаніемъ приближающійся островъ, не зная, что можетъ быть живутъ тамо *Карибы* и *Канибалы*, кои не чувствуя никакого въ себѣ человѣчества, и ни мало не прельщаясь златомъ и сребромъ спасшимся отъ морскаго поглощенія, падаютъ на страннопришельцовъ, умерщвляютъ ихъ, варятъ и пожираютъ. Между тѣмъ, несвѣдущій кормчій, будучи преисполненъ радости и надежды, набѣгаетъ на мѣли, пучины и острые камни; гдѣ пресѣкается надежда, путешествіе и жизнь. Тщетно уже покушается рука подъемлемая къ Небесамъ! Вотще раздается по воздуху ужасный крикъ и вопль послѣднихъ моленій, возсылаемыхъ отъ отчаянныхъ мореходцовъ.

Воздвигнутая преграда, (коль жалостное позорище!)
Аки узами окружаетъ ихъ тиною, лескомъ и ужасомъ.
Изнеможенный кормчій упадаетъ стремглавъ.
Пучина разторгаетъ корабль, и отверзаетъ ему гробъ;
Наконецъ корабль трекратно закружась низходитъ въ бездну,

Про-

Пространная глубина подъемлетъ въ верьхъ поглощенные члены,
Здѣсь плаваютъ дски, тамъ извергается сокровище и богатство.

Прежде избавились они отъ очевидной опасности, устремлявшейся на нихъ долгое время: а нынѣ погибаютъ по невольной неосторожности отъ потаенныхъ водою камней. Такова есть придворная или паче женская хитрость: она подобна *Скилламъ* и *Харибдамъ*, грозящимъ намъ неизбѣжною пагубою, и устроевающимъ оную наипаче въ то время, когда мы наименьше объ ней думаемъ. Съ дышущимъ неистовою яростію, и съ явнымъ врагомъ боремся равномѣрно; или по крайней мѣрѣ окончаваемъ сраженіе съ ними съ легчайшими язвами. Но женщина и ея коварство наводитъ страхъ и ужасъ какъ *Ааиль* и *Іудиѳъ*.

XL.

МЕТАЛЛЫ ИЛИ КРУШЦЫ.

ВО ГЛУБИНѢ ЗЕМНОЙ МЕТАЛЛЫ ВСѢ РОЖДЕНЫ,,
НО АЛЧНОЮ РУКОЙ ОТТУДА ИЗВЛЕЧЕННЫ.

XL.

МЕТАЛЛЫ ИЛИ КРУШЦЫ.

Чрево земли и ея утробу расторгая человѣки приближаются къ царству самаго *Плутона* (*). Оной ревностный горный дѣлатель дневныя мзды ради ночь и день роетъ во очевидномъ адѣ. Ни ядовитое испареніе на нихъ устремляющееся, ни ужасный шумъ подземныхъ неиспытанныхъ водъ, ни низрыновеніе подрытыя горы почти уже надъ главою висящее, ниже самые толь набожно признаваемые горные духи и малые бѣсы, либо агелы, не могутъ привесть смертныхъ во ужасъ отъ сея подземныя пропасти. Они столько ослѣплены, что никакая гибель не устрашаетъ ихъ. Можетъ быть не взираютъ они и на принятыхъ легковѣріемъ горнихъ человѣчковъ, и для того не боятся и не устрашаются никакой опасности. Толико помрачаетъ несытое любостяжаніе человѣческія очи; толико подстрекаетъ адская скупость безумнаго къ неистовымъ трудамъ; толико понуждаетъ смертныхъ проклятая алчность злата ко всякимъ злоключеніямъ!

Конечно скупость ввергнула первый корабль въ море,
И истощеваетъ земное нѣдро отъ сокровищъ.

Пребѣдный горный дѣлаетъ, жертвуя паче всѣхъ и жизнію и всемъ, пріобрѣтаетъ всѣхъ менѣе. Хотя трудится онъ день и нощь, роетъ, обливается потомъ, и съ смертельнымъ уныніемъ извлекаетъ блестящую корысть на солнечный свѣтъ; однако совсемъ тѣмъ долженъ ея лишиться.

Тако

(*) *Плутонъ*, баснословный богъ ада, богатства и металловъ.

Тако дѣлаете вы пчелы, но не для себя, вашъ сотъ;
Тако носите вы волы, но не для себя тяжкое иго;
Тако стремитеся вы человѣки, но не для себя, въ подземныя проласти.

Важнѣйшая задача есть, съ большимъ ли неистовствомъ пщутъ и вырываютъ злато и крущцы; или употребляютъ ихъ во зло и расточаютъ? Почти ни единый мудрецъ не въ состояніи рѣшить сію задачу; и понынѣ еще первое неистовство человѣковъ наблюдаетъ съ другимъ полное равновѣсіе. Здѣсь унылое попеченіе не дремлющимъ окомъ смотритъ, какъ получить злато, и какъ оное сохранить; тамъ равное бѣдствіе и нужда оное расточать и иждивать неволятъ. Индѣ *Плутона* обнажаютъ и грабятъ, тутъ *Вакху* и *Венерѣ* жертвуютъ похищеннымъ добромъ и покланяются. О коль противурѣчущая тварь есть человѣкъ во своихъ желаніяхъ!

XLI.

ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ.

ОНИ ПРЕЛЬЩАЮТЪ ВЗОРЪ, НО ДОЛЖЕНЪ ТЫ СМОТРѢТЬ;
УЖЪ МНОГО ТАКОВЫХЪ ОБМАНЪ ПУСТИЛЪ НА СВѢТЪ.

XLI.

ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ.

Гордый вѣ каменіяхъ и озаренный искуствомъ алмазъ, сверкаетъ на главѣ и на персяхъ горделивѣйшія еще красавицы. Она мечтаетъ, что поставлена нынѣ между звѣздъ, или по крайней мѣрѣ себя увѣряетъ, что убранство ея ни вѣ чемъ не уступаетъ звѣздному сіянію. Женопоклонникъ, ослѣпленный небеснымъ блескомъ камней, приближается къ своей богинѣ, и жертвуетъ ей колѣнопреклоненіемъ. Изъ камней заключаетъ онъ о сокровищахъ, и уже перещитываетъ тысящи находящіяся у его богини: но онѣ ему неизчислимы. Обманутый юноша! не ужель ты не читывалъ никогда образа Вавилонскія жены созерцанныя Іоанномъ? *Жена бѣ облеченна вѣ лорфиру и червленицу, и лозлащенна златомъ и каменіемъ драгимъ и бисеромъ.* Вотъ твоя богиня! Или ты не знаешь сего міра, его ухищреній и обманщиковъ? Нынѣ изъ простыхъ стеколъ дѣлаются алмазы. Невѣжда носитъ ихъ на перстѣ, простѣ и на блестящихъ пряжкахъ. Онъ купилъ ихъ за подлинные бріліанты, и своими искуственными, ему только одному свойственными, а благоразумнымъ подражаемыми ужимками, насильно понуждаетъ смотрѣть на нихъ и того, который не хощетъ ихъ ниже взоромъ удостоить.

Коль сильно есть человѣческое воображеніе, творящее и камни благородными, и коль свято хранится сія грамота благородства во всѣхъ владычествахъ и странахъ свѣта! Но коль многіе рожденные отъ подлыхъ камней мѣша-

ются

ются межѣ благородныхъ! Конечно и въ царствѣ камней тоже самое дѣлается, что и между человѣками. Но скажите мнѣ, знатоки! отъ чего раждается частныхъ камней сторичная, тысящная и миліонная цѣна? Безъ сомнѣнія скажете: отъ твердости, прочности, сіянія, цвѣта, и отъ играющія ихъ прелести. Отъ чего еще болѣе? Ихъ ищутъ и платятъ за нихъ. Все ли сказано? я избираю убо себѣ премудрость; со оною не можетъ ни единый драгоцѣнный камень сравниться. И самая благороднѣйшая яшма помрачается благолѣпіемъ града Божія, нетребующаго ни солнца, ни луны, ни камней.

XLII.

БИСЕРЪ ИЛИ ЖЕМЧУГЪ.

РОЖДЕНЪ НИЗПАДШЕЮ НЕБЕСНОЮ РОСОЮ,
ПИТАЕТСЯ, РАСТЕТЪ ВЗМУЩЕННОЮ ВОЛНОЮ.

XLII.

БИСЕРЪ ИЛИ ЖЕМЧУГЪ.

Когда съ воздушныхъ высотъ низпадающая и отъ природы въ круглыя капли превращенная роса истаеваетъ: тогда жаждущее черепокожное пріемлетъ оную въ свое отверстое лоно. Заченши во чревѣ вручаетъ себя и свой благородной плодъ взмущенному морю. Соль морскихъ волнъ притекая внезапу, питаетъ и крѣпитъ сіе исчадіе. Время и испытывающій природу человѣкъ, растворивъ раковину, обрѣтаютъ въ ней прекрасную породу, бѣлу какъ снѣгъ, чисту и безпорочну. Но мать, сіе изящно изпещренное черепокожное, съ презрѣніемъ повергаютъ долу, и оставляютъ токмо прекрасное ея исчадіе. Тогда восхищается радостію промышленникъ, нашедъ драгоцѣнный сей бисеръ. Обвивъ его въ мягкую волну и чистый шелкъ, приноситъ его въ домы вельможей и въ царскіе чертоги. Тамо съ почтеніемъ пріемля хранятъ сей бисеръ, и даютъ ему подруговъ; онъ дѣлается любимцемъ, и никто не думаетъ уже о беззнатной его матери. Въ особомъ жилищѣ покоится онъ на мягкой постелѣ, пріуготовленной ему нѣжною рукою; и въ торжественный день, сопровождаемый ликомъ своихъ собратій, является свѣту, украшаетъ выю своея повелительницы, блистая на ней лучезарно; ему удивляются, почитаютъ его, и завидуютъ превосходной его бѣлизнѣ.

Ты, о вѣрная супруга, добродѣтельная жена, подобишься сему драгоцѣнному бисеру! Ты и премудрость, сія единая красавица, старающаяся купно съ тобою овладѣть моимъ

имѣ сердцемѣ, еще превышаете его! Коликое сокровище находитѣ, кто васѣ обѣихѣ купно обрѣтаетѣ; и сколь единодушно обитаете вы вмѣстѣ! Вы превыше Офирскаго злата, или драгаго Оникса и Сафира. Никакое злато и алмазы, не могутѣ воспреимуществовать надѣ вами, ниже свѣтозарные камни на чредѣ сѣ вами быть поставлены. Еще одинѣ бисерѣ находится при васѣ обѣихѣ, то есть: Слово божіе, и царство небесное. Продадимѣ убо все, какѣ нѣкій купецѣ, и пріобрѣтемѣ сіи три бисера. Но гдѣ они, и кэкѣ дороги? вопрошаешь ты. Внемли: первый есть весьма рѣдокѣ, другій дорогѣ, а третій хотя и самый дешевѣйшій, но всѣхѣ дражайшій.

XLIII.

У Т Р О.

СЕ УТРЕНИЯ ЗАРЯ ЯВЛЯЕТЪ ОБРАЗЪ СВОЙ,
БЛИСТАЯ НОВОЮ ПРЕДЪ НАМИ КРАСОТОЙ.

XLIII.

У Т Р О.

Востани, востани отъ сна, открывай окна и отверзи дверь храмины твоея: се грядетъ Денница благовѣствующая тебѣ скораго и пріятнаго гостя, день и солнце. Востани, устыдись, да не узритъ тебя *Фивъ* лежаща на одрѣ. Онъ не покоится никогда, и своимъ блистательнымъ примѣромъ призываетъ тебя и весь міръ ко трудамъ. Исходи *Меналкъ* (*), отпирай скрипящія ворота овчаго двора, возлагай яремъ на воловъ и выгони въ полѣ стада твои. И ты, млатобіецъ, подъявъ молотъ свой, ударяй по стонающей отъ біенія наковальнѣ. Ловецъ, вострубя въ твой костяный рогъ, распростри гласъ ловитвы по кустамъ, и преслѣдуй Серну. И ты, любитель Мусъ, юный краснопѣвецъ, востани ко утреннему божественному пѣнію, ко книгѣ, и пишущему перу. *Тивонія* приноситъ порфиру, а *Фивъ* златыя краски. Прими священное вдохновеніе, стиходѣйствуй, и воспой Зиждителю міра.

Тебя зоветъ денница въ кустарники и лѣсъ,
Гдѣ уже пастырская свирѣль въ поляхъ раздается.
Жаворонокъ возносясь къ верьху воспѣваетъ съ веселіемъ,
Голубь осклабляется и воздыхаетъ; перепелъ восклицаетъ громко.

Холмы и луга освѣщаются,
Веселость и плодородіе разлепшряютъ поля.

Влага

(*) Меналкъ есть имя пастыря.

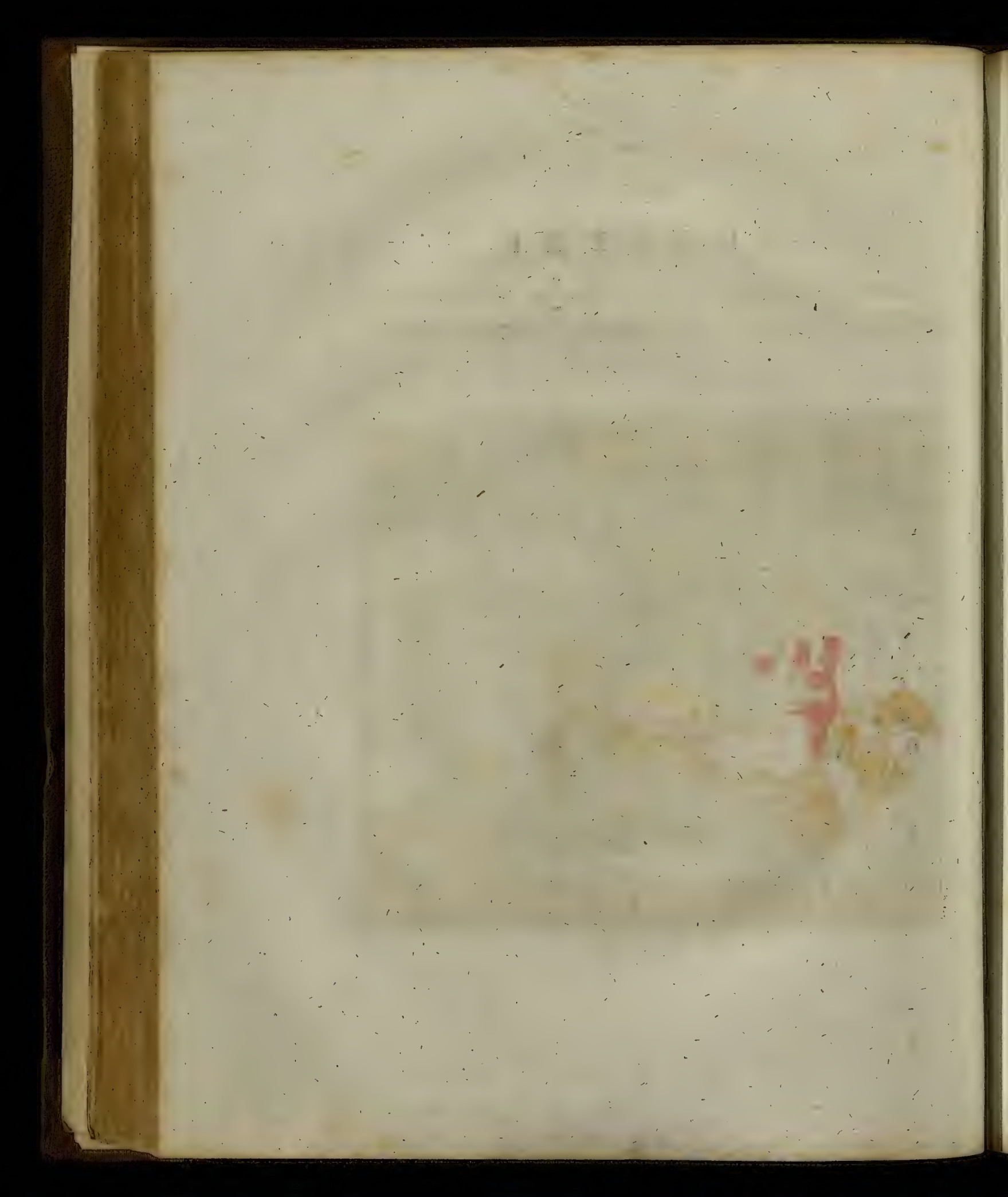
Влага на зеленѣющей поверхности блистаетъ въ полномъ
великолѣпіи,
И отъ чистыхъ источниковъ уходитъ нощь.
Бѣлизна, покрывающая холмы, сонмъ овецъ
Тѣснится изъ ограды съ радостнымъ стремленіемъ.

О! природа вновь раждающая насъ ежедневно, и вновь съ нами каждый день раждающаяся, коль ты прекрасна! О день! что мыслилъ тогда первозданный оный и понынѣ безсмертный *Адамъ*, когда ты возбудилъ его отъ сна въ первый разъ, и его привѣтствовалъ? Я вижу мысленными очами его лежаща на мягковоздымающейся муравѣ; утро подъемлетъ его, онъ отираетъ очи свои, и мнитъ, что находится нынѣ въ сновидѣніи. Но будучи радостію восхищенъ помышляетъ, что онъ вторично созидается; тогда почерпаетъ онъ амвровое благоуханіе, внемлетъ пѣнію соловья, и соглашая гортань свою съ его пѣснію, воспѣваетъ свое безсмертіе, и безсмертнѣйшаго еще Творца, о которомъ онъ въ день вѣчности помышляетъ.

XLIV.

ПОЛДЕНЬ.

ВЗЫВАЕТЪ ПОЛДЕНЬ: СТОЛЪ ГОТОВЪ СТОИТЪ ОБѢДНІЙ;
УМѢРЕННО ВКУШАЙ, И НАБЛЮДАЙ ПУТЬ СРЕДНІЙ.



XLIV.

ПОЛДЕНЬ.

Солнце, достигнувъ средины лазуреваго свода, мещетъ на главы наши прямые и знойные лучи. Уменьшенныя тѣни исчезаютъ, съ высоты холмовъ никакія уже болѣе не распростираются на злачныя мѣста. Вся Природа покоится, и птицы умолкаютъ. Селянинъ, и пылью покровенные волы, шествуютъ косными стопами въ домъ; пастырь прогоняетъ въ долину стадо томимое жаждою.

Здѣсь покоится простершись подъ тѣнію пастухъ,
И вкушаетъ свой обѣдъ въ прохладномъ мѣстѣ,
Не множествомъ снѣдей, но гладомъ услажденный,
И пріемлемый имъ не со стола, но съ колѣна.

Во градѣхъ слышенъ обѣдній колоколъ, зовущій отъ трудовъ къ трапезѣ. Уже домоначальникъ садится за столъ; супруга поставляетъ пищу, приносимую услужливою рабою, и раздаетъ оную мужу и нетерпѣливымъ чадамъ. И вѣрный песъ съ жадностію смотритъ и ожидаетъ отъ падающихъ крупицъ и повергаемыхъ костей.

Кто питаетъ васъ, о чада! Не мы, не мы одни родители приуготовляемъ и раздаемъ вамъ пищу. Се есть Всевышній, насыщающій звѣрей и всякую плоть. Преклоните колѣна ваша и поклонитеся ему. Ядите, насыщайтеся, и паки воздайте ему жертву моленія, хвалы и благодаренія. Вкушайте, и видите колико благъ есть Господь; Господь, который утоляетъ алчбу, и утоляетъ ее повседневно;

Господь,

Господь, который насыщаетъ насъ изобильно. Молитеся ему и рцыте: *Милость Его пребываетъ во вѣки.*

Но въ полдень помышляйте о срединѣ вашея жизни и о средствіи, которое вамъ должно хранить въ вашихъ дѣяніяхъ, въ пищѣ и питіи. Ядите, чтобъ живы были, но не для яденія живите. Въ полдень вы разгараетесь, и вкушаете въ потѣ лица вашего хлѣбъ. Здѣсь купно клятва и благословеніе: сносите первую безъ роптанія, и содѣлайте себя достойными послѣдняго.

XLV.

ВЕЧЕРЪ.

ОКОНЧИВЪ СОЛНЦЕ ПУТЬ, КЪ ПОКОЮ ВСѢХЪ ЗОВЕТЪ;
ПОРОКАМЪ ЛИШЬ ТОГДА ЕЩЕ ПОКОЮ НѢТЪ.

XLV.

ВЕЧЕРЪ.

Съ начала сіяетъ вечеръ въ порфирѣ и златѣ; послѣ закатывается утружденное солнце въ полномъ своемъ величествѣ, съ каковымъ оно въ позлащенномъ востокѣ, приводящемъ насъ въ восторгъ, паки является. Тогда возрастая тѣни помрачаютъ горы, долины и купины, наконецъ затмѣвается небо тусклою завѣсою — —.

Уже пастыри, оставивъ свою свирѣль,
Возлагаютъ на себя испражненные кувшины.
Дымъ подъемлется тихо изъ отдаленныхъ хижинъ,
Гдѣ мать ихъ приуготовила имъ въ снѣдь огородное зелїе.
У насыщенныхъ козъ едва итти могущихъ,
Истекаетъ млеко изо всѣхъ сосцовъ,
Соединившїяся стаи оставивъ лажити,
Съ блеянїемъ бѣгутъ ко своимъ стадамъ.
Тѣни распространились, вечеръ наступаетъ,
И каждый пастырь пригонитъ свое стадо.

Нѣтъ ничего въ природѣ увеселительнѣе лѣтняго вечера, во время котораго кроткіе Зефиры въ прохладномъ воздухѣ пролетая, соединяютъ съ собою испареніе здравыхъ и благовонныхъ злаковъ.

Когда уже солнечный лучъ въ вечерней багряницѣ сокрылся,
Воздухъ пріятно зыблется, и зной болѣе не безпокоитъ.

Однако нѣтъ ничего печальнѣе и страшнѣе протяжнаго и уединеннаго зимняго вечера, который мы удалившись отъ града, во одиначествѣ провождаемъ. Тогда и самое искомое спокойство дѣлается безпокойствіемъ; совѣсть и дѣянія

 протек-

протекшаго дня въ душѣ бодрствуютъ, и мысли то обвиняющія другъ друга, то взаимно себя оправдающія стекаются.

Юноша! все что ты ни дѣлаешь, посвяти добродѣтели, да не терзаетъ тебя при вечерѣ твоея жизни мятежное и и унылое раскаяніе. Оно угрызаетъ утробу, и изможданетъ кости. Блаженъ и треблаженъ, кто онаго не знаетъ, и коего дѣла тяжелыми онаго сопами не были сопровождаемы!

О смертный! сколь часто ни идешь ты покоиться, помышляй о смерти, яко о сестрѣ твоего сна; и воспой Зиждителю вечернюю и надгробную пѣснь. А при послѣднемъ издыханіи твердо уповай, что ты только засыпаешь; и что, хотя весьма, по долговременномъ снѣ, однако конечно такъ, какъ и сего дня ты возсталъ отъ сна, паки воспрянешь.

XLVI.

ПОЛНОЧЬ.

ДНЕВНАЯ СВѢТЛОСТЬ УЖЪ ОТЪ ВСѢХЪ МѢСТЪ УДАЛИЛАСЬ,
НА МРАЧНЫХЪ КРЫЛЬЯХЪ НОЧЬ КЪ НАМЪ ТЕМНАЯ СПУСТИЛАСЬ
КОТОРАЯ ВО СНѢ ПОКОИТЪ СМЕРТНЫХЪ РОДЪ.

XLVI.

ПОЛНОЧЬ.

Утекшу солнцу и день купно уходитъ; тогда вечеръ отверзаетъ врата обманчивой нощи. Мрачные небесъ своды озаряетъ только слабое сверканіе безчисленныхъ звѣздъ. Уже бодрыя птицы не парятъ болѣе по темнымъ воздушнымъ областямъ; дикіе звѣри не стремятся сквозь дремучій лѣсъ; они покоятся въ ложахъ своихъ пещерахъ. Прискорбный человѣкъ повергаетъ члены изнуренные попеченіями, трудомъ и житейскимъ бременемъ на мягкую постелю, которая для него часто бываетъ камнемъ: словомъ, все покоится и усыпаетъ.

Свѣтильники угасли, окна покрылися мракомъ;
И когда у приносящихъ поздо жертву премудрости
Книга изъ рукъ валится, и тѣло ихъ преклоняется на ложе,
Тогда царствуетъ тишина, и при каждомъ ударенiи часа
Слышно только возглашеніе недремлющихъ стражей.

Теперь *Морфей, Фобеторъ и Фантосъ* (*), сіи изчадія *Гипноси*, господствуютъ надъ міромъ. Они оставя сѣдалище свое подъ вязовыми листвіями во адѣ, съ неограниченною властію пресмыкаются по землѣ и ругаются надъ человѣческимъ родомъ. Здѣсь покоясь злостраждущій наслаждается во снѣ веселіемъ, котораго онъ бодрствуя и въ мысляхъ себѣ не представлялъ. Тамъ нищій дѣлается дворяниномъ и владыкою міра; но по маловременномъ царствованіи пробуж-

(*) Баснословные боги сновидѣній.

пробуждается онъ, ощущая въ себѣ прежнее свое прискорбіе, снѣдающее его во всю жизнь и продолжающійся гладъ. Влюбившійся пріемлетъ во снѣ ласковыя лобызанія *Филиссы;* порывается, въ посмѣяніе горделивой своей красавицѣ презирающей его днемъ, удержать еще отлетающее отъ него сновидѣніе; вкушаетъ сладость тѣни, и объемлетъ еще однажды благосклонное сіе чудовище. Любостяжатель щитаетъ вожделѣнныя деньги, съ радостію кладетъ ихъ въ кучи; воспрянувъ отъ сна, ощущаетъ еще въ рукахъ тягость оныхъ и видитъ прижатыя крѣпко къ согбеннымъ его горстямъ ногти. Еще свирѣпѣе обладаетъ *Морфей* другими смертными: онъ мучитъ ихъ жестокою темницею и ужасными кровопролитія приуготовленіями; заставляетъ ихъ переходить раскаленные пески, и катать *Сизифовъ* камень; словомъ, онъ мочитъ и удручаетъ ихъ несравненно болѣе всѣхъ страшилищъ и чудовищъ.

Безумные мечтаютъ и во время бдѣнія, что у нихъ довольно сокровищъ, чести, красоты, учености, непорочности и добрыхъ дѣлъ: но въ день судный, когда всѣ воспрянутъ, и всѣ исчезнутъ сновидѣнія, предстанутъ они посрамлены въ прежалостной наготѣ.

XLVII.

В Е С Н А.

НА ТИХИХЪ КРЫЛЬЯХЪ ВНОВЬ ВЕСНА КЪ НАМЪ ПРИЛЕТАЕТЪ;
СОГРѢТАЯ ЗЕМЛЯ ГРОБЪ МНОГИМЪ ОТВОРЯЕТЪ.

XLVII.

В Е С Н А.

Жестокій сѣверъ теряетъ уже свое владычество надъ воздушными полями; и юная Весна исходитъ на колесницѣ украшенной вѣнцами, къ возпріятію новаго правленія. Зеленѣющіе трофеи возвѣщаютъ о скончаніи зимы, и веселые жаворонки, спекаясь во срѣтеніе приближающейся вешней колесницѣ, воспѣваютъ побѣду природы облекающіяся день отъ дня въ вящшую лѣпоту. Колесницѣ предлетаютъ *Зефиры* и *Граціи*, сидя во оной купно съ весною, пособствуютъ ей нести тяжелый рогъ изобилія и сокровищъ врученный ей Всемогущимъ для вліянія намъ новыхъ силъ. Гряди блаженная Весна, гряди - -, мы всѣ усердно отверзаемъ тебѣ очи и сердечное нѣдро наше; всѣ пылая ревностью стремимся во объятія твои. Вся тварь ожидаетъ тебя, человѣкъ, птицы, звѣри и растѣнія.

И самый дряхлый старецъ съ нагбеннымъ хребтомъ,
Не сходящій почти съ сѣдалища своего,
Зря природу украшающуюся лѣлотою
Веселится.
Обветшалый его лосохъ
Ласково ведетъ его на село,
Гдѣ онъ терновыя ограды своего отца
Уже за шестьдесятъ лѣтъ устроевалъ.
Столы его умышленно остановляются
При первомъ гибкомъ древѣ,
Которое онъ въ своей жизни
Какъ самаго себя состарѣвающееся зритъ.

Оскла-

Осклабляяся взираетъ онъ на плоды,
Приносимые нынѣ съ благодарностію отъ того древа,
Котораго онъ зерно еще въ отрочествѣ своемъ
Играя насадилъ.

Толико оживотворяетъ весна всю тварь, влечетъ пораженныя чувства и духъ ко внутреннимъ движеніямъ и возобновляетъ любовь, которую пастырь, волъ и соловей равно ощущаютъ.

Но воззримъ еще на весну нравственнымъ окомъ. Почто открываетъ она землю и ея скважины? дабы тебѣ человѣкъ, о смерти и о гробѣ твоемъ напомнить, и поучить тебя, чтобы роскоши ты умѣренно вкушая, служилъ однимъ только суетнымъ чувствованіемъ, но и духу помышляющему о своемъ безсмертіи, кончинѣ бренныя плоти, о своемъ Творцѣ и Судіи міра! Коль многихъ весна съ равною люотостію, какъ и отрѣвающая листвіе осень низлагаетъ, кои уже долгое время съ дряхлостію своего тѣла боролись, и зиму еще благополучно преодолѣли! Не для всѣхъ убо столь много обожаемая весна бываетъ радостію и веселіемъ!

ЛѢТО.

ВО ВРЕМЯ ЛѢТНИХЪ ДНЕЙ, ВЪ ПОЛДЕННЫЙ ЖАРКІЙ ЧАСЪ,
НАСЪ УДРУЧАЕТЪ ЗНОЙ; НА НИВАХЪ ЗРѢЕТЪ КЛАСЪ.

XLVIII.

Л Ѣ Т О.

Пріобыкнувъ скоро къ веснѣ, уже скучаемъ ею и призываемъ лѣто. И самая весна примѣтивъ то, еще однажды испускаетъ изъ себя теплое дыханіе, помаваетъ своему другу во слѣдъ ей грядущему лѣту, и удаляется. Лѣто вступаетъ съ торжествомъ; все украшается во славу его; все восклицаетъ и забываетъ весну. Вѣнецъ, сплетенный изъ желтыхъ класовъ, окружаетъ главу лѣта несущаго снопъ, и въ десницѣ держащаго согбенный серпъ. Въ поляхъ обитаетъ еще радость, доколѣ пролетаютъ кроткіе вѣтры; древа зрѣлыми обременяются плодами, сады изпещренными цвѣтками красуются, и пока еще всѣ пажити златыми увѣнчаваются класами. Но — —

Когда во время жаркаго созвѣздія томящій лѣтній зной
Пожигаетъ сухія поля, гордые класовъ верьхи
Преклоняются печально, поблекшій ихъ стебель не растетъ,
Раскаленъ и колеблемъ жаждетъ свѣжаго дождя;
Растрѣснувшаяся земля съ томнымъ желаніемъ
Воздыхаетъ о влажной прохладѣ, ислещренная садовъ лѣлота,
И зеленое луговъ убранство отъ продолжительныя жажды изтезаютъ:

Тогда воздыхая человѣкъ уже отъ изнеможенія почти изтаеваетъ; ищетъ тѣни и прохлады, сѣтуетъ о плодахъ сельныхъ, всегда надѣется прохладнаго дождя, и всегда ожидаетъ его тщетно: напослѣдокъ отчаявается, и паки воспоминаетъ забвенную весну.

Таковы

Таковы суть желанія и похотѣнія человѣковъ. Они презираютъ то, что уже имѣютъ; и почитаютъ только то, чего не имѣютъ; всегда ищутъ премѣны, не знаютъ и не понимаютъ сами, чего просятъ. Безумные! они не хотятъ сносить никакого изнеможенія и зноя; и желаютъ имѣть, то вѣчную весну, то лѣто, то паки весну.

Христіянинъ представляя себѣ лѣто, яко, благословеніе Божіе обѣщавающее намъ, что всегда пребудутъ сѣмена и жатва, хладъ и зной, лѣто и зима, признаетъ оное купно за самое совершеннѣйшее изображеніе своего креста и страданія. Онъ сноситъ и унылый зной, яко предвѣстника плодородія и богатыя жатвы; никогда не отчаявается, но твердо уповаетъ на росу небесную и прохлаждающій дождь.

XLIX.

О С Е Н Ь.

СОБРАНІЕМЪ ПЛОДОВЪ ЗЕМНЫХЪ ОБОГАЩАЕТЪ,
НО ОТРѢВАЯ ЛИСТЪ, ЛѢСЪ, ПОЛЕ ОБНАЖАЕТЪ.

XLIX.

О С Е Н Ь.

Осень широкимъ на челѣ виноградныимъ листвіемъ осѣняема несетъ богатый рогъ плодородія; и купно съ *Помоною*, Вакховыми священницами сопровождаема, шествуетъ за лѣтомъ съ важною пріятностію. И когда она — — — — — — *Поблекшія листвія отрѣваетъ*,

Когда прохладный воздухъ густою затмѣвается мглою;
Тогда земное лоно новымъ украшается убранствомъ,
И хотя великолѣпіемъ и цвѣтами убого, но пользою исполнено.
Весенняя очей пріятность уступаетъ большому увеселенію,
Тамъ сіяютъ уже плоды, гдѣ прежде одинъ токмо цвѣтъ былъ,
Созрѣлое златовидное яблоко, распещренное чертами румянца,
Наклоняетъ вѣтвь лежащую на подлорѣ, и приближается къ устамъ.
Сладкій родъ грушь, и сотомъ обилующая слива
Привлекаетъ своего обладателя руку и ожидаетъ ее на древѣ.

Тако украшается скончевающійся годъ! Осенняя роща испещряется на подобіе вешнихъ луговъ, роскошествующихъ цвѣтами: красновидное смѣшеніе соплетенное изъ зеленѣющихъ безпрерывно ельниковъ и сосенъ въ низъ съ верьху простираетсяся.

Отпадшее листвіе шумитъ подъ стопами путешественника; стада бродятъ умышленно по увядшей и безцвѣтной травѣ: единый токмо, такъ именуемый, *безвременный цвѣтокъ*, краснѣетъ, и аки уединенный вѣстникъ наступающія зимы,

 не

не вредимъ остается. И богъ вина упоенный онымъ проповѣдуетъ зиму, возглашая сквозь обнаженную рощу свое пiянственное слово *здравствуй;* и выпивая часто съ желанiемъ, да согрѣются и возчувствуютъ жаръ цѣпенѣющiе отъ мраза дѣлатели винограда.

Что же будетъ съ тобою, о смертный! когда священный стражъ надъ тобою воскликнетъ очистите отъ древа его листвiя! Приносилъ ли ты прежде какiе плоды? Явилъ ли мiру какiя благотворенiя, подобно скончавающейся природѣ? И ожидалъ ли ты своей смерти, равно какъ земледѣлецъ осени? Столько ли она для тебя увеселительна какъ собранiе винограда для странъ изобилующихъ гроздiями? По крайней мѣрѣ сему такъ быть надлежало. Мы должны умирать съ благословенiемъ и радостiю. Ибо хотя и снимемъ плоды, листвiя и вѣпьви; однако древо съ коренемъ своимъ въ землѣ останется. Въ вешнiе дни начинаетъ оно паки развиваться, зеленѣть и цвѣсти: и тогда лишь будетъ оно, яко древо насажденное при исходищахъ водъ; и дастъ плодъ свой во время свое, и листъ его не отпадетъ.

L.

З И М А.

ВЪ НАГРѢТОЙ КОМНАТѢ ПРИНОСИТЪ НАМЪ ПЛОДЫ,
КОГДА МЫ ПРИ СВѢЧѢ БЕРЕМСЯ ЗА ТРУДЫ.

L.

З И М А.

Вѣнецъ изъ сухихъ древесныхъ вѣтьвій украшаетъ главу суровыя зимы, которая въ овчей кожѣ, въ инейныхъ власахъ и съ длинною замерзлою бородою, согбенна косно шествуетъ. Она представляется въ видѣ мучителя опустошающаго все, и всѣмъ угрожающаго неблагополучіемъ. *Пуссинъ* (*) изобразилъ оную подъ видомъ потопа со всѣмъ тѣмъ ужасомъ, который токмо симъ престрашнымъ изображеніемъ навесть можно.

Но въ томъ несправедливо поступаютъ съ симъ дряхлымъ старикомъ представляющимъ зиму: и лучше бы уподобить его нощи,

— — — *Услаждающей труды и тягость,*
И красный день тихимъ слокойствіемъ заключающей.

Зима дозволяетъ намъ въ теплыхъ храминахъ наслаждаться изобиліемъ осени; при томъ для вящшаго нашего прибытка покрываетъ она плодоносное поле и нивы бѣлымъ своимъ одѣяніемъ.

Тогда шествуетъ пастырь въ хижины убѣленныя снѣгомъ,
Гдѣ тучный сосновый дымъ очерняетъ сухія бревна:
Тамъ награждаетъ его сладкій покой за понесенные имъ труды,
И день безпечно провождаетъ онъ въ веселыхъ забавахъ.

Сколь жестокою ни кажется быть природа, однако она величественна и благотворна. Зима имѣетъ свою пріятность

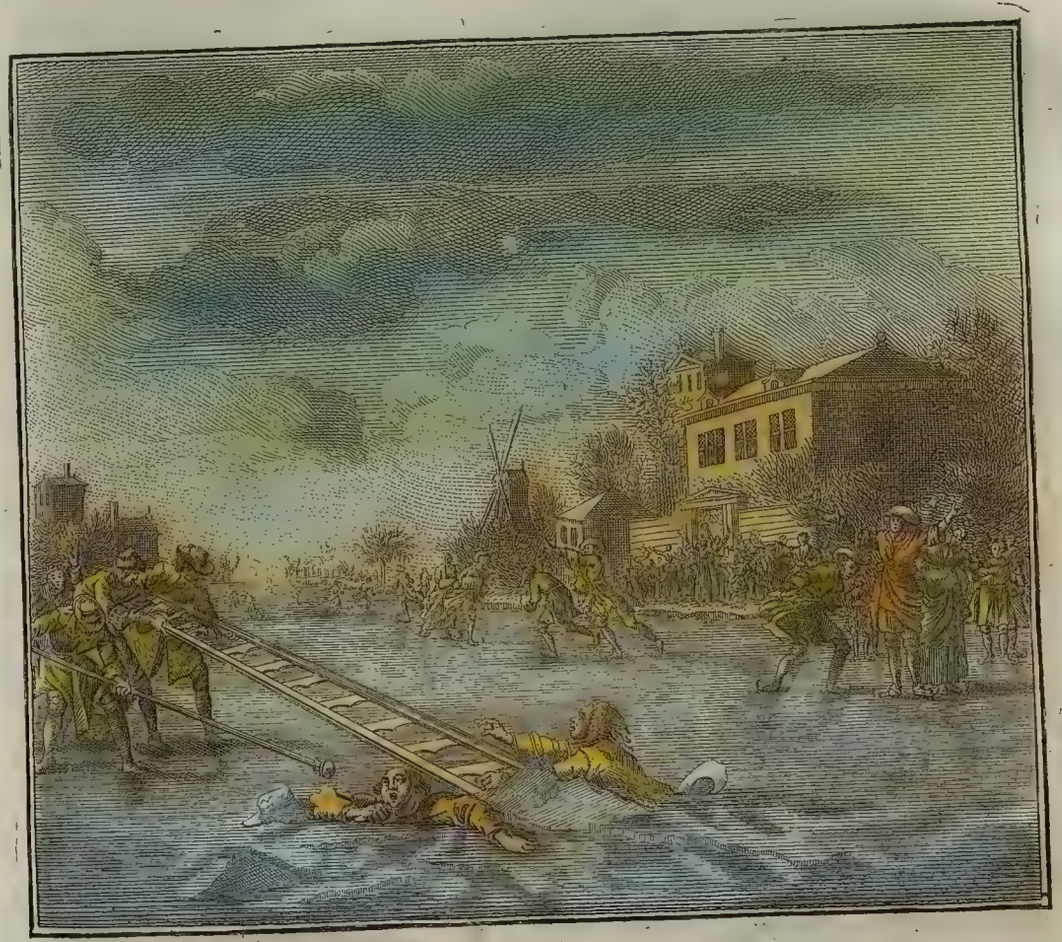
(*) Славный Французскій живописецъ.

ятность и великолѣпіе, какъ и прочее годовое время; такъ же собственную свою забаву и провожденіе времени, и все, что ни дѣлаетъ она, дѣлаетъ въ пользу человѣковъ. Рѣки, гдѣ прежде корабли ходили, а нынѣ бодрые кони ржутъ, цѣпенѣютъ и сгущаются отъ нея для облегченія внутренней торговли. Природа заготовляетъ дрова и теплыя одежды, дабы содружить человѣка съ зимою; искусство охраняетъ храмины, жилища, колесницы; изобрѣтаетъ печи, двойныя окна, ставни, цѣновки, постели и одѣяніе, дабы зимою жить равно какъ весною и лѣтомъ. Хотя же человѣкъ оставя иногда сіи выгоды и озябаетъ на звенящихъ санкахъ; однако наслаждается онъ тогда охотою, дѣйствующею въ немъ гораздо сильнѣе проницающаго сѣвернаго вѣтра, и похваляетъ зиму равно какъ и тотъ, который снабдѣваетъ его санками. Еще бодѣе восхваляетъ ее утомленный воинъ, устремляющій взоръ свой изъ кроваваго побоища на зимнія обиталища занимаемыя у богатаго, но никогда нещадимаго поселянина; тамъ превознося онъ храбрыя свои дѣла, съ угроженіемъ и бранію извлекаетъ изъ трубы тучные окороки. Но болѣе всѣхъ превозноситъ хвалами зиму уединенная Муза, собирающая изъ книгъ, при полезномъ сіяніи свѣтильника, цвѣты и плоды лучшіе и изящнѣйшіе раждаемыхъ *Флорою* при тепломъ и тихомъ Зефирѣ.

LI.

Л Е Д Ъ.

НАДЕЖДУ КТО СВОЮ НА ЩАСТЬЕ ПОЛАГАЕТЪ,
НА ЛОМКОМЪ ЛЬДѢ СЕБѢ ЧЕРТОГИ СОЗИДАЕТЪ.



LI.

Л Е Д Ъ.

Едва токмо зима на рѣки, ручеи и болота, замерзлыя свои узы наложила, уже продерзкій отрокъ туда спѣшитъ, посмѣваться симъ узникамъ, и попирать терпѣливый ихъ хребетъ. Шествовать по непроходнымъ, и единою токмо зимою усмиреннымъ водамъ, есть дѣйствительно нѣчто касающееся гордости человѣковъ. Или туда влечетъ ихъ гладкій зерцаловидный хрусталь, въ который рѣки отъ грознаго сѣвера превращаются. Но какъ бы то ни было, старые и младые стекаются на окаменѣлую воду. Отроки восклицаютъ, бушуютъ, другъ за другомъ бѣгаютъ, скользаются, упадаютъ, восклицаютъ паки; словомъ, живутъ почти и обитаютъ на проложенномъ льдѣ. Иные привязываютъ желѣзные коньки къ быстрымъ своимъ ногамъ, и бѣгаютъ съ конемъ скачущимъ во весь опоръ въ запуски безъ малѣйшаго опасенія. Стыдящіеся или не смѣющіе на обманчивомъ льдѣ купно съ другими пуститься въ бѣгъ, стоятъ при брегѣ, и ударяя въ замерзлыя длани изъявляютъ свое одобреніе.

Внезапу скользская стезя обрушивается, и съ тяжелыми, или паче продерзкими и своевольными отроками погружается въ смертельнохладную воду. Тогда весь смѣхъ хладнѣетъ, и радостное восклицаніе претворяется въ гласъ рыданія и вопль опасенія. Сей ужасный вопль долетаетъ скоро къ слуху чадолюбивыхъ родителей; они считаютъ изчадіе свое погибшимъ, представляя себѣ, что оное уже въ разверзенныхъ волнахъ погребено. Однако всѣ спѣшатъ ему на помощь съ шестами, лѣстницами и вервами, и спасаютъ почти оцѣпенѣвшаго

отрока, который будучи весь обмоченъ, для вящшаго еще наказанія приходитъ въ домъ. Теперь онъ довольно за ледъ наказанъ, но не столь чувствительно, чтобы пріятностямъ сея забавы и манящему отроковъ искушенію во все противустояти могъ.

Если отрокъ глупо ввѣряется ломкому льду, то столь же глупо и большаго еще наказанія достойный родитель полагается на поползновенное щастіе, хотя онъ гораздо чаще несмысленнаго юноши увѣщеванъ былъ. Щастіе его нечаянное дѣлаетъ поползновеніе, и онъ упадаетъ; паденіе его ужаснѣе и опаснѣе, нежели на льду какое бываетъ, и онъ влечетъ съ собою свои изчадія и другихъ въ погибель.

LII.

ЯСНОЕ НЕБО.

НЕ МОЖЕТЪ МРАКОМЪ БЫТЬ СВѢТЪ ИСТИННЫЙ ЗАКРЫТЪ,
ТАКЪ ДОБРОДѢТЕЛИ ХУЛА ВО ВѢКИ НЕ ЗАТМИТЪ.

LII.

ЯСНОЕ НЕБО.

Еще ни одно темное облако, ниже малѣйшая мрачная туча землѣ не угрожаетъ; Небо безпрерывно осклабляется съ яснымъ видомъ; свѣтлыя воздушныя страны, подобно тихому Океану, пребывая недвижны, не удерживаютъ проницающаго ихъ солнечнаго сіянія.

Тогда въ ясную погоду спокойное море
Отъ легкаго Зефира вздымается, лазурева высота кипитъ,
И приманиваетъ Наяды (*),
И Амфитриту мытся въ тихомъ зерцалѣ.

Таковъ есть свѣтлый день, день исполненный радости и веселія, зовущій человѣковъ изъ жилищъ и градовъ въ поля и сады. Они оставя каменныя громады, которыя ничтоиное суть, какъ знаменитыя темницы, посѣщаютъ вольное село. Сіе не меньше, какъ и презираемыя нерѣдко его хижины, получаютъ нынѣ свою цѣну предъ огромнымъ чертогомъ, гдѣ скука, отвращеніе, изнуряющія дѣла и умерщвляющія попеченія воцарились. Пускай красавица изображенная здѣсь въ нашей картинѣ вѣщаетъ. Благорастворенное ведро ее одушевляетъ, и она поетъ:

Гдѣ на лицѣ земномъ природа и непорочность царствуютъ,
Прельщаетъ меня тамъ твое благополучіе, о душевное слокойствіе!
Гдѣ единая только невинность живетъ, и никакіе пороки не обитаютъ,
Забываю вскорѣ градскую роскошь,

Гдѣ

(*) *Наяды* суть Нимфы въ водѣ обитающія; *Амфитрита* есть богиня моря и жена Нептунова.

Гдѣ никакая угнѣтающая скорбь не вкрадывается вѣ мои слабые члены,
Утомлена будучи слѣшу кѣ покою, и сѣ веселїемѣ паки пробужаюся.
Блаженѣ, кто на селѣ подѣ собственною покоится тѣнїю
И зря во кругѣ себя творенїя, онымі увеселяется;
Кто вѣ темныхѣ и чистымѣ воздухомѣ прохлаждаемыхѣ рощахѣ
Ощущаетѣ во глубинѣ души своея содроганїе отѣ восторга,
И на крыльяхѣ покоя воспаряя кѣ Зиждителю
Мысленно понимаетѣ Премудраго и Его бытїе;
Кто отѣ градскаго шума не безпокоясь вѣ своихѣ размышленїяхѣ
Паки возвращается кѣ простотѣ сѣ своими домашними богами!
Вѣ умѣренной окружности отцовскихѣ земель
Паки обрящетѣ онѣ тебя и Природу древности!
Тогда онѣ будучи вольный земнаго шара гражданинѣ, удаленный отѣ всѣхѣ глулостей,
Подѣ скипетромѣ Твоимѣ дѣлается господиномѣ малаго своего мїра,
Онѣ зритѣ на собственныхѣ поляхѣ, и на лугахѣ своихѣ
Бродящїя стада, и зыблющуюся жатву.

Добродѣтель! ты вѣ душѣ нашей то самое, что ясный день вѣ мірѣ. Ты увеселеніе, пріятность и спокойствіе духа, и ты больше жительствуешь на селѣ, нежели во градѣхѣ и чертогахѣ.

LIII.

ВИХРЬ.

СВИРѢПЫЙ ДОЛЖНО ВИХРЬ СЪ МУЧИТЕЛЕМЪ СРАВНИТЬ:
ОНЪ ГОНИТСЯ ЗА ТѢМЪ, КТО ОТЪ НЕГО БѢЖИТЪ.

LIII.

ВИХРЬ.

Бурное дыханіе взвиваетъ воздушныя области; каждый изъ вѣтровъ стремится къ супротивленію, и се внезапу низлагается дубъ, тамъ стремглавъ валится сосна.

Изъ нѣдра глубокихъ проластей
Извергается сонмъ ревущихъ вѣтровъ;
Они свирѣпо окружаютъ шумомъ рощу, производятъ трескъ въ дубахъ,
Визжатъ чрезъ вершины, разятъ, сокрушаютъ
Дубъ упадающій съ воемъ;
Свистятъ, и крутятся въ кустарникахъ.

Ужасный и сильный бурный вихрь устремляется и на грады. Прежде всего возвѣщается онъ на возвышенныхъ колоколахъ, и прозводитъ въ нихъ престрашный звукъ. Потомъ башни, чертоги и стѣны содрогаются отъ него; низкая токмо хижина, презрѣнная отъ окружающихъ ее огромныхъ зданій находится отъ его неистовства до тѣхъ поръ въ безопасности, пока чрезъ опроверженную трубу яко опаснаго своего сосѣда, не постраждетъ. На стогнахъ и распустіяхъ женетъ онъ и въ верьхъ подъемлетъ людей; мужескія и женскія одежды разлетаютъ на подобіе парусовъ. Шествующимъ противу его отнимаетъ дыханіе и зрѣніе. Всякъ отъ него бѣжитъ, и благоразумный поспѣшно возвращается въ домъ свой.

Сколь мало человѣкъ можетъ сражаться съ вѣтрами, столько же благоразумный борется съ своею судьбою и устремляющимся на него гнѣвомъ. Онъ удаляется отъ обоихъ, и

ищетъ

ищетъ себѣ спасенія въ жилищѣ премудрости. Здѣсь онъ безопасенъ доколѣ мучитель ненавистный *Иродъ*, яко бурный вихрь, возставшій въ политическомъ мірѣ, не станетъ его гнать и въ самомъ его жилищѣ мечемъ смерти, который есть единственный его законъ.

Вихрь исторгаетъ изъ земли лѣса,
Мучитель хощетъ быть ему подобнымъ,
И нападая опровергаетъ грады до основанія.

Господь будетъ намъ тогда заступникъ, и усмиритъ сей вихрь; Тотъ, Коего пути въ бурѣ и вихрѣ; и когда придетъ Онъ, тогда станемъ мы безопасно наслаждаться тишиною, не имѣя болѣе нужды опасаться ни внезапнаго ужаса, ниже обуреванія злочестивыхъ.

LIV.

МГЛА ИЛИ ТУМАНЪ.

КОГДА ВОЗДУШНЫЙ КРУГЪ ГУСТОЙ НАПОЛНЕНЪ МГЛОЮ,
МЫ ХОДИМЪ КАКЪ ВО ТЬМѢ, ЗРИМЪ НОЧЬ ЛИШЬ ПРЕДЪ СОБОЮ.

LIV.

МГЛА ИЛИ ТУМАНЪ.

Вмѣсто ожидаемаго дневнаго сіянія часто облекаются мрачною завѣсою влажныя воздушныя страны; пріятное лице солнца оною закрывается, и наводящая уныніе нощь, отъ которой мы уже свободитися чаяли, дѣлается протяжнѣе. Осязаемая тьма простирается на грады и поля, и въ ней пребываемъ мы, какъ нѣкогда во *Египтѣ*, гдѣ одинъ другаго видѣть не можетъ. Во истинну слово Непреложнаго и Всемогущаго есть праведно: *Облеку небо во тьму, и положу аки вретище одежду его.* По истиннѣ, аки вретище, низпадаетъ она на главы наша, такъ что ни находящагося въ близости человѣка, ни древесъ, ни высокихъ зданій, ни жилищъ, ниже предстоящей намъ какой либо опасности видѣть не можемъ. Мы видимъ единую токмо ничтожность, и видимъ ее въ великости. Обманъ дѣлаетъ новыя горы, башни и рѣки, и предъ очами нашими возноситъ выспрь главу свою огромное древо не имѣвшее никогда корени. Щадя очей своихъ возводимъ дерзкое наше чело, и ощущаемъ осязающими руками; то есть, мы ходимъ, какъ слѣпые во тьмѣ, опасаемся гибели и впадаемъ во оную.

Тако лжецъ дѣлаетъ все то большимъ, что есть мало, или совсемъ ничто: такъ дѣлаетъ обманщикъ изъ чего нибудь ничто, а изъ ничего что нибудь. Но человѣкъ бываетъ самъ себѣ наибольшимъ обманщикомъ. Онъ взираетъ на великолѣпіе, честь, богатство и сокровища, какъ будто бы онъ нѣчто видѣлъ; хватается за оныя, осязаетъ, и объемлетъ одну Ничтожность; оную столь почитаемую Ничто-

жность

жность суетныя чести, обавающую мечту, зракъ ослѣпляющее и блестящее привидѣніе, питаніе ушей, дщерь ложнаго мнѣнія, какъ славный господинъ *Галлеръ* сію Ничтожность называетъ. Есть убо и нравственная мгла ослѣпляющая людей, и дни ихъ превращающая въ нощь. Суета есть сія мгла, которая не токмо помрачаетъ своею запоною грады, и разливается въ чертогахъ вельможей, но водворяется такъже въ поляхъ, деревняхъ и селахъ. Она толико ослѣпляетъ поселянина, что онъ нетерпѣливо ищетъ пользоваться гражданскими выгодами; а мѣщанину столь затмѣваетъ глаза, что онъ гоняется за дворянствомъ. Господь наказуетъ міръ такимъ невидѣнія мракомъ. Тако Онъ рекъ: *Поразитъ тя неистовствомъ и слѣпотою, и изступленіемъ ума. И будеши ощупаяй въ полудни, яко же ощупаетъ слѣпый во тмѣ, и не исправитъ путей твоихъ.*

LV.

ТѢНЬ.

ПОСЛѢДУЕТЪ ТЕБѢ ПОВСЮДУ ЧЕРНА ТѢНЬ,
КОГДА ЛУЧЬ СОЛНЕЧНЫЙ СІЯЕТЪ ВЪ СВѢТЛОЙ ДЕНЬ.

LV.

Т Ѣ Н Ь.

И самое ничто, единое токмо лишеніе свѣта, есть прохладная и полезная тѣнь, которой ищетъ Владыка и поселянинъ.

Они распаленны отъ зноя ищутъ
Прохлаждающей и защищающей тѣни,
И слѣшатъ въ темные кустарники.

Какое благодѣяніе, когда намъ отъ солнечнаго зноя обезсилѣвшимъ благопріятная тьма наводитъ дреманіе, и зеленѣющая нощь со златымъ днемъ соединяется для насъ! Тогда только представляется намъ великолѣпный день, когда послѣ прохлады, изъ уединеннаго мѣста, гдѣ мы покоились сномъ, изъ рощи прохладныя и изъ густаго лѣса усматриваемъ его. Коликою восхищается радостію обливающійся потомъ и отъ зноя распаленный путешественникъ, нашедъ тѣнистый кустарникъ, въ которомъ онъ можетъ воспріять отдохновеніе! Тогда разумѣваетъ онъ Божественнаго краснопѣвца, ищущаго покрова подъ тѣнію Всемогущаго, подъ тѣньми крылъ Его, и гласъ Невѣсты: подъ сѣнь Его восхотѣхъ и сѣдохъ.

Равнымъ образомъ тѣнь отдѣляетъ намъ день, устроеваетъ времена и часы. Пастырь ее по примѣчанію узнаетъ, и по предписанію протяжныя тѣни пригонитъ насыщенное стадо. Посредствомъ оныя изобрѣлъ человѣкъ часы, коими грады красуются, и безъ коихъ мы, какъ въ отправленіи государственныхъ дѣлъ, такъ и во обращеніи съ непріятелями,

обойтись не можемъ. Что будетъ и плѣняющая картина, сей совершеннѣйшій опытъ искуства дѣйствующаго дерзновенною кистію съ толикимъ успѣхомъ, что говорю, будетъ она безъ тѣни?

Однако тѣнь ничто иное есть, какъ темное пятно слѣдующее за каждымъ тѣломъ, и образъ недостатковъ всѣмъ намъ сроднымъ. Если когда темная тѣнь во слѣдъ течетъ стопамъ твоихъ; то вѣдай смертный, что совѣсть и темныя твои злодѣянія купно преслѣдовать тебя станутъ. Они увеличиваются съ долготою дней твоихъ; и какъ тѣнь древесъ къ вечеру возрастаетъ, такъ и сіи день отъ дня увеличиваются, и становятся ужаснѣйшими, чѣмъ ближе ты къ вечеру жизни приступаешь. И самая жизнь твоя есть тѣнь; она преходитъ и исчезаетъ; и дни твои гибнутъ яко тѣнь. О! дабы тебѣ, сидящій во тьмѣ и сѣни смертней, возсіялъ свѣтъ направляющій стопы твои на путь міра!

LVI.

СОБАКА.

ВЫ УЧИТЕ ЕЕ ЛОВИТЬ, НОСИТЬ, ПОДАТЬ,
ОНА ПУСТЬ УЧИТЬ ВАСЪ, КАКЪ ВѢРНОСТЬ СОХРАНЯТЬ.

LVI.

СОБАКА.

Ни единаго звѣря не знаемъ, который бы вѣрностію, понятностію и любовію къ человѣку превосходилъ пса. Почти заслуживаетъ онъ похвальное слово, и паче инаго негоднаго человѣка. Ты и будешь оное имѣть, вѣрный песъ! тебѣ воспѣваютъ въ честь:

Кто видѣлъ тебя когда либо въ принужденномъ нововымышленномъ одѣяніи?
Тебя украшаютъ токмо жемчужные власы.
Кудрявый хвостъ колеблемъ тихою радостію
Приводитъ въ движеніе хотя черное, но милое твое рыло;
Каждый членъ соразмѣрно другимъ и изрядно устроенный,
Не занимаетъ никакой прикрасы отъ чуждаго искуства къ своему пропношенію.
Короткая твоя шея украшенная ошейникомъ
Съ бряцающими колокольчиками часто меня увеселяла.
Никакая упорность не отвлекала тебя отъ моей воли,
И какъ я тебя маленькимъ кусочкомъ сахара приманивалъ,
Тогда ты старался отправлять болѣе должностей,
Нежели когда я играючи приказывалъ тебѣ оныя исполнить.
Ты живъ будучи умѣлъ притворяться мертвымъ,
И единымъ скокомъ могъ сѣсть на лалки.
Вскорѣ потомъ слышалъ я, что ты три раза лая просишь смѣны,
Наконецъ плясалъ ты со мною хотя безъ искусства, однакъ утѣшно и пріятно.

Разность

Разность видовъ и бодрости, или внутреннаго движенія собакъ, равно насъ удивляетъ. Одна гонится за боязливыми зайцами и сернами, другая за медвѣдями и вепрями; та ищетъ птицъ, другая пасетъ овцы; иная неусыпно стережетъ врата, другая плаваетъ по быстрой рѣкѣ и выноситъ застрѣленую утку. Толь полезны суть собаки для человѣковъ, и часто служатъ имъ ко многимъ, забавамъ и увеселеніямъ! Косматый песъ будучи понятнѣе инаго щеголя, стоитъ на стражѣ, плаитъ за постоялое, громко говоритъ, дѣлаетъ смѣшныя тѣлодвиженія, прыгаетъ чрезъ палку, ищетъ потерянную вещь, находитъ ее искусно и приноситъ. Вѣрность собаки ни гнусною болѣзнію, ниже самою смертію ея господина не пресѣкается. Во оной оставляютъ его всѣ, даже и пріятели: одна токмо собака сидя неотлучно при немъ ласкается, соболѣзнуетъ и кровавый гной у него облизываетъ. А при концѣ живота его воетъ, повергается на гробъ, и изъ любви ко своему Питателю, о которомъ нынѣ съ унынiемъ сѣтуетъ, отдаетъ себя въ корысть снѣдающему гладу.

Неблагодарные, невѣрные, недостойные человѣчества! подите во училище сихъ звѣрей, взирайте на нихъ и научитеся тамо, что есть вѣрность, повиновеніе и благодарность. Научитеся отъ нихъ чувствованію и благотворнымъ движеніямъ, возбудите оныя въ вашемъ сердцѣ; и будьте человѣческому роду полезны, услужливы и вѣрны: однако не подражайте имъ въ зависти.

LVII.

К О Ш К А.

ЧѢМЪ ВЯЩШЕ СТАНЕТЪ КОТЪ МУРНЫКАТЬ И ЛАСКАТЬСЯ,
ТѢМЪ БОЛЬШЕ НАДЛЕЖИТЪ КОВАРСТВЪ ЕГО БОЯТЬСЯ.

LVII.

КОШКА.

Неронъ мышей, страшная кошка, облеченная своею шубою неутомимо ожидаетъ у малыя щели, и умышляетъ на смерть и гибель. Искошенными лукаво глазами, острыми зубами, и сокрытыми когтями уготовляетъ непримѣтно пагубу маленькой хвостатой твари, и бдѣніе ея рѣдко бываетъ тщетно. Съ невѣроятною и единой токмо сверкающей молніи подражаемою скоростію уловляетъ она на добычу; являяся забавляющею ее, играетъ съ нею, даетъ ей бѣжать, настигаетъ паки и немногими угрызеніями ее умерщвляетъ. Съ киченіемъ и гордостію влечетъ ловлю свою въ жилище господина, показываетъ оную съ радостнымъ мурнычаньемъ, и жестокосердно продолжаетъ злощастному плѣннику неизбѣжно готовимую смерть.

Никогда не оставляетъ она въ концѣ своей ловли; и превращенная кошка, забывъ себя въ объятіяхъ своего жениха и среди брачнаго торжествованія, послѣдуетъ природѣ и движеніямъ привычки, она не помня новаго человѣчества гонится за бѣгущими мышами.

Однакъ она съ своимъ супругомъ, строгимъ и грызущимся котомъ, полезна въ домѣ; она очищаетъ его отъ нощныхъ воровъ, старается о своей чистотѣ, и многократно въ день себя наряжаетъ. Многою забавою и увеселеніемъ служитъ человѣку и малымъ чадамъ, хитро представляетъ свое лице мурнычаньемъ и извиваніемъ своего хвоста; съеживается, вытягается, дѣлаетъ пречудные поскаки; преслѣдуема же отъ не-

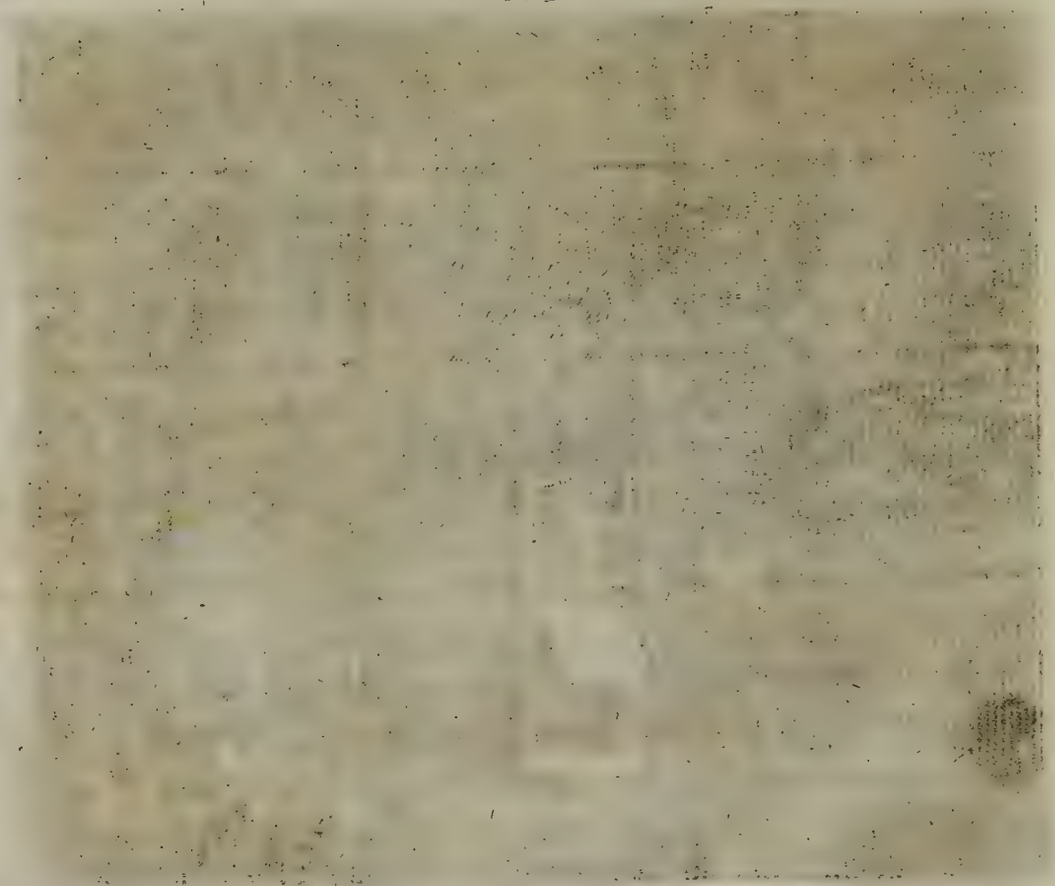
ненавистныя собаки вспрыгиваетъ на высокія стѣны и кровли, посмѣваяся и самому преученому плясателю и прыгателю недостигающимъ никогда до ея искуства.

Однако не вѣрь никогда льстивной кошкѣ. Она ласкается, когда ее наибольше опасаться должно, и употребляетъ всѣ хитростные свои пріемы: подобно какъ коварная жена, обманывая своего мужа, ласкаетъ его нѣжно, забавляетъ, приголубиваетъ, по томъ царапаетъ и грызетъ какъ скоро пресѣкаетъ онъ мешу ея желаній По чему и приписуютъ женѣ будто преходитъ она въ обманчивую кошку и что большій котъ грозящій надъ сверкающими очами изображаетъ превращенную жену.

LVIII.

КРЫСА И МЫШЬ.

ХОТЯ БЕЗЧИНСТВУЕТЪ ЗЛОДѢЙ НОЧНОЙ ПОРОЮ;
ПОИМАНЪ БУДЕТЪ ДНЕМЪ, И УМРЕТЪ СМЕРТЬЮ ЗЛОЮ.



LVIII.

КРЫСА И МЫШЬ.

Едва токмо нощь мрачное безмолвіе устроила, и утомленнымъ домослужителямъ глубокое навела успокоеніе: уже продерзкія крысы и пужливыя мыши тихо изъ малыхъ своихъ пещеръ вылѣзаютъ. Прислушиваясь нѣтъ ли какой опасности, съ начала одна за другою выставляютъ изъ щелей острыя свои головки; вдругъ и при малѣйшемъ шорохѣ, хотя бы оный отъ одной изъ ихъ содружницъ происходилъ, опускаютъ оныя; паки вылѣзаютъ, наконецъ изходятъ съ нѣкоторою торопостію на позорище, подобно стыдящейся еще играгельницѣ, которая въ первый разъ дѣйствуетъ. Теперь каждая представляетъ свое лице, всѣ становятся отъ часу дерзновеннѣе, напослѣдокъ единодушно соглашаются, быть самовластительницами кладовой. Ничто не можетъ спастись отъ грызущаго зуба сихъ опасныхъ домашнихъ татей. Мясо, похлебку, ветчину, окороки, сало, хлѣбъ и все что пекущаяся хозяйка изъ припаса и остатковъ рачительно ни спрятала, выискиваютъ онѣ, грызутъ, портятъ и оскверняютъ. Часто прорываясь онѣ, подобно сильнымъ и продерзскимъ ворамъ, сквозь каменные своды, нападаютъ на поставы, платье и постелю. Находясь въ безопасности отъ смертельнаго своего врага, сирѣчь кошки, бродятъ почти предъ глазами человѣковъ; гдѣ онѣ хотя и не вредятъ, однако и единый ихъ зракъ наводитъ ужасъ пужливымъ женщинамъ; суевѣрный же человѣкъ трепещетъ при нарочитомъ сборищѣ мышей, зритъ въ мечтаніи гробы и злыхъ духовъ.

Благо-

Благоразумный домостроитель поставляетъ имѣ пасть и ловушки съ обманчивою приманкою. Онѣ обнюхиваютъ призженную ветчину, и внезапу удобоподвижная махина упадаетъ на нихъ. Уже тать пойманъ; тщетно мечется во всѣ углы и стѣны крѣпко заключенныя темницы. На утріе весь домъ наполняется радостію о поиманіи преступника; повѣса, безъ всѣхъ дальныхъ околичностей, осуждается на смерть; и грозный котъ отмщеваетъ тогда осужденному, въ самой скорости и со всею яростію, за честь и оскорбленіе домоначальника.

Внемли сему, о тать! что и мрачная нощь не укрываетъ твоихъ похищеній, и что узнавъ тебя, соплетаютъ тебѣ сѣти, когда ты ихъ наименьше ожидалъ. Тогда все, что ты ночью ни похитилъ, выходитъ въ день наружу. Такимъ образомъ предаютъ тебя всенародно исполнителю уголовныхъ приговоровъ, или для безчестнаго наказанія, либо для позорныя смерти.

LIX.

ВОЛЪ.

НА СИЛЬНАГО ГЛУПЦА ТЫ БРЕМЯ НАЛАГАЙ,
И ВОЗНОСИТЬ СВОЙ РОГЪ ЕГО НЕ ДОПУЩАЙ.

LIX.

ВОЛЪ.

Мы отдаемъ сему раготому животному его цѣну и пользу; не судимъ дѣлъ Всемогущія десницы, но паче принося нашу благодарность, боголѣпно ее почитаемъ, что она къ вящшей нашей пользѣ великихъ и сильныхъ быковъ на свѣтъ произвела. Съ превеликою пользою употребляемъ мы ихъ въ плугѣ; ихъ помощію разсѣкаемъ твердую и жесткую землю, пріуготовляя оную къ возжделѣнному плодородію. Мы увеселяемся злачными мѣстами долины,

Которую бѣлыя стада повсюду наполняютъ,
И гдѣ упитанные тельцы радостное издаютъ рыканіе.

Намъ пріятно, что дикій и несмысленный быкъ повинуясь гласу пастыря, идетъ по немъ и остановляется. Во удивленіе приводятъ насъ тягости, которыя супругъ воловъ изъ богатыхъ полей, хотя тихо, однакъ неутомимо, привозитъ въ домъ. Насъ прельщаетъ видъ ожидаемыхъ богатыхъ яствъ, и питательныхъ снѣдей составляемыхъ изъ тучно упитаннаго животнаго; такъ же вѣдаемъ цѣну и пользу кожъ, роговъ и костей воловъ убитыхъ.

Однако не обинуясь или налагайте яремъ на сію несмысленную сильную тварь, либо отдайте ее на убіеніе; а безъ того она опасна, и какъ прочія пасущіяся съ нею, такъ и самъ человѣкъ въ великомъ находятся страхѣ отъ силы ея роговъ.

Взирайте на внутреннее рвеніе двухъ быковъ, когда они выдавшимся въ передъ челомъ угрожая, съ кипящею яростію

другъ

другъ друга на сраженіе вызываютъ! Они съ необыкновенною скоростію вертятся кругомъ, испытываютъ свое оружіе, рогъ рогомъ изощряютъ; сильнѣйшій прободаетъ слабаго, и съ ревомъ повергаетъ его долу. Дыщущій неистовствомъ побѣдитель устремляется еще на людей, и едва удерживаетъ его противу полагаемый грозящій жезлъ.

Таковы суть несмысленные сильные, и упитанные сильные лѣнивцы; они дѣлаются забіяками, возмутителями и мятежниками. Преклоняйте выи ихъ; не дозволяйте глупому въ праздности быть и обогащаться; опасайтесь его покоя, налагайте ему трудъ и бремя томящее его своимъ угнѣтеніемъ, да никогда ощутитъ крѣпость въ немъ избыточествующую. Естли же и тѣмъ онъ не исправится, пребудетъ жестоковыенъ и всегда возмутителенъ; то явите ему мечь судный, и по несомнѣнному Божію уставу отсѣките бунтующую и непреклонную его главу отъ упитаннаго туловища.

LX.

К О Н Ь.

КОНЬ ТРОНУТЪ ШПОРАМИ СТРЕМИТЕЛЬНО БѢЖИТЪ,
ОТЪ БУРНЫХЪ НОГЪ ЕГО ЛИЦЕ ЗЕМЛИ ДРОЖИТЪ.

LX.

К О Н Ь.

Конь благороднѣйшій всѣхъ звѣрей, которыхъ смертные къ вѣчной своей славѣ покорили, есть крѣпокъ, мужественъ, и силенъ во брани. И нынѣ еще созидаетъ онъ продерзкимъ тварямъ знаменитые столпы: вамъ говорю, возсѣдающимъ на быстрыхъ коняхъ или ѣздящимъ на бодрыхъ жеребцахъ. Какую понятность, высокость духа и честолюбіе имѣетъ.

Осанистый конь, который предъ сраженіемъ,
Пока еще не началась сшибка, уже нѣсколько кратъ является
мужественно нападающимъ,
Бодро подъемлетъ бедра, и едва касается земли;
Исполненъ благороднаго нетерпѣнія бьетъ въ лесокъ и землю,
Порываетъ обузданіе и гривою потрясаетъ,
Возвышая главу, гордо на другихъ взираетъ,
Потомъ успокоивается, паки-храпитъ и готовится къ бѣгу,
И почувствовавъ свободу мещется со рвеніемъ,
Весь въ пѣнѣ и распаленъ рѣется противу враговъ!

Какую важную осанку, красоту и видъ далъ ему Творецъ! Опишемъ самаго прекраснѣйшаго изъ сихъ звѣрей:

Головою онъ малъ, тонокъ и выдался въ передъ,
Въ груди и чреслахъ крѣпокъ, ногами тонковатъ,
Шерстью голубый, или гнѣдолѣгій,
Хвостъ и грива у него густые, но гладко и коротко подрѣзаны,
При томъ онъ борзъ, легокъ и быстръ.

Мы

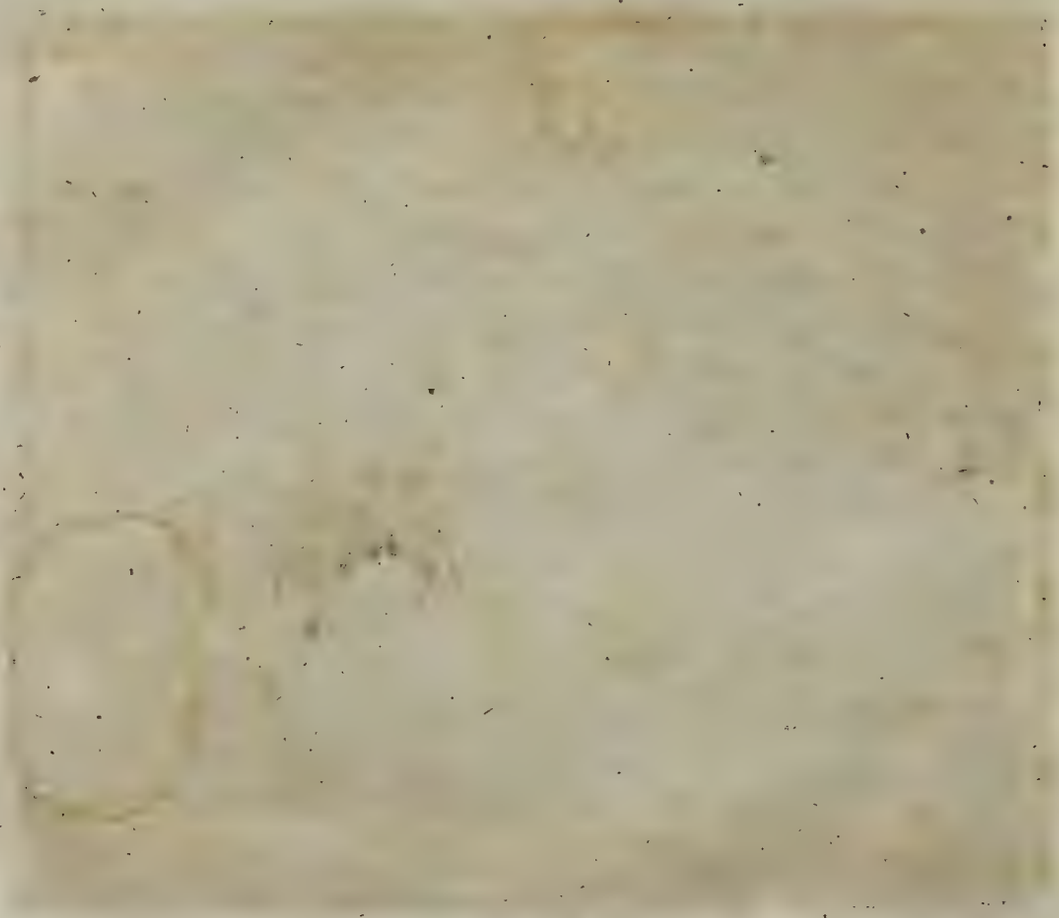
Мы по справедливости любимъ сихъ благородныхъ тварей, и природа вліяла человѣку нѣкую особую къ конямъ благосклонность. Едва единолѣтній младенецъ трепещетъ уже отъ радости, и прыгаетъ въ объятіяхъ своея кормилицы, увидя скачущаго коня; онъ не страшится ни ржанія, ни конскаго свирѣпствованія, и подражая представляетъ на ударяемой палкѣ, или колясочкѣ, всадника и коня. Наконецъ садится на самую лошадь, господствуетъ удачно надъ нею уздою и грозящимъ бичемъ, и возносится симъ владычествомъ равно, какъ конь убранствомъ.

Конь усмиряется уздою, хлыстомъ и приборомъ: но ѣздящій на немъ юноша самъ необузданъ, и не хощетъ ничѣмъ быть управляемъ. Онъ безразсуднѣе коней и лошаковъ, кои хотя отъ природы и не одарены разумомъ, однако имѣя на себѣ узду и бразды, повинуются напослѣдокъ и укрощаются. Но сей презирая всѣ обузданія и нравоученія, есть въ человѣческомъ видѣ своевольный дикій звѣрь представляющій собою меньше получеловѣка и полуконя.

LXI.

О С Е Л Ъ.

ПОРОДОЙ, ДРЕВНОСТЬЮ ИЛЬ СЛАВНЫЕ ДѢЛАМИ
НЕ ПРЕВЗОЙДУТЪ ОСЛА СВОИМИ ПОХВАЛАМИ.



LXI.

О С Е Л Ъ.

Весь свѣтъ ругаетъ осла, называя его скотиною долгоухою, простымъ, грубымъ и несмысленнымъ осломъ. Самымъ глупымъ и праздным отрокамъ служитъ онъ предметомъ презорства и посмѣянія, даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣдко его видятъ. Однако невинный и тягостьми угнѣтаемый оселъ пускай защищаетъ себя, пусть свержетъ съ себя поношеніе возлагаемое на толико обремененный его хребетъ, и пусть вѣщаетъ себѣ рѣчь похвальную. Можетъ быть она удачнѣе будетъ того похвальнаго слова, которое за большіе покупается деньги для невѣждъ и безчестныхъ людей.

Презирайте меня сколько вамъ угодно. Но родъ мой есть единыя древности съ вашею и съ твореніемъ міра; прародители мои служили Царямъ, и были любимцами знатнѣйшихъ Государей. Длинный видъ ушей моихъ данъ мнѣ отъ Творца, и служитъ мнѣ гораздо большимъ украшеніемъ, нежели суетнымъ женщинамъ ихъ чрезъ мѣру возвышенный головной уборъ. На меня не только мужи и жены безъ опасенія садятся; но и возложенныя на меня тягости ношу я въ пользу моихъ обладателей съ терпѣніемъ, чрезъ оплоты и камни, чрезъ горы и узкіе проходы; и мѣдленностію моею, которой вы посмѣваетесь, избавляюсь отъ опасности, въ которую часто скачущій конь ввергается. При всѣхъ моихъ трудахъ, коими толь немилосердо меня изможданютъ, пріемлю за благо и самый бѣднѣйшій кормъ; иногда же довольствуюсь одною токмо соломою и колкимъ быліемъ. Когда чешется у меня хребетъ, и я издаю толь противный моимъ

 из-

изнѣженнымъ ушамъ голосъ *їя*, тогда проповѣдую сильный дождь, и бываю вѣрнѣйшимъ прорицателемъ, нежели желаніемъ истощаемые стихотворцы и суемудрые политики. Млеко мое имѣетъ цѣлительную чудотворящую силу, и многіе не могутъ ничѣмъ инымъ, какъ посредствомъ онаго притти въ прежнее свое здравіе. Изъ кожи моей дѣлаются великолѣпныя книги, сочиненія высокаго духа и вкуса; въ нѣсколькихъ переплетенныхъ листахъ сдѣланныхъ изъ моея же кожи записываются всякія достопамятныя приключенія для вспоможенія и облегченія памяти, и училище числителей не можетъ безъ нея обойтись. Самый образъ мой приноситъ великія услуги наказующему съ благоразуміемъ наставнику (*); невѣжда токмо и грубый училищъ повелитель, кои больше еще нежели легкомысленный откровъ заслуживаютъ, чтобы съ образомъ моимъ поставлены были въ позорище, употребляютъ оный во зло, къ собственному ихъ, а не къ моему поруганію.

И такъ презираю я того, кто бы вздумалъ утверждать, что онъ безъ малѣйшаго самохвальства, которое завсегда слуху противно, больше меня истины съ основаніемъ и неложными доводами о себѣ сказать можетъ.

(*) У Германцовъ есть обычай лѣнивымъ и своевольнымъ ученикамъ привязывать къ шеѣ въ мѣсто наказанія образъ ослиный, и съ онымъ ставить ихъ среди училища или въ особомъ мѣстѣ.

LXII.

О В Ц А.

ОВЕЧЬЯ НѢЖНА ШЕРСТЬ НЕ ДЛЯ ОВЕЦЪ ОДНѢХЪ,
ЗЛАТЫМЪ СЛЫВЕТЬ РУНОМЪ, ДЛЯ ПАСТЫРЕЙ И ВСѢХЪ.

LXII.

О В Ц А.

Въ древнѣйшей непорочности міра, коея знаменованіе есть овца, богатство людей въ ней только и состояло. Въ тѣ златыя времена невинные пастыри, превышающіе образъ незлобія и самыхъ *Аркадскихъ* пастуховъ, не мыслили ни о чемъ иномъ, какъ только о стадѣ, овцахъ и о своихъ пастушкахъ, и возвышали свирѣли свои на хвалу Зиждителя. Съ богатствомъ соединялось тогда чистое и нелорочное веселіе: тамъ на отдаленныхъ высотахъ представлялось взору пасущееся стадо тучныхъ агнцовъ; здѣсь на злачныхъ мѣстахъ стекалася туча овецъ. Коль красно стихотворецъ воспѣваетъ сію холмы обременяющую бѣлизну, и блеющій родъ агнцовъ бродящихъ по удоліямъ!

Многочисленныя овецъ стада являются на лажитяхъ;
Съ коликою неутомимостію тучную вкушаютъ онѣ ластву!
Какой восклицающій шумъ исходитъ отъ удолій,
И блеяніемъ исполняетъ мой сильно напряженный слухъ!
Когда томный пастырь слѣшитъ уже къ отдаленной своей хижинѣ,
Онѣ и тогда еще остановлясь тайно исторгаютъ себѣ нѣкоторую снѣдь.

Хотя уже духъ подлости и лихвы съ пастырскою жизнію тѣсно сопряженъ; однако и понынѣ еще весь свѣтъ обогащается овцами: то дѣлаютъ сыръ изъ тучнаго ихъ млека; то отъемлютъ у сихъ безмолвныхъ тварей волну,

и

и употребляютъ оную на безчисленныя свои потребы; то научаетъ насъ благоразуміе и домостроительство употреблять и самый ихъ навозъ съ пользою. По закланіи же сихъ терпѣливыхъ тварей, насыщается человѣкъ ихъ плотію, и хитростная рука сплетаетъ ихъ кишки въ тонкія и звучныя струны.

О дабы мы кротости и терпѣнію научились отъ овцы превосходящія сими добродѣтелями всѣхъ тварей! Не свирѣпствовали бы человѣки, подобно волкамъ, въ овчіемъ дворѣ, и среди обезоруженнаго стада! О дабы не было у насъ наемниковъ бѣгущихъ и оставляющихъ овцы, когда приходитъ врагъ! Искали бы всѣ наставники съ кротостію и любовью погибшихъ своихъ овецъ, и паки бы ихъ обрѣтали! Былибъ они; по примѣру Положившаго душу свою за овцы, добрые пастыри! Вельможи и Владыки стригли бы токмо овецъ, но всея бы кожи съ нихъ не снимали! О дабы наконецъ въ честь человѣчеству, никакій уже *Навалъ* не имѣлъ болѣе нужды, проповѣдовать покаяніе богатому Царю о единой агницѣ!

LXIII.

КОЗЕЛЪ.

ИМѢЕТЪ ГНУСНЫЙ ВИДЪ, НЕ КРАСЕНЪ БОРОДОЮ,
КУДА НИ ИДЕТЪ ОНЪ, СМРАДЪ НОСИТЪ ЗА СОБОЮ.

LXIII.

КОЗЕЛЪ.

Козъ и цѣлаго стада мужъ, сладострастный козелъ, имѣющій безъ запрещенія у себя толикое множество женъ,

Скачетъ дерзновенно чрезъ кустарники и рвы,
Преисполненъ бодрости и вожделѣнія изощряетъ роги свои о древеса;

Гордясь брадою и возносся главы своея роги шествуетъ съ мужественнѣйшею важностію предъ стадомъ и своими женами, которыя съ слѣпымъ повиновеніемъ и подобострастіемъ посрамляющимъ и самихъ человѣческихъ женъ, слѣдуютъ за симъ смраднымъ вождемъ, яко верьховнымъ ихъ начальникомъ. Однако при всей оной важности, которую на себя пріемлетъ, дѣлаетъ онъ подобно отроку козьи свои скочки, кичится, ожесточается, паки оказывается смѣшнымъ, вызываетъ своего соперника, и одолѣвъ онаго удавляетъ. Его боятся цвѣты! листвія и древеса, коимъ онъ наноситъ заразу и смерть. Уже мимоходомъ заражаетъ онъ воздухъ гнуснымъ своимъ смрадомъ. Онъ несносенъ обонянію и въ самое то время, когда омывшись изъ прозрачной рѣки выходитъ.

Простосердечные Христіане представляютъ себѣ въ немъ діавола, или бѣса въ козліемъ видѣ. По крайней мѣрѣ вымышляютъ они его съ рогами и ногами козліими, давъ ему впрочемъ человѣческій образъ и богатое одѣяніе. Они разсказываютъ то съ превеликими клятвами и жесточайшими угроженіями за невѣріе; повѣствуютъ о разумѣ, дѣяніяхъ сего козла, о унесеніи на хребтѣ человѣковъ, о дерзкихъ и быстрыхъ верховыхъ ѣздахъ; которыми онъ вѣрнымъ сво-

имъ пріятелямъ и нѣкіимъ женщинамъ услуживаетъ. Вѣроятно, что у нихъ и понынѣ еще набиты мысли повѣстію и воображеніемъ *ПАНА*, (рогатаго козоногаго бога пастырей) о которомъ и самые язычники не столь низко и глупо думали, какъ суевѣрные Христіяне о своемъ козлообразномъ діяволѣ.

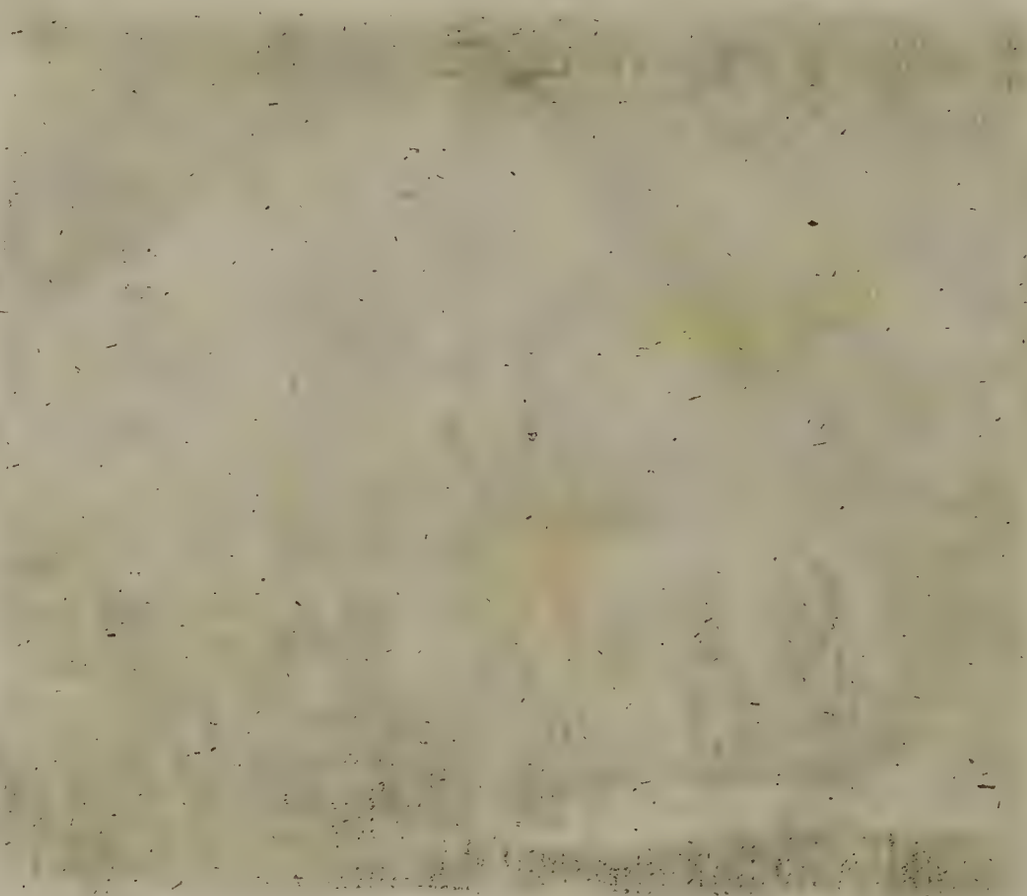
Стихотворцы и живописцы означаютъ нецѣломудріе чрезъ козла, на которомъ простонародная *ВЕНЕРА*, ѣдущею верьхомъ представляется. Въ Священномъ Писаніи берется онъ за беззаконіе, и первосвященникъ, предавая его проклятію, возлагаетъ на него всѣ грѣхи народа.

Почто развратный любовникъ носитъ съ собою балсамы, воды и всякіе одеры, (послѣдуя обыкновенію должно благовонныя вещи назвать по Французски) когда приближается онъ къ человѣкамъ и ко своей повелительницѣ? Или не вѣдаетъ онъ, что козлій смрадъ все прочее заглушаетъ?

LXIV.

С В И Н Ь Я.

КОЛЬ ХОЧЕШЬ ОТЪ СВИНЬИ ТЫ ПОЛЬЗЫ ОЖИДАТЬ,
ТАКЪ НАДЛЕЖИТЪ ЕЕ КОРМИТЬ И ЗАПИРАТЬ.



LXIV.

СВИНЬЯ.

Какое гнусное, коего вѣжливость безъ дозволенія и наименовать не смѣетъ, и коего никто ни видѣть ни обонять не желаетъ, хотя тучные его окороки и не призираются. Воззрите токмо на визжащее щетиною покровенное стадо, которое пасущій провождая, хлопаетъ бичемъ къ чувствительной ушамъ досадѣ; взирайте, какъ оно разсыпается во всѣ стороны, своевольно валяется въ тинѣ, всѣ лужи и блатныя мѣста наполняетъ смрадомъ, хрюкая чешется о стѣны и дерева, и съ великимъ вредомъ чужія поля и нивы разрываетъ. Оно и въ самое то время, когда цѣлая толпа будучи уже насыщенна, съ неистовствомъ и наглостію въ домъ стремится, ищетъ еще нечистоты и тины.

Не всуе запретилъ Всевѣдущій ѣсть свинное мясо, наипаче въ жаркихъ и проказу раждающихъ странахъ. И нынѣ еще пища сія, по дозволенію Новаго Завѣта употребляемая, вредитъ премногимъ больше нежели думать и вѣрить можно. Окрѣплый отъ сохи хлѣбопашецъ, и въ безпрестанномъ движеніи находящійся сильный молотильникъ можетъ оною безопаснѣе насъ наслаждаться. Впрочемъ если хочешь, чтобы тебѣ сія гнусная свинья дѣйствительно полезна была, то затвори ее во хлѣвѣ, и тамъ оную упитавъ, не обинуясь вонзи ножъ въ гортань ея. И тогда уже питайся и пользуйся ветчиною, ребрами, колбасами, окороками и свиною кожею. Равному жребію подверженъ и гнусный скупяга, который будучи безполезенъ самому себѣ и цѣлому

свѣту,

свѣту, справедливо въ жизни своей презираемъ бываетъ; и поносною своею смертію дѣлается только полезнымъ.

Вепрь, сколь ни за велико почитается на столахъ богачей, но поелику опустошаетъ виноградъ и нивы, есть образъ разбойника, или жестокосердаго и гордаго завоевателя, потребляющаго всю природу огнемъ и мечемъ. И для того то подъ симъ изображеніемъ представляетъ намъ басня одного славнаго разбойника, котораго *Мелеагръ* при помощи нѣкіихъ Греческихъ Князей собственною низложилъ рукою.

Горѣ тѣмъ, кои удалившись отъ нечестія міра сего, паки ввергаются во оное! Они подобны свиныи, которая омывшись паки валяется въ тинѣ.

LXV.

ВЕРБЛЮДЪ.

ТАКЪ ТОЧНО КАКЪ И МЫ, ВЕРБЛЮДЪ ТОГО БОИТСЯ,
ЧТОБЪ ГНУСНЫМЪ БУДУЧИ, ВЪ СЕМЪ ВИДѢ НЕ ЯВИТЬСЯ.

LXV.

ВЕРБЛЮДЪ.

Полезный равно какъ оселъ, или и сего еще полезнѣйшій верблюдъ, сія порабощенная игу тварь носитъ на себѣ тяжкія бремена; и сгибая переднія ноги преклоняется добровольно предъ тягостьми на него возлагаемыми. Обремененъ богатствомъ и стяжаніями мздолюбца, преходитъ во Благополучной *Аравіи* охотно и безъ досады пещаныя пустыни; довольствуется и тѣмъ, когда только можетъ срывать листвіе со древъ и вершинки съ низкихъ кустовъ; при томъ не взирая на жаркое свое волненіе плоти, никогда не имѣетъ соитія съ матерію своею.

Вотъ изящное свойство сего послушливаго звѣря. Однако имѣетъ онъ и худую сторону: ибо нѣтъ ни единыя вещи во всей подсолнечной, которая бы не имѣла двухъ сторонъ, сирѣчь, худаго и добраго вида. Верблюдъ имѣетъ прегнусный горбъ, а иногда и два; одинъ на хребтѣ, другой на груди. Ротъ и шея у него скаредны и змѣеобразны; при томъ столь онъ глупъ, что не станетъ ни жрать, ни пить до тѣхъ поръ, пока другій не подастъ ему примѣра: подобно зѣвающимъ, изъ которыхъ одинъ другаго и цѣлую бесѣду къ тому побуждаетъ. Пресильною томимый жаждою никогда не станетъ онъ пить прозрачныя воды, пока прежде не смѣшаетъ ее съ тиною и не возмутитъ широкими своими копытами. Но ты вопрошаешь, для чего дѣлаетъ онъ сіе? Для того, что самъ не терпя взгляда на скаредное свое безобразіе разрушаетъ зерцало чистыхъ струй, и хощетъ пребыть самому себѣ несвѣдомъ.

 Такъ

Такъ точно дѣлаетъ малоумный человѣкъ: онъ порицаетъ злодѣянія, зритъ самый малѣйшій сучецъ въ очахъ ближняго, но своего нечестія и превеликаго бревна въ собственномъ окѣ не видитъ. Когда же зерцало наконецъ хощетъ ему то хотя издали токмо представить: то повергаетъ онъ сіе долу и сокрушаетъ, не пришедъ помощію онаго къ познанію самаго себя. Или когда приходятъ друзья и осмѣливаются, (ибо въ нынѣшнія времена должно имъ осмѣливаться) оказать другу своему благодѣяніе, объявляя ему погрѣшность его: то получаютъ за то въ возмездіе одну только неблагодарность, ругательство и гоненіе, и находятъ себя принужденными, оставить съ великимъ сожалѣніемъ ослѣпленнаго собственной его судьбинѣ.

LXVI.

О Л Е Н Ъ.

ОНЪ БРЕМЕНЕМЪ СВОИХЪ РОГОВЪ ОТЯГОЩЕНЪ,
ПОКОЮ СЛАДКАГО ВО ВСѢХЪ МѢСТАХЪ ЛИШЕНЪ.

LXVI.

О Л Е Н Ь.

Колико нещастливъ я, и весь мой родъ! стенаетъ напуганный и почти бездыханный елень, жаждущій въ унынiи прохладныя воды. Правда, глава моя украшенна зубчатыми рогами, которые искусно свергать природа меня научила. Еще болѣе учинила благодѣющая природа; она вліяла въ меня силы и надежду къ моему долгоденствію, и чувствованiя ко увращеванію яда испущаемаго отъ змѣи яко смертельнаго моего непрiятеля. Однако не защищаетъ она меня отъ неистовства человѣковъ, кои преслѣдуя съ копьемъ, оружiемъ и собаками, приводятъ меня въ смертельное унынiе прежде, нежели удавляютъ; наконецъ истощенную и зноемъ изможденную плоть мою повергаютъ съ презрѣнiемъ. Кровожадность свою называютъ они охотою, и царскимъ увеселенiемъ. Не довольствуясь тѣмъ, что за кустами съ ловцемъ нажизнь мою коварно умышляютъ, жертвуютъ за мой животъ (единая честь для меня злощастнаго и моея кончины!) собственною жизнiю; они силою своею, съ которою меня чрезъ горы, камни, рвы, и долины преслѣдуютъ, отваживаются на все. Ушедшаго меня отъ нихъ въ сей день, ожидаютъ на утрiе ихъ умноженный жаръ и вновь воспалившiйся духъ гоненiя. Тако пребываю я на всякъ день, часъ и минуту въ опасенiи позорныя смерти. Самое украшенiе главы моея служитъ не въ малое мнѣ отягощенiе; и хотя я мужественно и дерзновенно свергаю возвышенные роги съ ихъ отростками, однако вскорѣ потомъ произрастаютъ новые изъ чела едва

только облегчившагося. И такъ не могу я ни великолѣпнаго бремени, ниже опасности избавиться.

Но инако ли дѣлается съ нами, вѣщаетъ малодушный человѣкъ? созданы для жизни, снабдѣны движеніями и средствами для оныя, прельщаемы образомъ глубокія старости, въ темной зыблемся неизвѣстности, не будемъ ли еще сего дни отъ лютыхъ человѣковъ и звѣрей, ошъ судьбины или отъ самихъ себя вконецъ истреблены. И кто избавитъ насъ въ горести отъ сея тлѣнныя плоти? Сего дни свергаемъ съ насъ бремя горести, недуги, нужды и скудости: и се уже паки настоитъ новое. И яко елень желаетъ на источники водные, тако души прискорбныхъ вопіютъ ко Господу.

LXVII.

ПАУКЪ.

ПАУКЪ ИСКУСНА ТВАРЬ, СѢТЬ СТРОЙНО СОПЛЕТАЕТЪ,
НА ВОЛЬНОМЪ ВОЗДУХѢ ПО НИТЯМЪ ПРЕЛЕТАЕТЪ.

LXVII.

ПАУКЪ.

Сей удивленія достойный
Червь, который получая себѣ въ наслѣдіе одинъ только трудъ
Сплетаетъ изъ себя свое жилище.

Паукъ посрамляетъ и самаго искуснѣйшаго ткача; онъ самъ служитъ себѣ пряжею, набилками, навоемъ, чоликомъ; и выводитъ тончайшія нити изъ своея утробы. Посмѣваяся ученѣйшемуся землемѣру и строителю, дѣйствуетъ по неоспоримымъ и утвержденнымъ правиламъ, проводитъ въ своемъ тканіи равно отстоящія черты, и смыкаетъ оныя шестиугольникомъ. То воцаряется онъ въ средоточіи хитростныя своея сѣти; то бѣгаетъ подобно прыгающему по канату съ одного древа на другое. Да научится убо человѣкъ отъ сихъ презрѣнныхъ тварей.

Пускай изслѣдуетъ онъ сѣть хитраго паука,
Онъ ткетъ оную толь хитростно, легко и тонко,
И влечетъ пресмыкающуюся мухъ толлу
Въ свой нѣжный покровъ!

Сколь паукъ ни призрителенъ, однако строеніе его тѣла, его тканіе, и многообразіе ихъ породъ, служатъ въ доказательство о бытіи Премудраго и Всемогущаго Творца. Научись только познавать его изъ книгъ безсмертнаго *Резела*, который природное омерзѣніе и отвращеніе къ сей твари толь благополучно и мужественно преодолѣвъ, собиралъ, кормилъ и искусно раздроблялъ пауковъ; ты узришь въ семъ маленькомъ созданіи чудеса, и самое вѣрнѣйшее описа-

 ніе

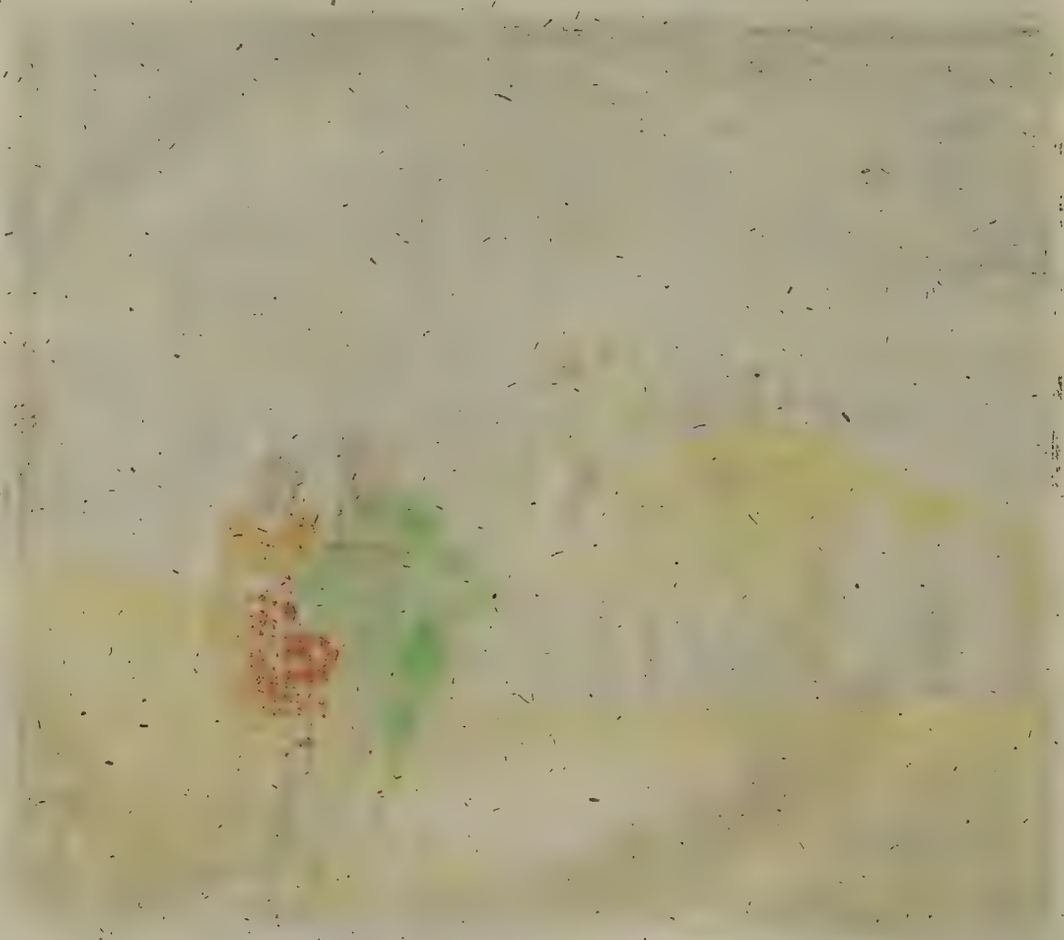
ніе приведетъ тебя во искушеніе, для прославленія Творческія премудрости, помыслишь, что ты романъ или поему читаешь. Но для Всемогущества, творящаго и въ малѣйшихъ вещахъ чудеса, нѣтъ ничего весьма великаго. Одинъ только *Белій*, будучи не въ силахъ опровергнуть учебный составъ *Лейбниція*, яко Царя мудрецовъ, почитаетъ оныя за превеликія и прехитростныя для Зиждителя.

Продерзкій человѣкъ порицающій ядъ находящійся въ паукѣ, ты долженъ вѣдать, что оный полезенъ сей твари; ты же разумомъ и опытомъ ради того снабдѣнъ, дабы оберегался отъ вреда, и подражалъ только ревностному паука прилѣжанію, а не его ядовитому коварству.

LXVIII.

П Ч Е Л Ы.

ДА БУДЕТЪ НАМЪ ПЧЕЛА ПРИМѢРОМЪ ВО ТРУДАХЪ,
СБИРАЮЩА СЪ ЦВѢТОВЪ РАСТУЩИХЪ ПРИ БРЕГАХЪ,
ПРІЯТНЫЙ СОТЪ, ВЪ СВОИ НѢЖНѢЙШІЕ СОСУДЦЫ.



LXVIII.

П Ч Е Л Ы.

Что превосходнѣе пчелъ, кои въ зеленѣющихъ долинахъ
Съ младыхъ цвѣтовъ собираютъ земную амвросію?
Имъ должно удивляться,
А вы часто съ неблагодарностію вкушаете плодъ ихъ трудовъ.
Лишь только соловей началъ призывать утреннюю зарю,
Уже бодрый сонмъ пчелъ привѣтствуетъ воспрянувшіе отъ сна цвѣты,
И кровію ихъ наполняетъ свои сосудцы,
Высосая сладкій лотъ изъ благовонныхъ цвѣтковъ,
Перебѣгаетъ по зыблющейся бѣлизнѣ, подобной младому жемчугу,
Доколѣ нощь и прохлада не велитъ возвратиться ему въ домъ.

Стихотворцы не могли довольно и красно воспѣть сіе трудолюбивое общество пчелъ, коихъ правительство посрамляетъ и самое царствованіе человѣковъ. Другій стихотворецъ воспѣваетъ ихъ дѣйствія тако:

Одна часть изъ нихъ опредѣлена носить воду,
Другая воскъ;
Тѣ приносятъ вязкую глину,
Для построенія и укрѣпленія сосудовъ;
Сіи въ восковыя чаши
Вливаютъ сотъ.
Многимъ поручена стража,
Дабы трутней окрадывающихъ ихъ часто
Отгонять отъ своихъ преградъ.

Въ

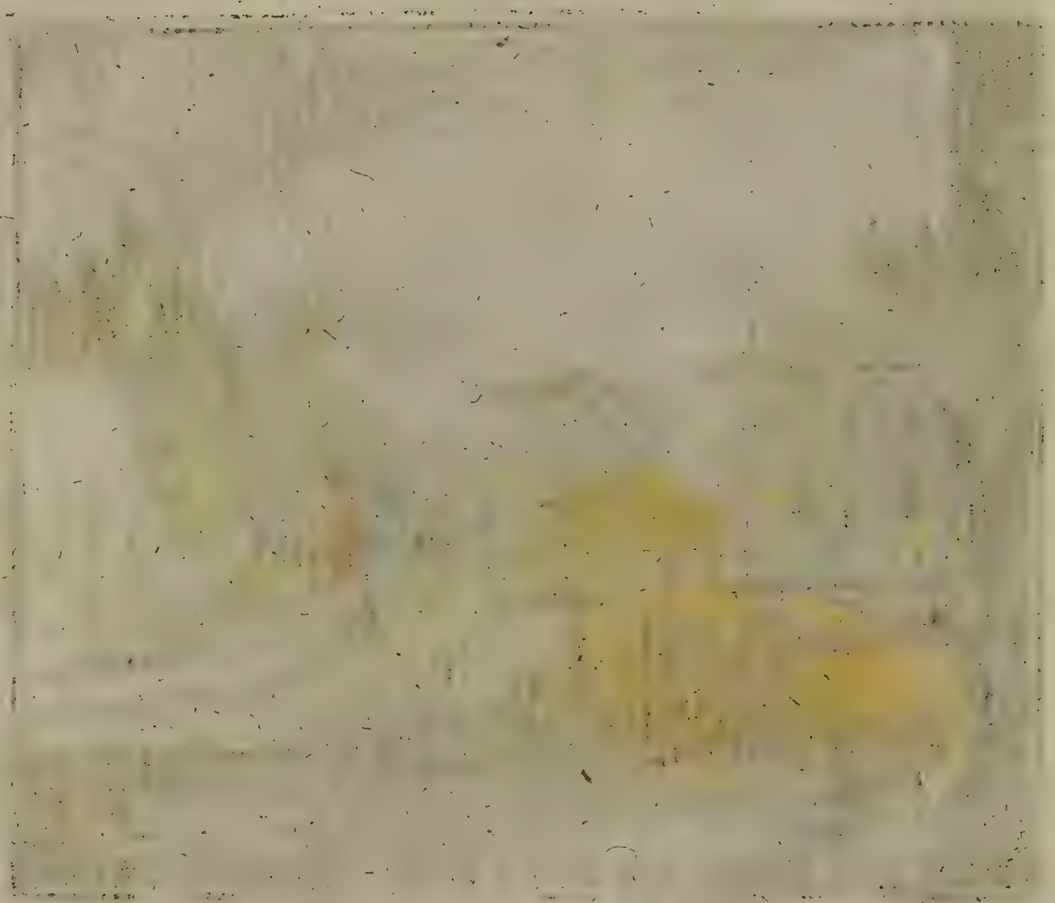
Въ послушаніи, съ которымъ пчелы своей царицѣ и предводительницѣ послѣдуютъ, не могутъ и подданные земныхъ Царей и Владыкъ сравниться съ ними. Кажется, что симъ излишній разумъ мѣшаетъ быть довольно честными; тѣ же имѣютъ онаго меньше, дабы тѣмъ болѣе вѣрности и повиновенія оказывать. Однако повѣствуютъ много и басенъ о пчелахъ и объ ихъ царицѣ, коея свойство и самимъ лучшимъ испытателямъ было долгое время неизвѣстно. Самыя нравоученія выводимыя изъ природы пчелъ были часто одне только мечтанія: по крайней мѣрѣ слѣдующее есть таковаго свойства, что какъ каждая пчела имѣетъ на подобіе духовной брапіи свое особое жилище, такъ и у насъ нѣтъ благополучнѣйшей жизни, какъ въ монашескихъ келіяхъ.

Довлѣетъ представить пчелъ во образъ прилѣжанія и порядка, такъ же дабы побудить лѣнивца подражать ихъ примѣру. Если же онъ не вторитъ сего, то да подстрекаетъ его жало пчелино.

LXIX.

ДИКІЕ ЗВѢРИ.

ВСѢ СОЗДАНЫ ОНИ ДЛЯ ТВОРЧЕСКІЯ СЛАВЫ,
И УКРОЩАЮТСЯ ВЪ ЧЕСТЬ НАШЕЯ ДЕРЖАВЫ



LXIX.

ДИКІЕ ЗВѢРИ.

Сильный царь животныхъ, величественнаго вида и равнаго ужаса левъ,

— — *Коего губительная кровопролитія жадность*
Извлекая изъ челюстей рыканіе потрясаетъ его лядвіями,
Отъ чего дикіе звѣри обонявъ его слѣды
Удаляются отъ береговъ истаевая жаждою.

Укрощаяся человѣческимъ обузданіемъ дѣлается миролюбивымъ. Земля и воздухъ стонаютъ отъ его повсюду раздающагося рева; одинъ токмо человѣкъ наложивъ на выю узы, или заключивъ его въ желѣзные заклѣпы, ни мало не ужасается.

Украшенный пестротою тигръ, жаждущій отъ природы человѣческія крови и смѣло сражащійся съ самимъ слономъ, усмиряется такъ же обузданіемъ; и хотя онъ равно, какъ и злобный кровожаждущій Леопардъ всегда питаетъ внутрь притворность и коварство, однако покоряется владычеству человѣковъ, и узамъ приводящимъ его въ кротость.

Длинными волосами покровенный медвѣдь, хотя и реветъ въ рукахъ своего правителя, однако не обинуясь пляшетъ по его голосу и помаванію очей, представляя по разнымъ мѣстамъ зрѣлище народу. Въ самое время усталости будучи сильными и частыми ударами понуждаемъ, хотя и раздражается, однако начинаетъ паки съ робкимъ повиновеніемъ продолжать свою пляску.

Что сказать о слонѣ яко исполинѣ животныхъ?

Боже! Ты воздвигнулъ его изъ земли,
И оживотворилъ громаду костей его.

Онъ великолѣпіе странъ Мидійскихъ и Персидскихъ, дерзновенъ во брани, одаренъ памятію паче многихъ человѣковъ, благодаренъ, послушливъ, учебенъ, снисходителенъ и силенъ.

Данная ему крѣлость
Презираетъ величайтія тягости,
Которыя онъ въ лозлащенныхъ ящикахъ
Носитъ на возвышенномъ своемъ хребтѣ.

Да умолкну о рысяхъ, барсахъ и о другихъ лютыхъ звѣряхъ. Человѣкъ всѣхъ ихъ укрощаетъ, и по данной нашему роду отъ Всемогущаго полной власти, являетъ надъ ними владычество свое, которое естьли бы грѣхопаденіемъ не уменшилось, было бы высочайшее.

Но гдѣ дѣвалася власть человѣка надъ самимъ собою? Онъ такъ же часто бываетъ лютымъ, коварнымъ, кровожаждущимъ и жестокосердымъ звѣремъ; и такъ да укрощаетъ себя паче оныхъ!!

LXX.

ВОЛКЪ.

РАЗИНУВЪ ЧЕЛЮСТИ ОНЪ УХОМЪ ОСТРЫМЪ ЕДИТЪ,
И ЧТОБЪ ДОСТАТИ ЛОВЪ, НА СТАДО БЫСТРО ЗРИТЪ.

LXX.

ВОЛКЪ.

Всегдашній стада врагъ, мучитель исходящій изъ лѣсовъ,
Хищный волкъ терзаетъ по всѣмъ полямъ то,
Что отъ него уйти не можетъ: ярость его свирѣпствуетъ безмѣрно,
Пастыри опасаясь не пасутъ уже тамъ болѣе.

Здѣсь лежа одинъ на скрытомъ и потаенномъ мѣстѣ ожидаетъ, не оставитъ ли бодрый пастырь или недремлющіе псы овецъ своихъ. Съ жадностію умышляетъ паки на новую добычу, хотя и опъ старой еще огрызенный оставъ возлѣ его валяется. Алчная его и всегда несытая утроба проклинаетъ пастуха и собакъ; между тѣмъ изощряетъ онъ свои зубы. Тамъ силится другій вкрасться въ затворенный овчій дворъ, когда пастырь и стада глубокимъ покоятся сномъ. Но крайне раздражается, что дверь заперта, и что неусыпный песъ безпрерывнымъ своимъ лаяніемъ даетъ знать о его приходѣ. Онъ отходитъ, коварно умышляетъ на человѣковъ, и часто таковая ловитва для него удачна.

Волкъ, коему въ алчбѣ, отвагѣ и несытости, почти ни единаго звѣря нѣтъ подобна, есть столь вреденъ и ужасенъ, что малодушные люди не смѣютъ иногда ниже имени его упомянуть. Простосердые! но вы именуете діявола; призываете его, заклинаете оныхъ тьмы, да придутъ и возьмутъ васъ.

Кажется,

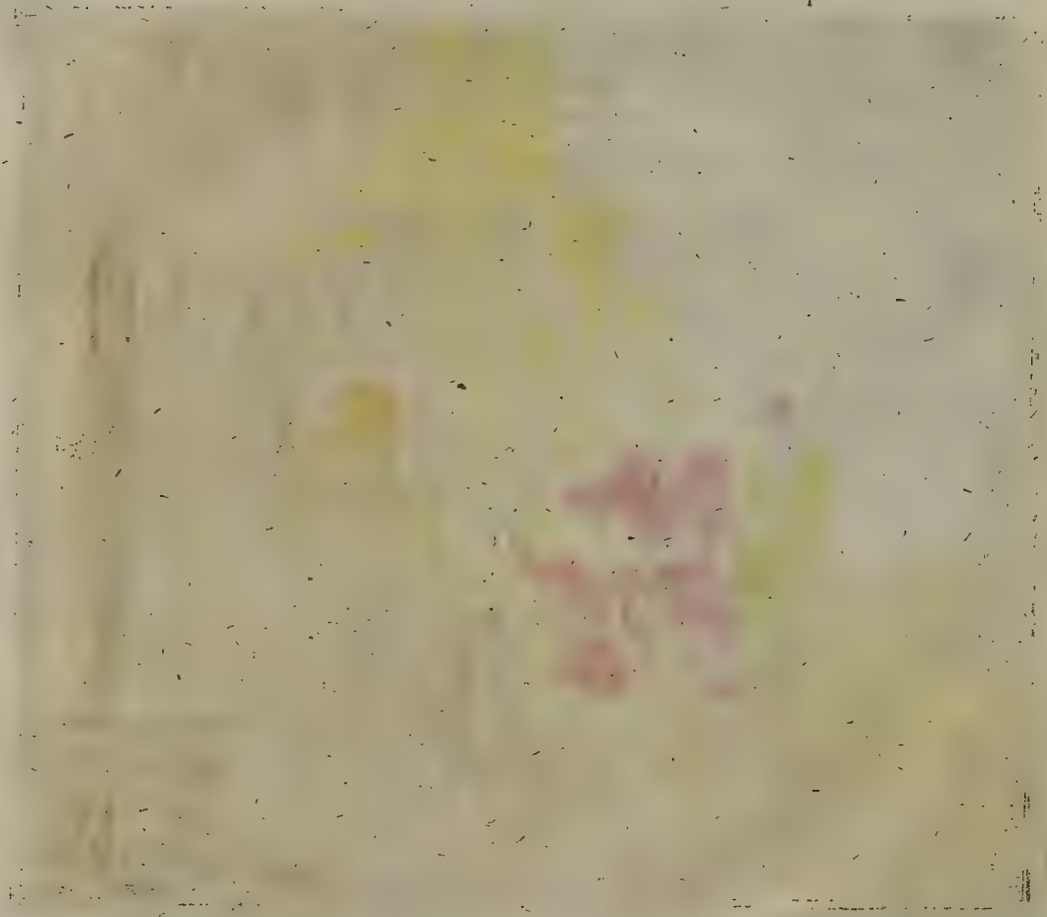
Кажется, что иногда волкъ преображаетъ, такъ сказать; видъ свой, и не только подобно другимъ звѣрямъ, укрощается и привыкаетъ, но принимаетъ еще человѣковъ въ свое покровительство, кормитъ ихъ и возвращаетъ. По крайней мѣрѣ такъ вымышленно было о волчицѣ, вскормившей сосцами своими и воспитавшей двухъ безсмертныхъ братьевъ, оныхъ основателей *Рима*, господствовавшаго нѣкогда надъ самыми владыками. Но есть люди, кои сложивъ съ себя человѣчество превращаются въ волка. Сіи для причиненія вящшихъ золъ и гибели, ходятъ подобно лжепророкамъ во одеждѣ овчей, но внутрь (однако сколь не многіе то видятъ и знаютъ!) суть они хищные волки. Блюдитесь ихъ, поучаетъ насъ Спаситель. А паче берегитесь, да не изведутъ васъ подъ видомъ братскія любви въ поле, гдѣ вдругъ сложивъ одежду овчую, удавятъ васъ и растерзаютъ. Горе вамъ тогда: но горше лицемѣрамъ и волкамъ!

LXXI.

LXXI.

ОБЕЗЬЯНА.

ПОЛЬЧЕЛОВѢКЪ ОНА СВОИМЪ УМОМЪ И ТѢЛОМЪ,
ПОЛЬОБЕЗЬЯНЫ МЫ ПОСТУПКАМИ И ДѢЛОМЪ.



LXXI.

ОБЕЗЬЯНА.

Обезьяна сіе весьма шуточное и забавное животное, есть и пребудетъ любима отъ богачей и вельможныхъ бояръ покрайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, доколѣ вкусъ въ пустыхъ и глупыхъ забавахъ не обвѣтшаетъ. И что дѣлать богатымъ лѣнивцамъ и ихъ собесѣдникамъ, кои никогда не дѣйствуютъ умомъ, а однимъ только слухомъ и зрѣніемъ нѣсколько питаются? чѣмъ, говорю, могутъ они прогонять всю скуку, если попугай не станетъ имъ болтать, а обезьяна предъ ними прыгать? Мнѣ кажется, что обезьяна такъ точно, какъ и скачущіе по канатамъ кукольные игроки и обаватели, служитъ только увеселеніемъ простому народу, и принадлежитъ къ зрѣлищу площадныхъ облыгателей, или медвѣдей, коихъ для зрѣнія ротозѣямъ и праздношатающимся юношамъ повсюду водятъ. Весьма невѣроятно, чтобы Премудраго намѣреніе въ твореніи обезьяны въ томъ единственно состаяло, дабы намъ изъ нея дѣлать игрушки и смѣшныя забавы. Одинъ только отецъ *Авраамъ* святыя *Клары* утверждаетъ, (*) хотя и съ приложеніемъ изящнаго нравоученія, что Богъ часто посмѣвается своимъ, какъ нѣкогда Сарѣ.

Но если сказать самое дѣло о обезьянѣ, то сходство ея съ человѣками, и подражаніе нашимъ дѣйствіямъ, есть подлинно нѣчто особое и удивленія достойно. Дѣлай что хочешь; обезьяна станетъ то же самое дѣлать. Пишешь ли

ты,

(*) Сей духовный отецъ первый былъ, который старался объяснить сіи картины: но разсужденія его были не по нынѣшнему вкусу, и весьма худо приняты отъ ученаго свѣта.

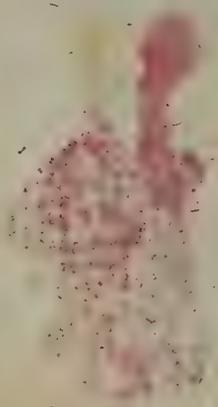
пы, то и она пишетъ; нюхаешь ли ты, то и она нюхаетъ; куришь ли табакъ, и она куритъ; смотришь ли въ зеркало, то и она въ немъ высматривается; волосы ли чешешь, и она ихъ расчесываетъ. Словомъ она играетъ и пьетъ съ тобою почти какъ человѣкъ. Однако при всемъ томъ остается она гнусная тварь, и тыломъ своимъ наводитъ ужасъ человѣкамъ.

Внемлите сему обезьяны въ человѣческомъ видѣ! вы смѣхъ и безобразіе предъ очами благоразумныхъ! Однако не престаете еще и понынѣ, Вы! Вы! наипаче соотечественники мои, подражать на подобіе обезьяны Иностраннымъ, и дѣлать дѣтскія тѣлодвиженія! Не поносны ли для васъ тѣ ухватки, съ которыми вы Французамъ, какъ обезьяны человѣкамъ, въ разговорахъ, одеждѣ, приборахъ, игрѣ, въ усмѣшкахъ и пѣніи подобными быть стараетесь? Никогда не удастся вамъ достигнуть до подлинника: ибо слабость оныхъ есть природа, а ваша принужденіе. Вы дѣлаете то себѣ на развращеніе, а имъ на презорство, подобно обезьянѣ хватившейся нѣкогда за бритву.

LXXII.

ПТИЦЫ ВООБЩЕ.

МЫ УБИВАЕМЪ ПТИЦЪ, ИХЪ ЖИЗНИ НЕ ЩАДИМЪ,
НО ДѢЛАЯ СІЕ ПОДОБНО ИМЪ ТВОРИМЪ.



LXXII.

ПТИЦЫ ВООБЩЕ.

Взирайте на птицы небесныя? Какое различіе ихъ тѣлъ, ума, образа, красоты и ихъ силъ! коликое оныхъ множество, коликіе ихъ виды и роды! Однѣ изъ нихъ гордо красуются лѣпотою перьевъ своихъ, какъ пифанъ и павлинъ; другія ощущая могущество и сладость гортани своея, священную воспѣваютъ намъ пѣснь.

Сладкое ихъ лѣніе вливаемое въ нихъ любовію
Раздается съ пріятностію въ лѣсахъ,
И гласъ поющихъ птицъ слышенъ на каждой вѣтьви.

Иныя созидаютъ гнѣзда свои въ лѣсу; другія обитаютъ на водахъ, и живутъ частію на оныхъ, частію же на воздухѣ. Сіи привыкаютъ къ дому, питаются изъ рукъ, и многія приносятъ намъ увеселенія; другихъ не можетъ никакій гладъ принудить къ отложенію своея дикости. Тѣ скитаются по полямъ, питаются кохтями, носомъ, сильнымъ и быстрымъ полетомъ, мучительствуютъ, живутъ хищеніемъ, разятъ и остроконечнымъ своимъ носомъ прободаютъ меньшій обезоруженный сонмъ. Слѣдовательно и между птицами, коихъ почитаемъ привычными и кроткими, есть всеобщая война однихъ противу другихъ! Нѣкія вредятъ и самимъ человѣкамъ; покрайней мѣрѣ наводятъ имъ страхъ ужасный своемъ воемъ, какъ сова и другія нощныя птицы.

И для того человѣкъ по справедливости умышляетъ на жизнь ихъ; поставляетъ имъ сѣти и силки, приманиваетъ ихъ, ловитъ и умерщвляетъ или для своего увеселенія и пищи, ли-

либо для избѣжанія причиняемаго ими вреда. Державствовать надъ жизнію и смертію небесныхъ птицъ, есть право владычества даннаго нашему роду отъ Творца. И мы, яко властители птицъ, умерщвляя ихъ дѣлаемъ только то, что онѣ взаимно сами себѣ дѣлаютъ; то есть упражняемся въ искуствѣ, которому мы нѣкоторою частію отъ нихъ самихъ научились.

Кто питаетъ безчисленное множество птицъ, кои всѣ особенной себѣ кормъ имѣть хотятъ? Вотъ точное содержаніе премудрѣйшаго и изящнѣйшаго нравоученія: онѣ не сѣютъ ни жнутъ, ниже собираютъ въ житницы, и Отецъ небесный питаетъ ихъ. Внемлите, человѣки! сему любви исполненному прилогу и выводите изъ онаго главное для васъ заключеніе: не лучше ли вы птицъ? Во истинну вы несравненно ихъ лучше; но и надлежитъ вамъ пещися и собирать больше ихъ.

LXXIII.

ГОЛУБИ.

ИНЫЯ ГОЛУБИ ЛОБЗАЯСЯ ИГРАЮТЪ.
ДРУГІЕ СВИВЪ ГНѢЗДО ВЪ НЕМЪ ПЛОДЪ СВОЙ СОГРѢВАЮТЪ.

LXXIII.

Г О Л У Б И.

Въ непорочности и съ чистымъ веселіемъ обитаетъ въ своихъ жилищахъ весь кроткій родъ голубей. Зиждитель устроилъ образъ ихъ и сердце; оный есть несравненныя красоты; а сіе безъ всякія злобы и лести.

Тутъ пріемлетъ на себя грозный видъ пестрый голубь,
Надмеваетъ широкое свое горлышко,
И вкругъ себя вертясь,
То опускаетъ, то подъемлетъ голову,
Пока не приближится къ нему голубица;
И тогда уже гордясь ея прошеніемъ,
Надмевается величественно,
И бѣгаетъ во кругъ своея хижины.

Прекрасная же голубица, ибо кто ее изобразитъ и опишетъ?

Есть цѣлыя голубятни украшеніе,
Шея и грудь у нея бѣла, какъ снѣгъ,
Въ лазуревомъ хвостѣ и голубыхъ крыльяхъ
Высматривается часто мужъ ея какъ въ зеркалѣ,
Она носитъ грудь свою выпуклисто и свободно,
И пригожій уборъ на ногахъ.

И для того не удивительно, что человѣкъ плѣняяся сими тварями, столь тщательно и ревностно старается о ихъ приплодѣ. Правда, онъ часто выходитъ изъ предѣловъ и сумозбродствуетъ какъ и во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ: онъ питаетъ голубей, печется о ихъ снѣдѣ, а чрезъ то забываетъ

иногда

иногда ближняго, домослужителей, жену и дѣтей; и что сего еще болѣе, онъ согласился бы лучше самъ съ голоду умереть нежели дозволить хотя одного птенца въ своей голубятнѣ умертвить. Словомъ, онъ безуменъ, забываетъ и теряетъ изъ глазъ великолѣпіе вящшаго творенія, и глупо влюбливается въ маленькаго голубенка. Однако лѣпота голубя чрезъ то не умаляется; и одинъ изъ славнѣйшихъ стихотворцовъ описывая великолѣпіе воинства стоящаго въ полѣ, вѣщаетъ: оно сіяетъ подобно голубинымъ крыльямъ сверкающимъ аки злато и сребро.

Да послѣдуемъ нравоученію Спасителя, и будемъ мудры яко змѣи, и чисты яко голуби. Но да не подражаемъ никогда корыстолюбію продающихъ голуби, коихъ онъ сѣдалище испровергаетъ, и самихъ ихъ изъ Храма Божія и сообщества праведныхъ сильною и высокою мышцею изгонитъ.

Σ

LXXIV.

ВОРОБЕЙ.

ВЪ БЕЗСТЫДНОЙ ПОХОТИ ВЕСЬ ВѢКЪ ЕГО ТЕЧЕТЪ.
ОНЪ ПРЕЗИРАЯ ТРУДЪ ХИЩЕНІЕМЪ ЖИВЕТЪ.

LXXIV.

ВОРОБЕЙ.

Воробей похищаетъ часто у кроткихъ голубей разметанную предъ голубятнею ихъ снѣдь.

Онъ по справедливости презрѣннѣйшій изъ всѣхъ птицъ, своеволенъ, продерзокъ, хищенъ, нивамъ и хлѣбопашцамъ вреденъ, и сущій тать въ домѣхъ и на поляхъ. При томъ какъ онъ своими безславится дѣлами, то природа не дала ему никакой сановитости: ни гласъ его, ни пѣніе, ниже убранство перьевъ ни мало не прельщаютъ насъ. Жизнь его прекращается сладострастіемъ; и ко славѣ его развѣ только то служить можетъ, что онъ къ своимъ въ толикомъ множествѣ раждаемымъ птенцамъ рѣдкую и безпримѣрную любовь являетъ, отторгнутыхъ отъ него навѣщаетъ и въ самой темницѣ, подавая имъ всевозможное пропитаніе. Въ прочемъ остается онъ на всегда презрѣнною птицею, бичемъ человѣковъ, и самою недостойнѣйшею тварью въ своей породѣ.

Однако попеченіе и провидѣніе Всемогущаго и Всеблагаго Творца простирается на него. Ни единая изъ презрѣннѣйшихъ птицъ не падетъ на землю, безъ вѣдѣнія и воли небеснаго Отца. Вотъ двѣ величайшія истинны, и самое яснѣйшее опроверженіе новоявляющихся Сомнителей и Многопекущихся. Первые называя себя мудрецами, хотя и не отваживаются уже въ наши просвѣщенныя времена, повторять Епикуровы мнѣнія, и отнимать у Бога Его провидѣніе; однако не даютъ ему болѣе пещися о особыхъ ве-

щахъ,

щахъ, хотя бы то были человѣки, звѣри, дѣйствія или безчувственныя вещи. По ихъ суемудрію, промышляетъ Онъ вообще только, и единожды, а не всегда; въ сей день не помышляетъ Онъ уже объ насъ. Онъ завелъ однажды часы всемірнаго строенія, и они понынѣ продолжаютъ свое теченіе. Но я вопрошаю, что гласятъ сіи слова: еще не падетъ ни едина птица, никто, ниже единъ безъ Отца? И что еще того болѣе: всѣ власы главы вашея изочтены.

А вы многосуетные и ропщущіе, вы, которые себя и другихъ мучите: или сравниваете вы себя со птицами? Не лучше ли вы ихъ многихъ? Не вѣщаетъ ли сама превѣчная истинна съ утѣшительнымъ и любви преисполненнымъ ободреніемъ: не убойтеся, вы лучше многихъ птицъ.

LXXV.

СОЛОВЕЙ.

ВЪ ВОСТОРГЪ НАСЪ ПРИВОДЯ, ГЛАСЪ НѢЖНЫЙ ПРОСТИРАЕТЪ,
ТО СТОНЕТЪ, ТО ДРОБИТЪ, ТО ГРОМКІЙ СВИСТЪ СМЯГЧАЕТЪ.

LXXV.

СОЛОВЕЙ.

Глубокая тишина преклоняетъ уже томные наши члены; когда еще сладчайшій пѣвецъ въ темныхъ веселяся тѣняхъ прелестную воспѣваетъ пѣснь наводящую намъ дреманіе. Симъ его аки божественнымъ пѣніемъ наполняются воздушныя страны; онъ утѣшается, щелкаетъ, приманиваетъ и зоветъ ближайшую свою супругу. Достойно именуется онъ царемъ лѣсовъ, кустарниковъ украшеніемъ, и садовъ увеселяющею Сиреною; играющее и кудрявое его пѣніе предпочитается всей пріятности гласовъ. Но для чего? ибо возвышенный его голосъ, звукъ и навыкъ гортани, приобрѣли ему сію знаменитую хвалу. Пускай токмо живетъ онъ на свободѣ, тамо воспѣваетъ онъ съ превосходнѣйшимъ искуствомъ и сугубою нѣжностію.

Коликими превозношу я похвалами ваше состояніе о слокойные соловьи!

Гдѣ пѣсни ваши окрестъ меня
Въ нѣжныхъ кустарникахъ,
Со свистами залада смѣшиваясь,
Часто повторяются отзывомъ.
Вы воспѣваете; жизнь ваша протекаетъ въ тишинѣ и покоѣ
Такъ, какъ и ваша пѣснь; Вы не знаете никакого другаго страданія,
Кромѣ причиняемаго любовію; сладчайшая только печаль,
Которой всякая радость уступаетъ, приноситъ жалобу вашимъ сердцамъ.
Вы не имѣете разума, и съ нимъ нашего мученія,

Коль

Коль бы многіе Стихотворцы желали быть на вашемъ мѣстѣ!

Тамъ въ открытыхъ мѣстахъ вся страна внемлетъ гласу его; онъ увеселяетъ и самыя дерева, звѣрей и путешественниковъ, больше нежели на сто шаговъ разстояніемъ,

Прелесть его гласа приносится къ веселому слуху,
И по всему лѣса пространству онъ щелкаетъ.

Здѣсь привѣтствуетъ онъ изъ близкой вѣтви проходящихъ, и останавляетъ ихъ повелительно. То прыгаетъ онъ на древо, то слетаетъ долу, то моетъ въ прохладномъ ручьѣ перья, то вызываетъ паки эхо къ новому пѣнію. Странники то сидятъ, то остановляются, то слухъ преклоняютъ со вниманіемъ; въ таковое приводитъ онъ ихъ восхищеніе!

Толь великъ есть гласъ и духъ превосходнаго Соловья! но тѣмъ менѣе составъ его тѣла. Мы же, которые гласъ нашъ не съ толикимъ учащеніемъ и пріятностію въ честь Зиждителя возвышаемъ, больше имѣемъ плоти; или по крайней мѣрѣ духъ нашъ болѣе оною удрученъ и заглушенъ.

LXXVI.

ПАВЛИНЪ.

ВОЗНОСИТСЯ ПАВЛИНЪ ПУШИСТОЙ ЛѢПОТОЙ,
НО МЕРЗОСТЬ НОГЪ УЗРѢВЪ ГНУШАЕТСЯ СОБОЙ.

LXXVI.

ПАВЛИНЪ.

Гордая и властолюбивая *Юнона*, о которой одинъ изъ славнѣйшихъ Стихотворцовъ сіе прелестное сдѣлалъ описаніе:

Величественныя тѣлодвиженія,
И высочество никогда себя не забывающее
Учинили Юноною ту,
Которая толь великимъ духомъ одарена была.
Вѣнецъ, скипетръ облака, павлины,
Долженствовали возвысить ея мужество,
Для примѣра всѣхъ женъ
Правительствовать умѣющихъ;

Сія царица боговъ имѣетъ всегда возлѣ себя посвященнаго ей павлина, или шествуетъ въ колесницѣ везомой павлинами. Когда сія *Юноны* птица обращаетъ на хвостѣ разноцвѣтное свое и зерцаловидное колесо, и изъ безчисленныхъ кружковъ изящные цвѣты сверкаютъ; тогда и самая *Ирида*, оная вѣрная *Юноны* услужница, посрамляется. Въ немъ представляется взору все то, что только въ птицѣ назвать можно прекраснѣйшимъ; и ни единый *Зевксъ* и *Анжело* не довели еще красокъ своихъ до того совершенства, каковы суть павлина. Чего ради по справедливости *Аѳины* почитали его за нѣкоторое величайшее чудо естества; а *Александръ Великій* толикое къ нему имѣлъ почтеніе, что запретилъ подъ жестокою казнію умерщвлять его. Природа возложила на него нѣкій родъ вѣнца, дабы другія птицы его почитали. Къ тому же умѣетъ онъ и самъ себя

въ

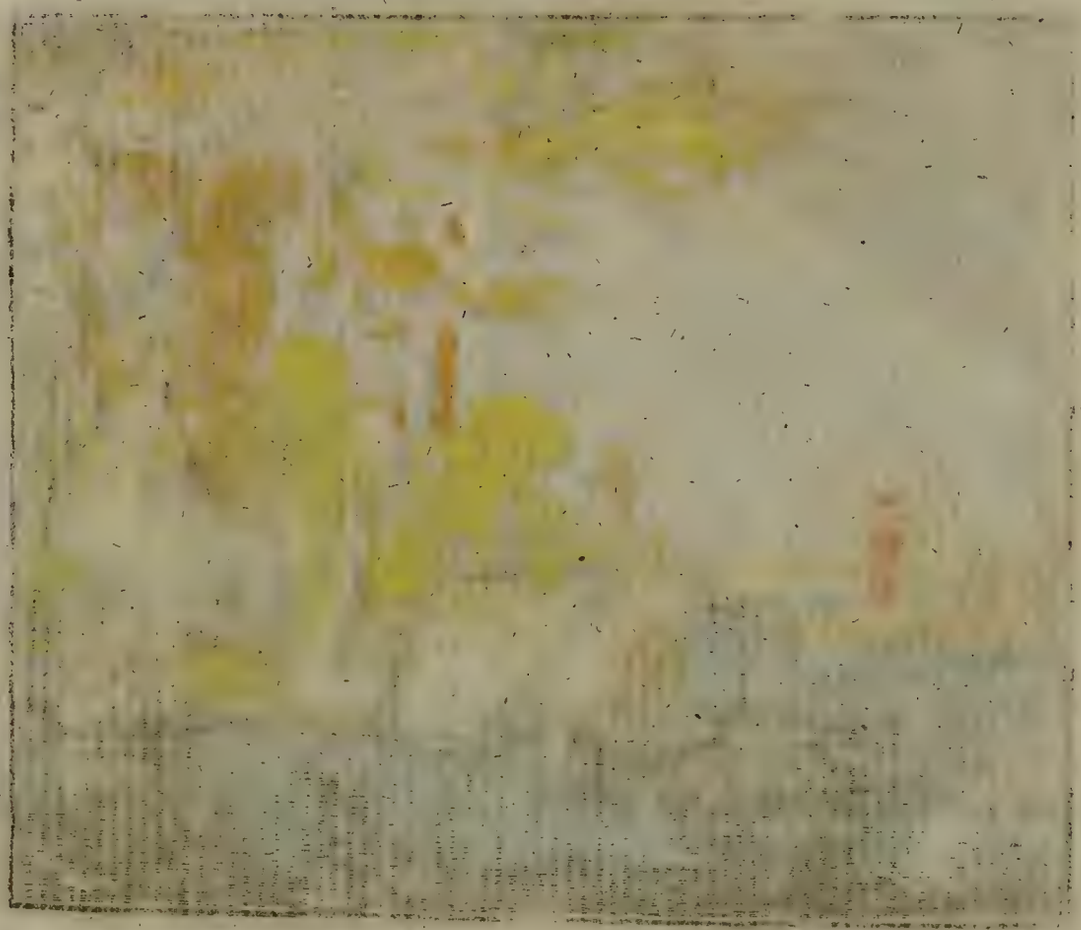
вѣ почтеніи содержать, и придавать образу своему нѣкую важность, которая ничѣмъ инымъ какъ только нечаяннымъ взглядомъ на гнусныя свои ноги унижается.

Похвальное бы и славное дѣло было, если бы можно усмирить гордость воцарившуюся межъ человѣковъ, женщинъ, благородныхъ, богачей и владыкъ міра, такъ же какимъ нибудь взоромъ брошеннымъ на мерзость сущую въ нихъ при всемъ ихъ великолѣпіи, или на стопы спѣшащія уже ко гробу. Вы паче всѣхъ, вы красавицы, кои взираете неотступно на суету вашу въ зерцалѣ, и кои утопая почти въ радости и веселіи, возноситесь выше самихъ себя на подобіе павлина, а паче когда вы въ одѣяніи устроенномъ на костяхъ и пышно распущенномъ свѣту являетесь! помышляйте о павлинѣ яко о знаменованіи суеты и человѣка красноличнаго, но малоумнаго и буеслова.

LXXVII.

ЛЕБЕДЬ.

ОНЪ ВОСПѢВАЕТЪ ПѢСНЬ ПРЕДЪ СМЕРТІЮ СВОЕЮ,
ЛИКУЯ НАДЪ СОБОЙ И НАДЪ ПРИРОДОЙ ВСЕЮ.



LXXVII.

ЛЕБЕДЬ.

Сія птица посвященная *Аполлону* называется купно *Венериною*, или по причинѣ бѣлизны перьевъ своихъ, либо по тому, что древніе почитали ее похотливою. *Венеру*, яко богиню красоты, представляютъ стихотворцы ѣдущею на колесницѣ везомой лебедями. Лебедь споритъ и съ самимъ снѣгомъ о преимуществѣ своея бѣлизны, красуется на водахъ во кругъ мещущимися очами и въ верьхъ подъятою шеею. Онъ есть корабль одушевленный: нагбенный его хвостъ составляетъ кормило, глава представляетъ носъ, ноги служатъ ему веслами, и при быстромъ теченіи крылья его дѣлаютъ распростертыя вѣтрила.

На ручьяхъ, въ коихъ цвѣты, какъ въ зерцалѣ зрятся,
Плаваетъ лебедь по гладкимъ струямъ,
И преклоня къ мягкимъ крыльямъ
Шею свою, колебаясь локоится.

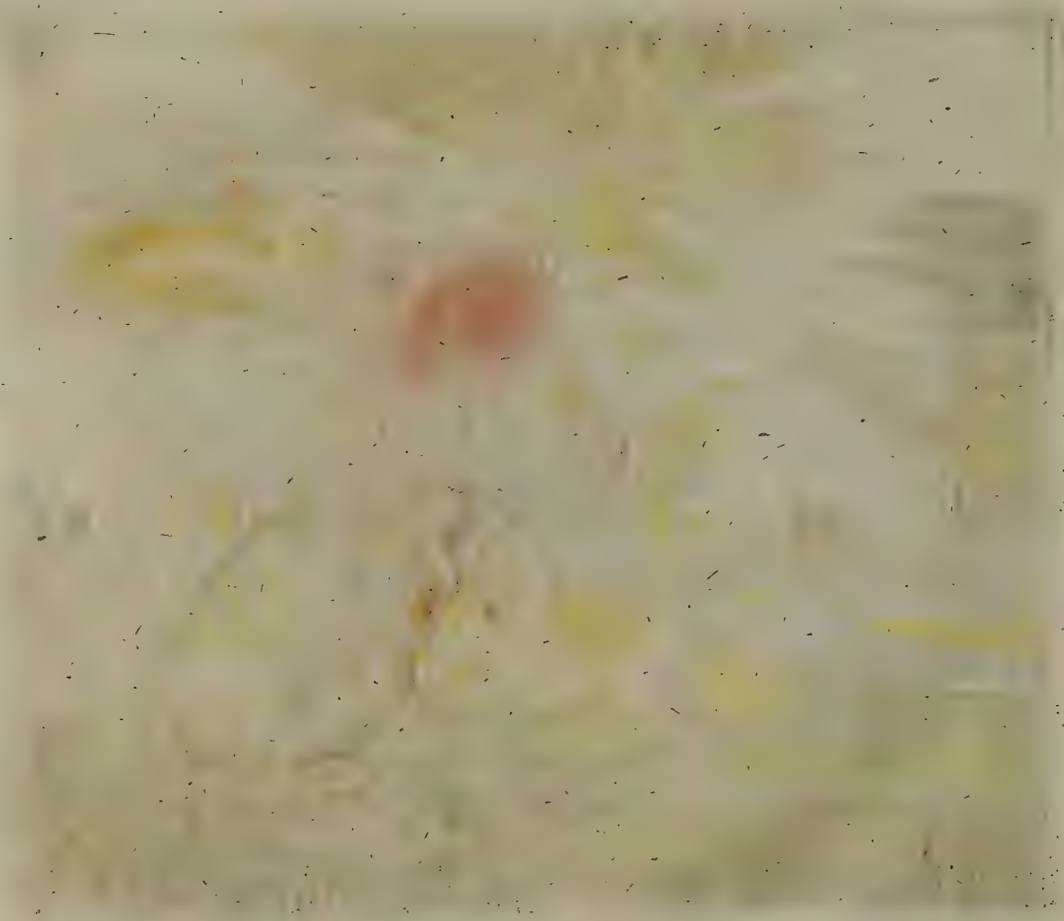
Тако увеселяетъ онъ очи удивляющихся ему! Для единаго только слуха онъ безгласное твореніе; тщетно ожидаемъ отъ него гласа и пѣнія. Напослѣдокъ лебедь будучи исполненъ дней своихъ, изнемогши уже въ силахъ, и приближась ко вратамъ смертнымъ, воспѣваетъ въ первый и послѣдній разъ гласомъ превосходящимъ пѣснь и самаго соловья. Вся жизнь его течетъ въ смиренномудріи, добротѣ и великолѣпіи! но и смерть его не меньше величественна. Тако подобаетъ человѣку убѣлити нравы свои, имѣть чистоту сердца, и какъ жизнь свою такъ и смерть проходить съ веселіемъ духа.

Стихотворцы, не взирая на противорѣчіе испытателей естества, по неоспоримому своему нраву всегда заставляли лебедя пѣть и приняли его своимъ знаменованіемъ. *Горацій* до тѣхъ поръ называться будетъ *Венузинскимъ лебедемъ*, доколѣ не престанутъ его читать, то есть до скончанія міра. *Лолецъ* де *Вега*, отецъ Гишпанскихъ комедій, именовался при жизни своей *Аполлоновымъ* лебедемъ, какъ за изящность нравовъ; такъ и за пріятность своихъ стиховъ и для того изображается онъ обыкновенно съ сею птицею.

LXXVIII.

ПѢТУХЪ.

ОТВЕРГШУСЯ ПЕТРУ ТРЕКРАТНЫЙ ВОЗГЛАСИТЕЛЬ;
ТЕКУЩА СОЛНЦА КЪ НАМЪ ПЕРВѢЙШІЙ ВОЗВѢСТИТЕЛЬ.



LXXVIII.

ПѢТУХЪ.

Внѣшнимъ видомъ и бодростію своею превосходитъ пѣтухъ многихъ птицъ. На главѣ своей носитъ вмѣсто вѣнца красный гребень, а на ногахъ шпоры устрашающія его непріятелей. То воспѣваетъ онъ, то вокругъ себя разгребаетъ, то выступая гордо красуется надменнымъ хвостомъ посмѣваяся и тѣмъ, кои занятыя отъ него перья носятъ на шляпахъ. Въ сраженіи и битвѣ нѣтъ подобной ему птицы. Два пѣтуха сражаются носами, когтями и шпорами до тѣхъ поръ пока одинъ изъ нихъ не будетъ низложенъ; тогда уже побѣдитель торжествуетъ надъ нимъ свою побѣду громкимъ и кичливымъ восклицаніемъ. По сей причинѣ знаменуетъ пѣтухъ битвы и побѣду; ибо онъ всѣхъ звѣрей упорнѣе въ сраженіи, и готовъ лучше умереть, нежели уступить. Древніе приписывали его богу войны вмѣсто признака, и разбитіе Испанцовъ претерпѣнное отъ Французовъ изображено было подъ видомъ льва отъ пѣтуха бѣгущаго.

Ни единъ мужъ не можетъ одержать толикой власти надъ одною супругою, какую пѣтухъ имѣетъ надъ множествомъ своихъ яйцеродныхъ женъ. Но онъ и печется объ нихъ, тщательно уготовляетъ имъ столъ, проворно, хитро и мужественно защищаетъ ихъ отъ непріятелей. О вы человѣческіе мужья! подражайте ему въ сихъ добродѣтельныхъ подвигахъ.

Онъ будучи такъ же знаменованіемъ бдѣнія и бодрости, поставовлялся на зданіяхъ для попомства воздвигнутыхъ,

между

между признаками *Менервы* (*) и *Меркурія*, а особливо былъ онъ посвященъ *Ескулалію*. *Пивагоръ* почиталъ его выше орла, поелику онъ вѣстникъ солнца пробуждаетъ человѣковъ отъ излишняго сна; и перемѣну погодъ вѣрно предвѣщаетъ.

Для единаго только ПЕТРА былъ онъ ужасенъ, когда пѣтелъ пробудивъ спящую въ немъ совѣсть, открылъ его клятвопреступленіе, котораго онъ прежде по твердой своей вѣрѣ не ожидалъ, и которое послѣ учинивъ по малодушію трекратно предъ Господемъ, оплакивалъ съ сердечнымъ и умиленнымъ покаяніемъ. Великій Боже! коль несносный бы ушамъ смертныхъ раздавался крикъ по землѣ, естли бы при всѣхъ лживыхъ клятвахъ, и коль кратно Тебя отвергаются, пѣтелъ возглашалъ!

(*) *Минерва* богиня наукъ и художествъ, такъ же и войны; *Меркурій* богъ купечества; *Ескулалій* богъ врачебныя науки.

LXXIX.

РЫБЫ ВООБЩЕ.

БЕЗГЛАСНЫ СОНМЫ РЫБЪ ПОКРЫТЫЕ ВОДАМИ,
ИГРАЯ БѢГАЮТЪ ГЛУБОКИМИ ПУТЯМИ.

LXXIX.

РЫБЫ ВООБЩЕ.

Коль несчетное множество рыбъ замыкаютъ въ себѣ рѣки и моря! И коль богатую дань платитъ влажное естество нашему чреву! Считай токмо сомовъ, угрей, осетровъ, сазановъ, окуней, пискарей, такъ же и морскія рыбы, семги и севрюги: но кто можетъ всѣхъ ихъ наименовать и изчислить? Взирай на рыбную ловлю; сколь коварно умышляетъ человѣкъ на сонмъ чешуею покровенный; сколь неутомимо трудится онъ и съ коликою радостію извлекаетъ мрежу свою!

Рыбарь, привязавъ лодію свою ко древу,
Съ радостію влечетъ, аки въ возмездіе утренняго времени,
Полную мрежу на брегъ, и сколь много она приноситъ,
Жадными очами изчислить старается.
Тогда вынимаетъ онъ рыбу изъ мрежи по единой,
И взявъ въ руку оцѣняетъ ее по вѣсу.

Поелику рыбакъ ввергаетъ мрежу свою на одно только слѣпое счастіе, то часто проведши онъ цѣлую нощь въ тщетныхъ трудахъ, ничего не уловляетъ. И при удачной ловлѣ бываютъ худыя и хорошія, малыя и великія рыбы. Толь слѣпо щастіе повсюду, и въ водѣ видитъ оно еще менѣе нежели на землѣ. Вы злые благотворящіе! помышляйте о томъ, что смерть такъ же есть слѣпа; ей все равно; злыхъ ли она, или добрыхъ похищаетъ; и ушедшій нынѣ изъ мрежи ея, на утріе находится въ равной опасности быть похищеннымъ.

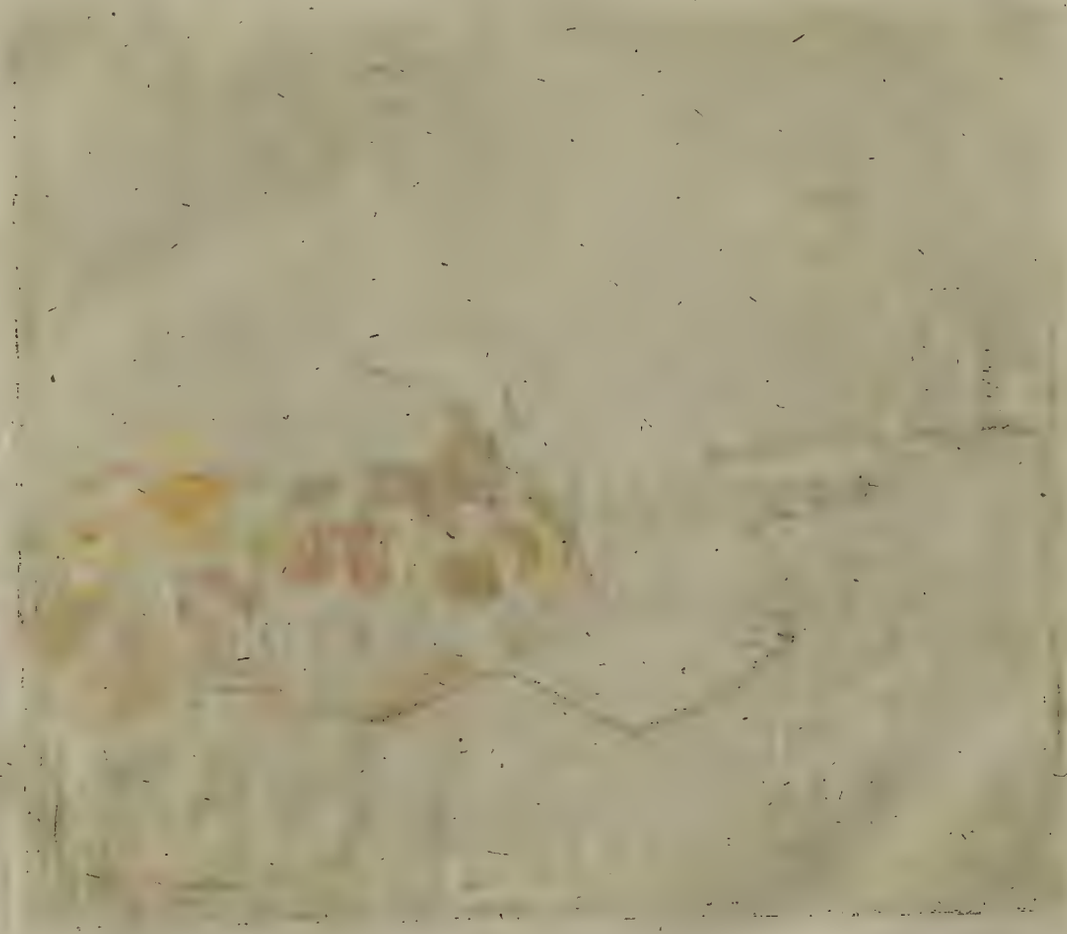
Рыбы не только прельщаютъ вкусъ человѣковъ, но долженствуютъ еще быть священнѣйшею и совершеннѣйшею пищею ходящихъ и летающихъ животныхъ. Но вопще назначены они трапезою во дни поста; онѣ хотя и имѣютъ плоть но не мясо; ими не можемъ насытиться, не пріуготовя ихъ во множествѣ и разнымъ образомъ. Яденіемъ ихъ дѣлаемся мы нѣсколько набожнѣе, нежели вкушеніемъ мясъ; безъ сомнѣнія обуздаваютъ онѣ сильнѣе, влажностію и хладомъ своимъ, пылкость человѣческую.

Коль щедро природа старалася о постахъ, давъ намъ толикое изобиліе въ рыбахъ? Осетры, стерляди, сельди, треска и другія породы суть безчисленны и неизчерпаемы! но Ропщущій на все, будучи не доволенъ тѣмъ, что рыбы имѣютъ кости, раздражается за столомъ, и помышляетъ о ихъ превращеніи!

LXXX.

БОЛЬШІЯ РЫБЫ.

НЕ СИЛОЙ ЧЕЛОВѢКЪ, НО ХИТРОСТЬЮ СВОЕЙ,
ГЛАВУ СТИРАЕТЪ СИМЪ СТРАШИЛИЩАМЪ МОРЕЙ.



LXXX.

БОЛЬШІЯ РЫБЫ.

За горы и цѣлые острова почитаются огромныя рыбы, созданныя Всемогущаго десницею, во устрашеніе и на пользу человѣкамъ.

Рыба надмевающая своимъ проходомъ великія рѣки,
И производящая хвостомъ сильное волненіе.

Китъ, говорю, вздымаетъ толь великія волны, что цѣлые корабли покрываясь оными утопаютъ. Мореходцы находясь въ великомъ страхѣ, принуждены защищать себя противъ его огнестрѣльными орудіями, какъ противъ сильнаго воинства. Въ сѣверныхъ странахъ извѣстныхъ суть бородатые, тощіе, косматые, воласистые, продолговатые, однорогіе, водомещущіе и воду въ себя пожирающіе, зміеобразные, тѣпунные, нечистые, и безчисленные другіе киты, поглощающіе человѣковъ и опрокидывающіе корабли. Но хитрость ловитъ и умерщвляетъ сихъ огромныхъ чешуею покрытыхъ исполиновъ; ласкательство приманиваетъ ихъ ко брегу, а искуство изобрѣло тысячу средствъ, для оказанія надъ ними своего могущества. По одержаніи же сея побѣды корысть и добыча раздѣляется, а наипаче кости ихъ разсылаются во всѣ страны свѣта.

Да не уповаетъ никто на могущество и крѣпость силъ своихъ. И самые сильнѣйшіе на землѣ уже пойманы и преодолѣны ласкательствомъ и хитростію. *Самсонъ*, яко самая крѣпость, низложенъ хитростію коварныя жены; не

спасется

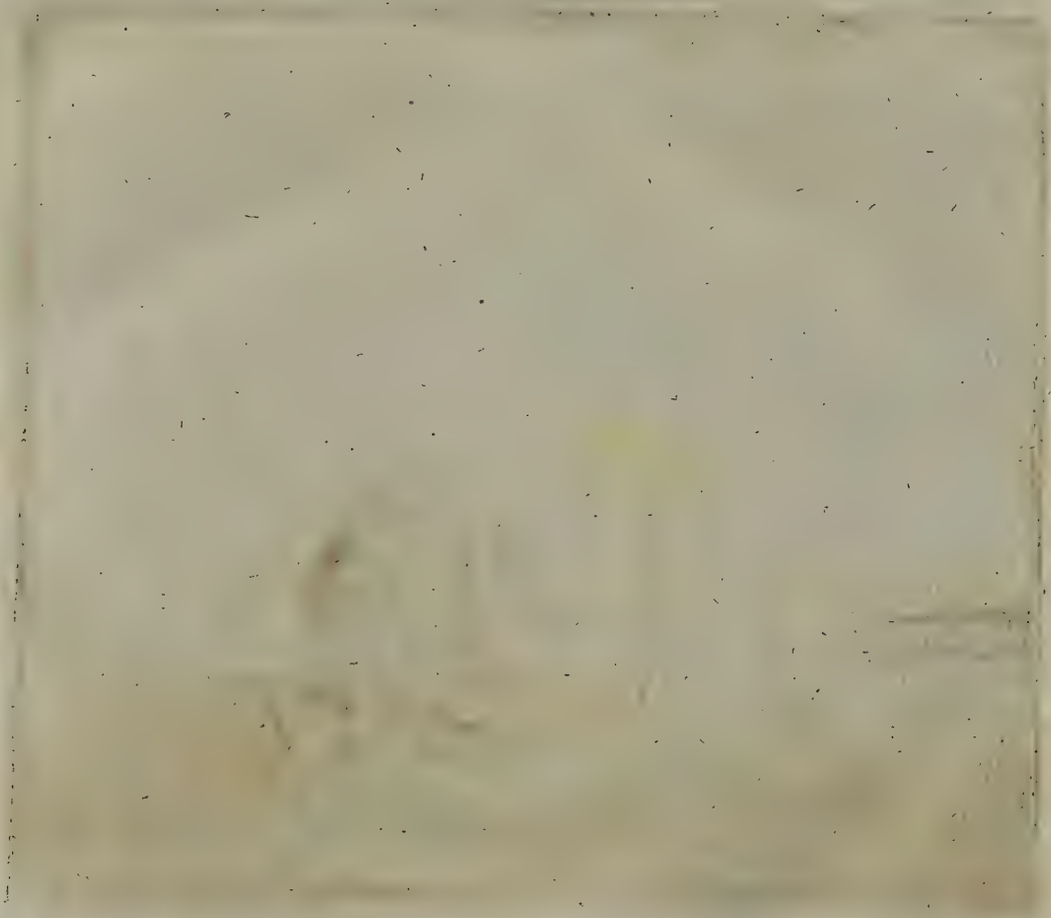
спасется царь многою силою; и исполинъ не спасется множествомъ крѣпости своея, ложь конь во спасеніе. Господь создавый преплавающіе въ морѣ киты, раздѣляетъ море силою своею, сотреваетъ въ водахъ главы змѣевъ, сокрушаетъ китовъ, и даетъ ихъ во снѣдь человѣкамъ.

Въ прочемъ весьма справедливо сказалъ одинъ мудрецъ: что находятся въ морѣ престранныя чудовища, различные звѣри и киты, чрезъ коихъ преходятъ корабли. И сихъ чудовищъ довольно уже для Творческаго созданія и нашего восторга, хотя и нѣтъ тамъ ни мужеска ни женска пола изъ человѣческаго роду.

LXXXI.

МАЛЫЯ РЫБЫ.

СЪ НЕОСТОРОЖНОСТИ ПРИМАНКОЙ ОБОЛЬЩЕННА,
СТАРАЯСЬ КОРМЪ ДОСТАТЬ БЫВАЕТЪ УЛОВЛЕННА.



LXXXI.

МАЛЫЯ РЫБЫ.

О рыбка! ты играешь, трепещешься и бодро бѣгаешь въ кружокъ. — Или думаешь ты въ своихъ водахъ быть безопасною, и почитаешь волны за укрѣпленныя твои мѣста? Сколь ты обманываешься! Уже подъ водами сокрыты вершы, уготовляющія тебѣ мрежу и ускоряющія смерть твою. Не сбылась бы когда ни есть пословица съ тобою: искать пищи въ вершѣ, есть гоняться за смертію. Или ты не испытала еще уды, которая въ водахъ толико кратъ окрестъ тебя играла? Правда, она подаетъ тебѣ снѣдь, но съ тѣмъ умысломъ, дабы тебя сдѣлать снѣдію. Ты достаешь приманку, и се достаетъ она тебя; ты чаешь похитить ее, но она тебя похищаетъ; ты тѣснишься къ брошенному возлѣ брега хлѣбу, и се тѣснишься ты въ опасность и бѣжишь въ погибель. Здѣсь простосердая висишь ты поймана; и хотя избавляютъ тебя отъ прободающей и терзающей уды, однако не спасаютъ отъ позорныя смерти, которую ты претерпишь сугубо.

Но для чего я съ безгласною и неразумною рыбою въ толь долгій разговоръ вступаю? Есть человѣки, кои бы меня лучше, нежели неразумные водные жители, слушать и понимать могли: но и сіи земные мудрствующіе обитатели хотя и небезгласны, однако столь глухи, что никакія увѣщеванія не могутъ ихъ предохранить отъ опасности. Ихъ приласкиваютъ на подобіе рыбъ, уловляютъ вкусными яствами, крѣпкимъ питіемъ, ослѣпляющимъ златомъ,

 и

и плѣняющими женщинами. Сіи то Сирены влекутъ человѣка на подобіе рыбъ во мрежу гибели! --

Ихъ ласкательное пѣніе останавляетъ пловущіе корабли
И вливаетъ сладкій ядъ въ поколебанныя сердца,
Кои прелестью смягчившись легко отдаются въ обманъ.

Земные жители! вы которые отто всѣхъ слышите, усматриваете то на другихъ, и сами дознаете опытомъ, еще не избѣгаете и понынѣ примана и сладости, въ которыхъ ядъ и смерть сокрываются! Рыбарь, желая поимать нѣкоторыя самоловныя рыбы, опущаетъ на длинной верви онаго рода самку въ воду; внезапу стекаясь онѣ къ своей водной невѣстѣ уловляются. Не то ли бываетъ и съ нами?

LXXXII.

ЧЕЛОВѢКЪ.

ПОДОБІЕ ТВОРЦА ЯВЛЯЮЩАЯ ТВАРЬ,
ВЛАДѢТЕЛЬ ПТИЦЪ, ЗВѢРЕЙ, ВСЕЯ ПРИРОДЫ ЦАРЬ.

LXXXII.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Се предстоитъ истинный образъ Всемогущаго, совершеннѣйшій опытъ творенія!

Великолѣпное созданіе Божіе изображенное изъ персти,
Совершеннѣйшее твореніе Превѣчнаго,
Намѣреніе и конецъ чудесъ Его.

Но что я называю человѣка совершеннѣйшимъ опытомъ искуства? онъ есть собраніе высочайшихъ искуственныхъ опытовъ.

Въ немъ соединяется тѣлесное искуство и великолѣпіе,
И каждый членъ дѣлаетъ его господиномъ творенія.

Коль величественно есть слово глаголанное Тріипостаснымъ въ превѣчномъ Его совѣтѣ: *Сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію, и да обладаетъ рыбами морскими, и птицами небесными, и скотами, и всею землею и всѣми гады пресмыкающимися по земли!*

Да преклонится убо вся земля предъ гласомъ твоимъ о человѣкѣ! Тебя ради все существуетъ, и созданіе міра дѣлаетъ тебя единоначальникомъ, безъ всякихъ завоеваній. Цѣлое царство тебѣ уготовано, и безчисленные подданные обитаютъ тамо: во оное входишь яко царь и владыка жизни и смерти ихъ!!

Что есть человѣкъ, яко Ты Господи помниши его; или сынъ человѣчь, яко посѣщаеши его?

Не

Не довольно было уготовити намъ тончайшее, преискусное и великолѣпное тѣло; Божество вдыхаетъ еще человѣку разумную и безсмертную душу. Она неощутительна оку, на подобіе тѣла нашего, сего прекраснаго истукана созданнаго изъ персти; но она мыслитъ, и потому есть она; и коль много, коль быстро, и коль удивительно она мыслитъ! Да и для чего ей таковымъ образомъ не мыслить, когда снизходитъ она съ небесъ, и проистекаетъ изъ неизмѣримаго моря, неизчерпаемаго источника мыслей! Благодареніе буди Создателю, что я мышлю! И ты мой духъ помышляй объ немъ — помышляй благоговѣйно и навсегда.

Образъ Государей начертавается на деньгахъ. *Воздадите,* вѣщаетъ Спаситель, *Кесарева Кесареви.* Вы человѣки! *воздадите Божія Богови,* образъ его, вашу безсмертную душу. А тѣло? И оное воздадите и посвятите храму Божества, не хотящаго обитать во храмахъ и зданіяхъ сооруженныхъ рукою вашею.

LXXXIII.

ЮНОША.

ВЪ ПУЧИНУ ЛЮТУЮ СТРАСТЕЙ ГОРДЯСЬ ВПАДАЕТЪ,
И ВЪ ЛОНѢ МАТЕРНЕМЪ СЕБЯ ОНЪ ЗАБЫВАЕТЪ.

LXXXIII.

Ю Н О Ш А.

Время исполнено цвѣтами и красотою безпрестанно веселящіяся юности,

Когда еще сокъ бодрыхъ лѣтъ
Въ распростертыхъ жилахъ кипитъ,
И о потерянныхъ силахъ.
Никакая жалоба не приносится;
Колико надежда намъ тогда
Описываетъ грядущую старость спокойно,
И мы съ полною достовѣрностію ожидаемъ,
Что насъ тогда единое токмо щастіе лучами своими освѣщать будетъ.

Но съ теченіемъ времени, нашедъ себя обманутыми, ругаемъ и клянемъ дни нашея юности. Кто же тому виною? Конечно не Творецъ устрояющій сіи дни веселія, но самъ неукротимый юноша, не терпящій обузданій, непреклонный ко гласу совѣтовъ, и ослѣпляющійся единственно пораженіемъ чувствъ. Колесницы, кони, псы, одѣянія, игры, плясанія и всякаго рода дѣвицы, привлекаютъ его къ себѣ. Онъ живетъ, какъ будто бы жить ему только сего дни; не печется не о чемъ, и ничего не щадитъ; простодушенъ и незнающъ свѣта возноситъ сердце свое на чело; величается множествомъ злата и сребра; ищетъ содруговъ для своего расточенія; уклоняяся отъ родителей и друзей ввѣряетъ себя обманщикамъ и игрокамъ, истощеваетъ силы юности своея, ослабѣваетъ, старѣется прежде своей старости, и часто прежде жизни умираетъ.

Блаженъ, коего сердце уже въ отрочествѣ поучилося

 пре-

премудрости, и почувствовавъ ея прелесть утвердилось въ добродѣтели. Блаженъ есть

Юноша подавый младою своею добродѣтелью
Примѣръ благовослитанному юношеству.
Онъ стараго отца отрада и жезлъ,
Подающій ему вящшую надежду.

Сей и въ юности своей есть старъ, однако съ честію и безъ ослабленія силъ; пребываетъ младъ и во дни старости своея. Одинъ токмо онъ наслаждается весною дней своихъ, веселится юностію, и истинное ощущаетъ удовольствіе: ибо съ добродѣтелью обитаютъ мужественный духъ, добрые и ясные дни, распростершеяся на челѣ душевное веселіе, и пріятное созерцаніе будущаго, въ которомъ никакое раскаяніе насъ не терзаетъ, и совѣсть не укоряетъ преткновеніями юности.

О! юноши! отложите закоренѣлыя въ васъ мнѣнія, повреждающія вашу юность; и помышляйте о томъ, что весна не вѣчно пребываетъ, и что послѣ знойное и изсушающее лѣто, хладная осень, и жестокая зима наступаютъ.

Будьте заблаговременно разумны: такъ будете долголѣтнѣе,
Тѣломъ крѣпче, въ сластолюбіяхъ хладнѣе;
И возслѣдуетъ по семъ веселая и глубокая старость.

LXXXIV.

СТАРИКИ.

ИЗСОХШІЙ ВЕСЬ СТАРИКЪ КОЛЕБЛЕТСЯ, ДРОЖИТЪ
СЪ ДОСАДОЮ ВЛЕЧА ТЯГЧАЙШЕ БРЕМЯ ТѢЛА,
И ПОСОХЪ ЛИШЬ ОДИНЪ ЕГО УЖЕ ДЕРЖИТЪ.

LXXXIV.

СТАРИКИ.

Взирайте здѣсь на прямое сословіе старцовъ! Что дѣлаютъ они? Съ изморщенными челами и угрюмымъ видомъ, приносятъ жалобу на лѣта не нравящіяся имъ, на худыя времена, на суету юности, на расточеніе и вѣроломство нынѣшняго свѣта. Въ мои времена, вѣщаетъ первый. - - - - Конечно во дни юности моея, говоритъ другій. - - - - Однако въ погдашнія времена, все не то было, отвѣчаетъ третій. - - - -

Туга и печаль объемлютъ старца тяжкими раменами,
Хребетъ его, выдался въ передъ, легкіе власы блѣднѣютъ;
Сердце безпорядочно бьется, мутное око померкаетъ,
Смертный багрянецъ появляется, и всѣ соки загустѣваютъ.

По чему и мысли ихъ одна другую взаимно обвиняющія, и рѣдко другъ друга оправдающія, бываютъ мрачны, погружены въ задумчивость, не довольны Божествомъ и міромъ, ворчаливы, и человѣческому обществу несносны.

Но коль скоро премудрый бесѣдуетъ старецъ, то отъ сѣдыхъ власовъ
Пріятный его разговоръ получаетъ новую важность;
Я видѣлъ уже прошедшія времена; и девятидесятилѣтнее бремя
Укрѣпившее мой духъ, согнуло только мое тѣло.

Бодрый Юноша внемлетъ ему съ охотою и горячею жадностію, когда онъ, во славу Зиждителя, бесѣдуетъ съ нимъ о жизни своей; воспоминаетъ о веселыхъ часахъ и

дняхъ

днях бывших ему забавою; живо изображает Императоров и Царей владычествовавших в его вѣкѣ; описывает войны и дѣйствія, в коих он сам находился; повѣствует об них любопытному юноше с вящшею точностію, нежели какову имѣют истоpіи; при том подает ему удобопонятныя и гораздо полезнѣйшія наставленія, нежели темные учители и высокопарныя книги. Юноша пришед в восторг бесѣдою премудраго старца, приближается к нему с раболѣпствующим благодареніем, и будучи им облобызан и наставлен радоватися о юности своей, вскорѣ притекает к нему паки для вящшаго поученія. Самый старец терпѣливо сносит бремя дряхлости своея, и дней исполнен повергается с радостію в объятія смерти, которыя он никогда не ужасался и никогда безумно не призывал.

Но первые и на все ропщущіе старики, желают ли охотно умирать, и призывают ли когда смерть? Весьма вѣроятно то быть кажется: ибо они мір сей и увеселеніе его смертельно ненавидят; при том устранившись от грѣха и похотей міра сего, оказываются быть набожными, и уже умереть готовыми. Однако мы находим совсѣм тому противное. Они вооружась противу смерти суковатым посохом служащим им подпорою, преходят помощію трех ног через гроб, и желают в эном мірѣ остаться безсмертными.

LXXXV.

ЗДОРОВЫЙ.

КЪ ТЕБѢ, О НЕБО! НАШЪ МОЛЕНІЙ ЖАРЪ ПЫЛАЕТЪ,
ДА ЗДРАВЫЙ УМЪ И ДУХЪ ВЪ СЕМЪ ТѢЛѢ ОБИТАЕТЪ.

LXXXV.

ЗДОРОВЫЙ.

Почто піемъ мы за здравіе другъ друга? для чего не слѣдуемъ совѣту новопросвѣщенныхъ вольноумсіпвователей, кои ищутъ истребить сей ветхій, ненужный, и по мнѣнію ихъ никакого разума въ себѣ не заключающій обычай? Кто не знаетъ, что въ нынѣшнія времена истребляютъ все: вѣру, правосудіе, вѣрность и честное имя? почто же не истребить и питія за здравіе? Ахъ нѣтъ други мои! не преставайте хранить сей достохвальный предковъ вашихъ обычай: пейте за здравіе, но при томъ и помышляйте. - - - - Помышляйте, что здравіе есть высочайшее земное благо; что другу ничего лучшаго не можно желать какъ здравія; что не можно его нигдѣ удобнѣе потерять, какъ въ піянствѣ и пиршествѣ, и что піемое *Здравіе за здравіе*, должно намъ служить напоминаніемъ, чтобы мы желая онаго другимъ, и свое собственное хранили.

Но правду сказать, мы не прежде почитаемъ здравіе, какъ уже потерявъ оное. Се есть всеобщая истина: однако меньшая часть изъ насъ признаетъ ее за точную и дѣйствительную; и мы ничему столь худо и пренебрежно не обучаемся, какъ искусству и правиламъ хранящимъ наше здравіе. Тотъ благополученъ только, кто сію науку разумѣетъ; а не тотъ коему потерянное и своевольно расточенное здравіе паки возстановлено. Однако и сей неблагополученъ, естьли токмо онъ чрезъ то умудрился.

Но что есть здравіе? когда въ крѣпкихъ жилахъ умѣренно кипящая кровь не причиняетъ ни палящаго жара, ни

 хлада

хлада производимаго трясавицею; когда желудокъ пожертую пищу хорошо свариваетъ и тлитъ; когда чувственныя жилы ни ослабленно ни стремительно возбуждаются; когда уста исполнены румянца усмѣхаются, чело не морщится, глава и духъ спокойны и бодры: всѣ члены услуги свои охотно и проворно исправляютъ; словомъ, когда все тѣло наше цѣло и безвредно, тогда то мы здоровы. Но въ то время и радость изъ очей человѣка сіяетъ, тогда, всѣ члены его дѣйствуютъ, и онъ ко всему способенъ. Князь ловитъ звѣрей, ученый мудрствуетъ и пишетъ, промышленникъ мѣняетъ, гражданинъ трудится, земледѣлецъ ходитъ за плугомъ, воинъ сражается; и каждый спокойно и со удовольствіемъ провождаетъ жизнь свою.

Тогда является благопріятная веселость и охотное упражненіе,
Заботы усыпляются, и злыя похотѣнія умолкаютъ.

Но въ союзники *Венеры Лиэя!* вы не хощете хранить вашего зворовья, не хощете вѣрить, что крѣпость тѣлесныхъ силъ умаляется: изрядно, ожидайте убо времени умудряющаго всѣхъ глупыхъ и безразсудныхъ.

LXXXVI.

БОЛЯЩІЙ.

НАСЛѢДНИКОВЪ МОЛЬБА, ЖЕЛАНІЯ БОЛЬНЫХЪ,
ИСХОДЯТЪ ЛИШЬ ИЗЪ УСТЪ, НО НЕ ОТЪ СЕРДЦА ИХЪ.

LXXXVI.

БОЛЯЩІЙ.

Больный плавая на мягкой пуховой перинѣ, мнитъ себя лежаща на древѣ и камняхъ. Онъ стенаетъ, приноситъ жалобу и вопіетъ: что болитъ у него хребетъ, голова, сердце, грудь, желудокъ, лядвіи, селезенка, печень, и что всемъ онъ страждетъ. Выходя изъ терпѣнія порывается отвѣдать разныхъ снѣдей, которыя отъ брезгливости при самомъ вкушеніи кажутся ему наполненными желчи. Съ угрюмымъ видомъ, но жадными устами досязаетъ онъ предписанное врачемъ лѣкарство, и слабая дрожащая его рука уже не въ силахъ удержать самыя легчайшія ложки. Врача обвиняетъ онъ, когда его лѣкарства не въ туже самую пособствуютъ минуту. Вскорѣ желаетъ онъ нощи, надѣяся отъ нея сна и успокоенія; но едва оная настала, надежда его исчезаетъ, и онъ паки воздыхаетъ о дни.

Колико кратъ болящій проведши долгую нощь во бдѣніи
Взираетъ на небо;
Сколь нетерлѣливо устремляетъ онъ свое око
На утреннее великолѣпіе солнца,
Когда сіяніе онаго разсылая лучи свои
Привѣтствуетъ день; и сколь радуется онъ тому,
Что уединеніе исчезло!

Тогда бесѣда пріятелей разгонитъ его скуку, и крайняя нетерпѣливость, видѣть паки врача, приводитъ на нѣсколько мгновеній страданіе его въ забвеніе

Уже

Уже притекаетъ вожделѣнный помощникъ, вопрошаетъ о покоѣ, осязаетъ біющуюся жилу и осматриваетъ мочу. Покивая главою стремится къ черниламъ и перу, вымышляетъ новыя средства и начертаваетъ оныя на бумагѣ. Но прежде нежели оныя заготовлены, болѣзнь и страданія его умножаются. Тотъ часъ призываютъ священника. Болящей обѣщается сему, по исцѣленіи быть добродѣтельнымъ и притти въ истинное покаяніе. Вскорѣ усилившейся болѣзни и тоскѣ, призываетъ смерть: *приди, приди, вожделѣнная смерть! скончай мои мученія!* Тако вопіетъ онъ; но коварный наслѣдникъ старается утѣшить его, желаетъ ему исцѣленія и долгоденствія, ругаетъ смерть и хощетъ отторгнуть ее отъ одра изнемогающаго. Сія блѣдная непріятельница жизни нашей стоитъ уже при дверяхъ; и такъ обманутъ будетъ теперь или больный призывающій ее, либо священникъ; смерть и наслѣдникъ ошибутся въ мысляхъ своихъ, естли болящій исцѣлѣвъ помощію послѣдняго врачебнаго искуства, сдѣлается еще хуждшимъ, нежели каковъ онъ былъ.

Болѣзнь есть преудивительное изобрѣтеніе Творца, вѣщаетъ стихопѣвецъ. Блаженъ приходящій чрезъ нее къ познанію добродѣтели! но блаженнѣе еще, кто не мучимъ и нетерзаемъ ею, провождаетъ жизнь свою, и будучи исполненъ дней усыпаетъ.

LXXXVII.

БОГАТЫЙ.

БОГАТСТВО ТОЛЬКО МИДЪ ЗА БЛАГО ПРИЗНАВАЕТЪ,
НО ДОБРОДѢТЕЛЬ ТО ЗА ПРАХЪ И ТЛѢНЪ СЧИТАЕТЪ.

LXXXVII.

БОГАТЫЙ.

Сидя за столомъ богатый сластолюбецъ разгребаетъ руками многочисленное злато, которое въ большемъ еще количествѣ въ наполненныхъ оныхъ сундукахъ и въ неподъемлемыхъ мѣшкахъ аки погребено лежитъ. Чтожъ дѣлаетъ онъ съ сими деньгами? Дѣлаетъ ли другихъ благополучными? Удовлетворяетъ ли себѣ? Послѣднее кажется быть справедливо, и самъ онъ тому вѣритъ: ибо вседневно живетъ онъ пышно и въ радости, одѣвается великолѣпнѣе и самихъ князей; скачущіе кони съ позлащенною гремящею колесницею ожидаютъ его у вратъ, лишь только помыслитъ онъ явиться свѣту и показать въ позорище свое убранство и колесницу. Но дѣлаетъ ли онъ другихъ благополучными? вопрошаешь ты. Конечно: своихъ угодниковъ, ласкателей, прихлѣбальниковъ и купно съ нимъ пиршествующихъ; такъ же и тѣхъ, кои на его душегрѣйку и другіе уборы умѣютъ сплесть похвальные стихи. Въ разсужденіи сихъ превосходитъ онъ не токмо Меценатовъ, но и самыхъ Августовъ. Сверьхъ сего онъ и псовъ своихъ дѣлаетъ благополучными; ибо ни единъ гражданинъ не вкушаетъ таковыхъ снѣдей, каковыя предлагаются Англинской его собакѣ; и ни одна гражданка не имѣетъ такого убранства, которое бы дороже стоило ошейника любимыя его собаки. А горнишныхъ и сѣнныхъ дѣвушекъ, домослужителей и управителя не дѣлаетъ ли онъ благополучными? Послѣднимъ дозволяется красть, а первыя не имѣютъ нужды въ сихъ уловкахъ: ибо всѣ онѣ въ короткое время выдаются съ богатымъ приданымъ за честныхъ людей, которые считаются

ются питомцами сего дома, и имѣютъ съ ними вольное обхожденіе. Но Лазарей, нищихъ, сирыхъ и вдовицъ дѣлаетъ ли онъ такъ же благополучными? Нѣтъ мой другъ! Ето такая негодная и преподлая тварь, которая никогда не смѣетъ коснуться порогу богачей, и со псами его ѣсть не достойна. Иногда отваживается вдовица внити во внутренность покоя, когда приноситъ ростъ и закладъ съ собою; но и сіи вещи часто отъемлютъ у нея слуги у самыхъ дверей, дабы не обезпокоился ихъ Господинъ безстыднымъ ея рыданіемъ и жалобами. Но почтеннѣйшая вдова разносящая по городу вѣсти, и одобряющая новую гадательницу, безъ доклада входитъ въ покои.

Но да вѣщаемъ важнѣе: ты соблазняешься богатствомъ Мидовымъ. Вѣдай, что оно низпосылается отъ Господа или въ наказаніе богачу, либо чтобъ потерявъ онъ свое возмездіе ничего уже болѣе впредь не надѣялся. Богатство добродѣтели всегда почти вредно, а иногда и пагубно. Я въ жизни моей одного только богатаго знаю, о которомъ совершенно увѣренъ, что онъ другъ человѣчества, добродѣтеленъ и состояніемъ своимъ доволенъ! О естьли бы могъ я осмѣлиться, сего благополучнѣйшаго изъ смертныхъ по имени назвать. --- Читая откровеніе прихожу во ужасъ, что оно вѣщаетъ о богатомъ! - - -

LXXXVIII.

Н И Щ І Й.

ПОКРЫТА РУБИЩЕМЪ ТѢЛЕСНА НАГОТА,
ДЛЯ ПИЩИ ДАННЫЙ ХЛѢБЪ И СЪ МИЛОСТИ ВОДА.
БОГАТСТВА СУТЬ ЕГО.

LXXXVIII.

НИЩІЙ.

Одной только денежки, или полушки проситъ у тебя съ умиленнымъ гласомъ и съ крайнимъ униженіемъ тотъ, который можетъ быть достойнѣе тебя, имѣть богатство и знатность, и который столько же мало виною своея скудости сколько ты причиною твоего изобилія. Рубище его раздранно, стопы наги, желудокъ алченъ, уста блѣдны, ланиты измождены, и члены его оцепенѣли отъ хлада. Коликое поношеніе для тебя и человѣчества, когда ты не одѣлъ, не напиталъ, не далъ ему прохлады и не согрѣлъ его! Твори сіе не обинуясь, или по крайней мѣрѣ давай ему больше нежели одну бѣдную полушку. Естлибъ ты на его мѣстѣ былъ, тобы конечно и ты желалъ равнаго подаянія. *Крисъ* коль скоро слѣлался *Иромъ*!

И милостынособиратель имѣетъ свое достоинство и важность, коихъ оскорблять не должно.

Глубокія древности старецъ сидѣвшій на распути,
Съ величествомъ вкушалъ отъ собираемыхъ крупицъ,

Воспѣваетъ Стихотворецъ и весьма справедливо: ибо старость честнаго милостынособирателя часто бываетъ почтеннѣе и величественнѣе сана мнимыхъ вельможей и владыкъ міра, заставляющихъ его терпѣти горе, и съ безчеловѣчіемъ на его взирающихъ.

Убожество исполненное радости и веселія, не дѣлаетъ никакого безчестія, говоритъ Епикуръ. Слѣдовательно естьли мы безъ грусти и печали, то мы и не убоги! Ибо не тотъ убогъ, кто имѣетъ мало, но кто имѣя много еще больше

имѣть

имѣть желаетъ. Тѣмъ менѣе убожество есть зло; развѣ тому только, кто не можетъ примѣниться къ бѣдности, и не хочетъ противостоять оной. Кольми же паче убожество не есть поношеніе. Однако для государства, пекущагося о благоустройствѣ и имѣющаго въ нѣдрѣ своемъ зажиточныхъ гражданъ, всегда будетъ позорно, допущать претерпѣвающихъ бѣдность валяться на распутіяхъ, не возложивъ трудовъ на крѣпкія рамена просящихъ.

Сколько безопасно живетъ не имѣющій ничего: столько великимъ почитается тотъ, кто при богатствѣ своемъ убогъ. Человѣкъ въ первобытномъ своемъ состояніи не имѣвши ничего, все имѣлъ, но коль скоро согрѣшилъ, то вообразилъ онъ себя быти нага и нища. Съ тѣхъ поръ въ самой вещи сдѣлался онъ таковымъ. Тогда началъ онъ всѣ силы свои устремлять на стяжаніе и богатство; и се внезапу появились гордыня, мучительство и безчеловѣчіе, кои и послѣдній остатокъ его благополучія и добродѣтели вконецъ истребили.

Естьли убожество научаетъ на великое зло, то научаетъ оно преподлыя только души, которыя при богатствѣ были сто кратъ еще злѣе. И такъ хотя бѣдный и похищаетъ, однако отстоитъ сей тать далеко отъ того богатаго корыстолюбца, который безъ наказанія остается.

LXXXIX.

ХРОМОНОГІЙ.

НЕ ХУДОЛЬ ВОИНОВЪ МАРТЪ ВЪ ЖИЗНИ НАГРАЖДАЕТЪ,
КОГДА ИХЪ НОГЪ ЛИШИВЪ И ПИЩИ ВСЕЙ ЛИШАЕТЪ?

LXXXIX.

ХРОМОНОГІЙ.

Прежде шествовалъ онъ прямыми и гордыми стопами. Ничто не могло стремленія его и мужества удержать, кромѣ непріятельскаго ядра, которое толь неизбѣжно храброму и самому лучшему воину. Оное сокрушивъ ногу уничтожило всю его надежду, и низложило его на ратномъ полѣ усланномъ поверженными его собратіями. Нынѣ проклинаетъ онъ войну; отъ жажды и болѣзни приходитъ въ отчаяніе; простертъ на землѣ обагренной кровію лежитъ нѣсколько часовъ, кои должайшими ему знойными днями быть кажутся; валяется на теплыхъ трупахъ убіенныхъ ратниковъ, яко ложѣ земныя славы; наконецъ погружается въ смертельное безчувствіе. Тогда притекаютъ жестокосердые избавители, влекутъ его въ больницу (по имени такъ называемую)! отпиливаютъ ему сокрушенную ногу; не столько для уврачеванія, какъ для испытанія своего искуства. Нещастный поспѣшно удаляется отъ сего мѣста, которое и самому воину ужаснѣйшимъ битвы и смерти быть кажется; и въ поношеніе тому, кто его невредима принялъ, а отпустилъ изувѣченна, влечется на костыляхъ для испрошенія милостыни. Еще придѣлываетъ онъ себѣ подложную ногу, и привязавъ оную искусно, влечетъ за собою свое нещастіе, которое при каждомъ ступаніи чувствуетъ и возобновляетъ.

Взирайте на себя, какъ въ зерцалѣ, вы, которые своевольно стремитеся на войну, и которые желая посмѣяться родителямъ и друзьямъ вашимъ, ничего себѣ кромѣ бѣды

 въ

вѣ добычу не получаете. Но когда презираете вы и самую жизнь вашу; то вѣдайте, что большая часть израненыхъ и обезображенныхъ скорѣе на волю отпущается, нежели въ руки желаемыя смерти впадаетъ; а еще и того больше лишаются жизни и уязвляются, нежели сколько *Мартъ* возводитъ въ достоинства и обогащаетъ.

Безногій при всемъ своемъ злополучіи находится еще въ опасности быть посмѣшищемъ отрокамъ, и едва доумѣваетъ какъ избавиться древяннымъ своимъ оружіемъ отъ собакъ возстающихъ на него. Единая токмо для него отрада, что находитъ помилователей соболѣзнующихъ о его нещастіи, и что онъ на пути креста поучается терпѣнію, съ которымъ хромоногій въ теченіи къ вѣчному блаженству, ускоряетъ многихъ шествовавшихъ съ пышностію побѣды чрезъ грады, пути и поля.

LXXXX.

ЗАМОКЪ.

НАМЪ КЛЮЧЪ ЗЛАТЫЙ ВРАТА ТѢ МОЖЕТЪ ОТВОРИТЬ,
ЧТО ХИТРОСТЬЮ НЕ ЛЬЗЯ И СИЛОЙ СОКРУШИТЬ.

LXXXX.

ЗАМОКЪ.

Съ великими трудами воздвигнула глубокая древность великолѣпные замки; башнями, каменными стѣнами, рвами и валами оградила ихъ; затворила крѣпкими желѣзными вратами, и во устрашеніе зарубежнымъ недругамъ основала ихъ на непоколебимыхъ и неприступныхъ камняхъ. Оные служили убѣжищемъ какъ древле непорочному вельможѣ, такъ въ средніе вѣки разбойничающему дворянству. Каждый замыкалъ себя и богатства свои тамо; сіи находились въ безопасности, а тѣ спокойно наслаждались сномъ. *Мартъ* поставилъ замокъ для защиты Государства, и униженный поселянинъ взирая иногда на оной съ восторгомъ, мнитъ, что замокъ имѣя себѣ сосѣдомъ облака, прикрѣпленъ къ небеснымъ сводамъ. Но нынѣ замки суть только великолѣпныя зданія, а не укрѣпленныя мѣста; развалины оныхъ гласятъ о нѣкоей силѣ ихъ опровергающей. Но какая бы то сила столь велика была? Сила адская, или сѣрнаго праха, либо какъ хочешь называй ее, ибо

Діяволъ помощію чернаго. - - - - -
Извлекъ изъ ада сей сѣрный прахъ,
Противъ котораго никакіе валы устоять не могутъ.
Нѣтъ ничего для онаго довольно укрѣпленнаго;
Отъ сихъ земныхъ громовыхъ ударовъ
Все то опровергается до основанія,
Что называлось непреодолимымъ,
Пока еще не гремѣли порохомъ.

Однако

Однако сила блестящаго злата преодолѣваетъ еще болѣе самые крѣпчайшіе замки. Едва токмо лошакъ съ симъ металломъ входитъ, уже сдача и завоеваніе совершились. Равнымъ образомъ премногіе замки потеряли свое цѣломудріе, на подобіе красавицы ослѣпляющейся златомъ своего подлипателя. Есть еще златый дождь проницающій наивысочайшія башни крѣпко заключеннаго замка; самый адскій замокъ одолѣвается златомъ, и *Еней* пролагаетъ себѣ входъ во оный златою вѣтвію, данною ему отъ Кумейскія Сивиллы.

Престанемъ убо величаться замками, и угобжать ими нашу гордыню. Они уступаютъ могуществу, хитрости и обману скорѣе униженныя хижины, надъ которою вѣтры безъ малѣйшаго ея повреженія горделиво дуютъ, и въ которой завоеватели никакихъ сокровищъ не ищутъ.

Но имя Господне есть непреоборимая твердь и защита прибѣгающимъ къ Нему.

LXXXXI.

ГОРОДЪ.

УБѢЖИЩЕ, ПОКОЙ И ТИШИНА ГРАДСКАЯ,
НЕ СТОЛЬ ВЕЛИКИ СУТЬ, КАКЪ СЛАВА ИХЪ ПУСТАЯ.

LXXXXI.

ГОРОДЪ.

Коль беззнатенъ есть городъ во своемъ рожденіи! Первый убійца есть первый градоосновательль! И вся слава наша есть почти одного свойства. Она проистекая отъ грѣхопаденія и безчинія нашего, посрамляетъ насъ столько же, сколько думаемъ мы ею возноситься. Самая наша ученность есть дщерь грѣха; звѣздочетство плодъ лѣности, землемѣріе корыстолюбія, и врачебная наука невоздержности.

Во грады стекаемся мы, дабы наслаждаться спокойствіемъ и безопасностію. Но я не вѣдаю, обитаетъ ли во оныхъ

То невинное веселіе, которое на безопасномъ селѣ
Киръ, Ксенофонтъ и премудрый Катонъ находили;

Обитаетъ ли, говорю, сіе веселіе и безопасность во градахъ. Какій шумъ заглушаетъ тамо наши уши? Коликій стукъ, крикъ и безпокойство пробуждаютъ насъ отъ сна? Какая роскошь, пышность и надменность въ жителяхъ тамо изъявляются!

Я вижу недовольную собою толпу
Стремящуюся ко двору и въ чертоги,
Гдѣ драгоцѣнныя вещи, злато, и сіяющая лѣлота,
Дѣлаютъ опасность и рабство блистательными.

Къ чему же служатъ сіи чертоги, воздвигнутые отъ избытка богачей, и на коихъ поднесь еще потъ и кровь убогихъ напечатлѣнны? Потъ разлетаетъ часто прежде, нежели два колѣна угаснутъ, и обращается въ ничтожество; но кровь будетъ еще многіе вѣки вопіять на небо.

 Хотя

Хотя для вящшей безопасности, отъ лютыхъ звѣрей и разбойнической воюющей черни обитаемъ мы во градѣ, обводимъ оный глубокими рвами и высокими валами, каждую нощь прилѣжно замыкаемъ врата; однако не можемъ никакъ выгнать изъ онаго волковъ, непріятелей и татей.

Выгода градскія жизни почитается весьма за великое. Взирай, обыкновенно говорятъ, на привозъ, на изобиліе, на множество людей другъ другу взаимно служащихъ, и почти одною рукою работающихъ. Какъ процвѣтаютъ купля и торговля, художества и науки? Какіе запасные домы, коль многія хранилища съѣстныхъ припасовъ, какія книгохранилища, и сборища рѣдкостей? И коль славно расположенъ городъ на толь пріятномъ землеоснованіи? Конечно такъ, я ни въ чемъ не спорю, все выгодно, самые пороки, и посвященные всякой мерзости храмы такъ же весьма выгодно и не въ примѣръ пріуготовленіямъ *Содома*, расположенны; и цѣлый градъ на столь же веселомъ стоитъ мѣстѣ, какъ древле *Гоморръ*. Но гдѣ они теперь, гдѣ *Вавилонъ*, гдѣ великій градъ *Неневія?* Они погибли, мы скоро имъ въ слѣдъ пойдемъ, и единый токмо останется градъ Божій.

LXXXXII.

КОМЕТА.

ГДѢ ЗВѢЗДЫ ВИДИМЪ МЫ, СІЯЕТЪ И ОНА,
КАКЪ СОЛНЦЕ ВЪ КРАСНЫЙ ДЕНЬ, КАКЪ ВЪ ЯСНУ НОЧЬ ЛУНА.

LXXXXII.

К О М Е Т А.

Все, что ни случается рѣдко, глупая чернь признаетъ то чудесами, а суевѣріе страшилищемъ міра. Кто не ужаснется сея кометы, взвываетъ легковѣрная старуха? Не образъ ли зримъ наказующаго бича, и пламеннаго меча Вышнею десницею колеблемаго во мрачной нощи надъ нашими главами. Во истинну кто только быстрый зракъ имѣетъ, еще болѣе видитъ явленій и чудесъ въ распростертомъ хвостѣ. Увы! коего владыку постигнетъ сія судьбина? Которому то государству настаетъ конецъ? И гдѣ то начнетъ свирѣпствовать война? Увы! дороговизна, гладъ, смертоносная язва неминуемо сбудутся. О злый міръ! должно тебя наказати Богу.

Съ толикимъ унынiемъ приносятъ жалобу на комету въ тѣхъ мѣстахъ,

Гдѣ мѣста и суевѣріе руководствуютъ
Бунтъ умомъ народовъ,
Гдѣ мрачная нощь заблужденія
Престоломъ и подлою чернію управляетъ.

Но ученый и звѣздочетецъ взираютъ на явленіе кометы съ неописанною радостію. Они ей предшествуютъ, сопровождаютъ ее, спѣшатъ за нею, измѣряютъ ее, вычисляютъ, наконецъ обрѣтаютъ какъ путь ея на сводѣ небесномъ, такъ и тотъ законъ, по которому она въ неизмѣримомъ небесъ пространствѣ теченіе свое совершаетъ. Щастливое

стливое изобрѣтеніе сдѣлано во славу человѣческаго знанія коль пріятно свѣтитъ комета!

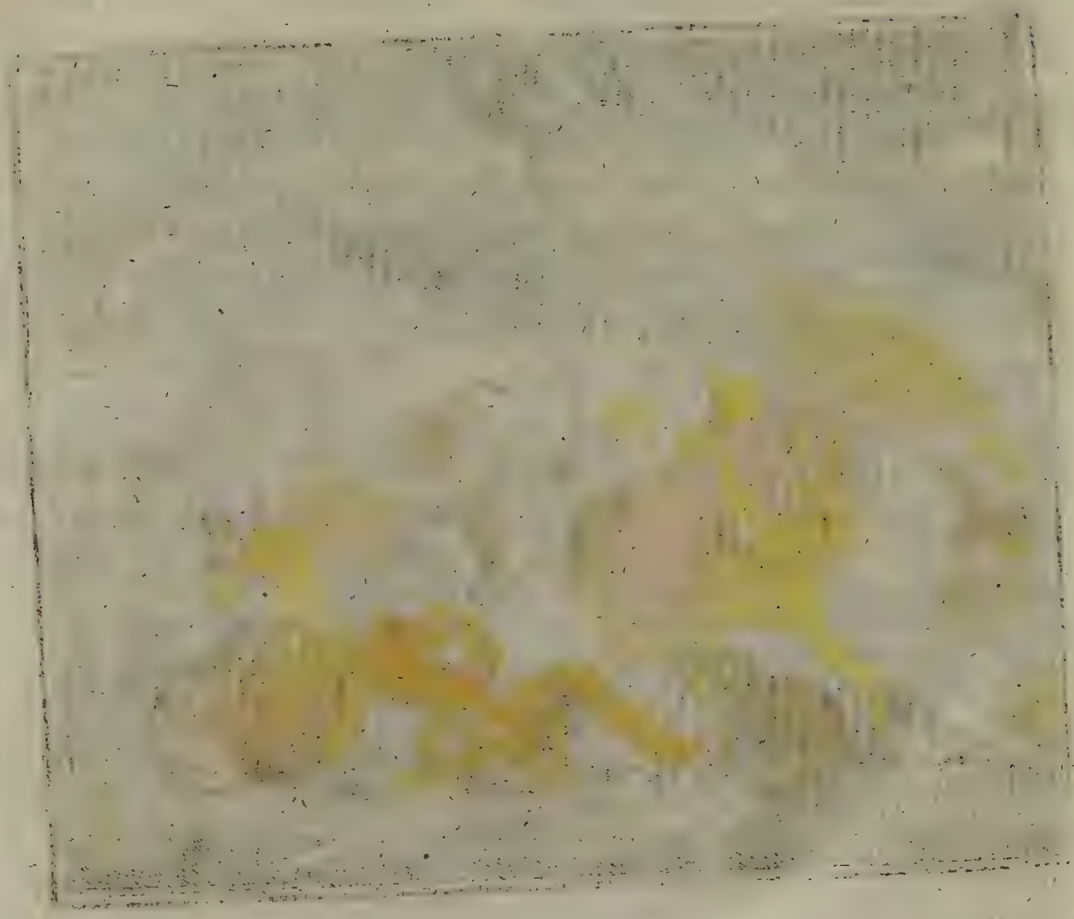
Преходитъ глубокая тьма,
Когда оною свѣтильникъ зажигается;
Кажется, я вижу народы
Выходящіе уже изъ лодъ ига суевѣрія.

Но прежде какъ сіе учинится, премудрость будетъ безъ сомнѣнія судима и осуждаема. Мы невѣрные, (мнитъ суевѣръ) православнаго исповѣданія развратители, вольноумствующіе и безбожники, естьли не ужасаемся болѣе кометы и не падаемъ ницъ со страхомъ предъ затмѣніемъ солнца. Но потерпи! Мы вѣруемъ, что кометы суть знаменія, что онѣ знаменія всемогущества, знаменія вѣчной премудрости и величественныя стройности, и что онѣ не престанутъ быть знаменіями, доколѣ пребудутъ времена, дни и годы. Не меньше вѣруемъ мы страшному суду Всевышняго; вѣруемъ, что Онъ изострилъ мечъ свой; напрягъ лукъ и онымъ мѣтитъ; что онъ уготовилъ смертоносное оружіе и стрѣлы свои на погубленіе.

LXXXXIII.

В О Й Н А.

ДОЛИНЫ МЕРТВЫМИ НАПОЛНЕНЫ ТѢЛАМИ,
И МНОЖЕСТВОМЪ МЕЧЕЙ ЛЕЖАЩИХЪ СО СТРѢЛАМИ.



LXXXXIII.

В О Й Н А.

Нѣтъ спасенія во брани, она есть и пребудетъ пагубою міра, Богъ, правосудіе, мусы, матери и невѣсты отвращаются отъ нее. Начало свое имѣетъ она отъ ада. Чрезъ злобное несогласіе мещущею люпою своею рукою пламень, весь свѣтъ мятется, пріемлетъ омерзѣніе къ безопасной тишинѣ, и при трескѣ мортиръ, мѣлкаго оружія и пушекъ, раздается вопль отъ терзаемыхъ на части человѣковъ. Боже! колико мучительствуетъ человѣкъ самъ надъ собою, и колико тиранствуетъ онъ надъ Твоимъ созданіемъ! Не допусти насъ впасти въ убійственныя человѣковъ руки! Ты Самъ умертви насъ, когда хочешь наказати!

О смертные поучитесь отвращенію къ войнѣ чрезъ стихотворное оныя изображеніе.

Какъ бурный вихрь стремящійся изъ пещеры Еоля
Воетъ и вкругъ вертитъ облака и прахъ земный,
Солнечнымъ лучамъ свободный залираетъ проходъ,
Зеленое поле камнями и грубымъ лескомъ насѣваетъ:
Такъ свирѣпствуя непріятель неистово наполняетъ
Воздухъ дымомъ а поля оружіемъ.
Плодоносное древо сѣтуетъ; стебліи преклоняются;
Виноградная лоза умираетъ отъ убійственныхъ ударовъ.
Здѣсь прекрасная невѣста зритъ своего друга
Увядающа на подобіе цвѣтовъ, отъ хладнаго желѣза
И когда его обземлетъ, слезный токъ
Орошаетъ ея ланиты, подобно росѣ ліющейся съ розъ.
Тамъ бѣжитъ изчадіе, и отецъ ведущій оное съ собою

Пронзенъ

Пронзенъ ядромъ внезапу упадаетъ,
Онъ еще зоветъ его, пока не испустилъ послѣдняго издыханія.
Отрока тогда колеблется, и падаетъ безъ подпоры,
Подобно какъ Бореемъ потрясающимъ гибкія вѣтви
Привитая отрасль неимѣющая подставы отрѣвается и повергается долу.

Индѣ тягота бомбъ съ пламеннымъ своимъ хвостомъ
Носится по воздуху, и отъ свирѣпаго ея расторженія
Здѣсь течетъ мозгъ, тамъ поверженное тулowище валяется.
Индѣ дымятся внутренняя, и сіе все покрываетъ землю.
Утроба земная воскипѣвъ яростію отъ сѣрнаго праха
Бросаетъ до облакъ каменистыя свои нѣдра со стѣнами и воинствомъ;

Отдаленные камни ревутъ,
Небесные своды отъ рыданія раздающагося подъ ними потрясаются,
Земное лице развалинами и трупами, аки снѣгомъ устилается.
Подобно какъ Везувій и Гекла извергаетъ пламень.

Когда престанутъ человѣки сражаться и воевать! Не прежде пока истребятся въ конецъ. Никакое злополучіе ихъ не смягчаетъ, никакіе удары не исправляютъ ихъ, и никакая казнь не можетъ ихъ усмирити.

LXXXXIV.

Г Л А Д Ъ.

ВСЕГДА СПУТЬШЕСТВУЕТЪ ВОЙНѢ СВИРѢПЫЙ ГЛАДЪ,
И ПОЖИРАЕТЪ ТРУПЪ ПРОИЗВОДЯЩІЙ СМРАДЪ.

LXXXXIV.

Г Л А Д Ъ.

Или война наноситъ гладъ во страну, или Господь посылаетъ оный чрезъ неплодіе въ наказаніе народамъ. Дороговизна и нужда предшествуютъ ему, потомъ слѣдуетъ онъ за ними въ прегнуснѣйшемъ видѣ. Блѣдное и тощее лице, сокрытыя и глубоко впадшія очи, на которыхъ одно только отчаяніе зрится, при томъ печалоносное и изможденное тѣло составляютъ скаредный образъ глада въ человѣческомъ видѣ. *Виргилій* опредѣляетъ мѣсто гладу у адскихъ дверей, поставляя его купно съ болѣзнями, печалію и убожествомъ. Онъ есть виновникъ преступленій, изчадіе несогласія и отецъ смерти. Ничего нѣтъ ужаснѣе тѣхъ начертаній, кои собралъ *Овидій* для изображенія онаго. Вотъ его слова:

Нимфа на покрытомъ каменіемъ полѣ нашла гладъ, исторгающій когтями и зубами нѣкія изъ земли травы. Склокоченые его власы вздымалися, слезящіе глаза глубоко ушли подъ чело; лице его было блѣдно, уста почернѣлыя, ротъ страшный, зубы исполненны смрадныя нечистоты. Сквозь твердую и сморщенную его кожу повсюду видны были кости, и самая его внутренность. Грудь выдавшаяся впередъ казалась висящею на одной только задней кости; вмѣсто чрева видно только было мѣсто, гдѣ ему быть надлежало. За скудостію его тѣла всѣ мышцы и чувственныя жилы лежали наружѣ; толстыя его колѣна и выдавшіяся кости изображали гнусный видъ.

Въ

Въ такомъ видѣ зрѣла его *Нилфа.* О дабы мы никогда не видѣли его и кровопролитнаго сраженія родителей со изчадіями, въ которое они съ отчаянія за первое вкушеніе трупа вступаютъ! Какое зрѣлище, когда смрадныя тѣла не давно погребенныхъ, для утоленія глада вырываются изъ гробовъ; когда видимъ, что мать сперва кошекъ и собакъ, потомъ собственныя свои изчадія, для избавленія себя отъ смерти, умерщвляетъ!

Но прекратимъ сіе жалостное начертаніе, противу котораго востаетъ самое человѣчество! и воспомнимъ только во время изобилія, которое мы часто толь безпечно расточаемъ, о скудости и о гладѣ, могущихъ когда либо насъ постигнуть; такъ же и о претерпѣвающихъ нужду, кои безвинно истаеваютъ гладомъ.

LXXXXV.

СМЕРТОНОСНАЯ ЗАРАЗА.

БѢГИТЕ СМЕРТНЫЕ, ЗАРАЗА ПОСТИГАЕТЪ,
И ЯДЪ ТЛЕТВОРНЫЙ СВОЙ НА ВОЗДУХЪ ИЗЛИВАЕТЪ.
НО УБѢГАЙТЕ ВЫ ДУШЕВНЫХЪ ПАЧЕ ЯЗВЪ.

LXXXXV.

СМЕРТОНОСНАЯ ЗАРАЗА.

Когда уже Беллона довольное время терзала человѣковъ, губительный ея мечъ цѣлыя страны покрылъ трупами, и наконецъ оставила она міръ сей съ гладомъ, яко своимъ спутникомъ; тогда слѣдуютъ за нею язвы и смертоносныя заразы. Онѣ быстрѣе стрѣлъ туда летятъ, и въ единомъ мгновеніи истребляютъ человѣковъ.

Никакій умъ не можетъ изъяснить намъ
Быстраго теченія смертоносныя заразы.
Нынѣ благоденствующій народъ
Получаетъ въ наслѣдіе отъ отдаленныхъ странъ
Ядъ, стремящійся не видимо по воздуху.

Страна преисполненная жалости, которую сей бичъ постигаетъ! гдѣ другъ отъ друга, отецъ отъ единороднаго своего сына, и мать отъ любезнѣйшей дщери бѣгаетъ! гдѣ всѣ оставляютъ насъ, и бѣгущіе не находятъ себѣ убѣжища; гдѣ въ каплѣ воды, сей послѣдней прохладѣ, намъ отказываютъ, чтобы мы не приближились къ нашему яду! гдѣ мертвые на распутіяхъ валяются, жалость и заразу изъявляющая телѣга гремитъ; гдѣ домы опустѣваютъ и обезлюденный градъ уже затворяется!

Тамо устремляяся губительный воздухъ,
Возжигаетъ лыкимъ своимъ ядомъ
Смерть и заразу народовъ.
Онъ скоролостижно проникнувъ во всѣ члены
Повергаетъ долу бездыханна того,
Который едва только примѣтилъ свой недугъ.

Тако

Тако возрастаютъ неудержимыя заразы,
И едва только вкрадываются онѣ зъ одного
Уже смерть наводняетъ
Своею рѣкою цѣлое государство.

Кто защищаетъ насъ отъ сей гибели? Кто исцѣлитъ смертоносную язву? Кто отъиметъ отъ насъ свирѣпую смерть? Никто. Вы, вы, народы, должны впасть въ руки Господни, предаться, какъ *Давидъ*, Всевышняго волѣ и лобызать бичъ его. И молитва праведныхъ не поможетъ. Когда восхощетъ Господь наказати, Пророкъ не смѣетъ просить помилованія. Хотя они и постятся, вѣщаетъ Богъ, однако не хощу услышать молитвы ихъ; хотя всесожженіе и жертву принесутъ, но оныя мнѣ непріятны: я хощу ихъ мечемъ, гладомъ и язвою истребити. Горе имъ! Но горше еще тому, кто пораженъ душевную язвою! кто въ предразсужденіяхъ, грубомъ невѣденіи, страстяхъ, порокахъ и мерзкихъ злодѣяніяхъ погрязаетъ!

LXXXXVI.

НАСѢКОМОЕ.

КАКЪ ПРУТИ, ТАКЪ И ЧЕРВЬ ПРЕКРАСНЫЙ ГУБЯТЪ ЦВѢТЪ;
НО ТВОРЧЕСКА РУКА ПРОИЗВЕЛА ИХЪ ВЪ СВѢТЪ.

LXXXVI.

НАСѢКОМОЕ.

Любимецъ *Уранїи* (*), благопріятный *Маїй*, сопровождаемый *Аполлономъ*, яко ходатаемъ своимъ, восходитъ на путь, и оный во время пріятныхъ, продолжителъныхъ, но намъ всегда скоро текущими кажущихся дней, совершаетъ. Щедрою рукою разсѣваетъ онъ цвѣты, и отъ человѣкъ со внутреннимъ веселіемъ обожается. Едва только къ намъ приходитъ, уже окрестъ его пресмыкаются звужжащіе жуки, и изъ маленькихъ невидимыхъ намъ яичекъ изходитъ безчисленный сонмъ пруговъ и червей. Кажется будто бы они общею клятвою утвердили, объявить себя врагами кротчайшему *Маїю*. Листвія и цвѣты умираютъ отъ бодущаго ихъ зуба и отъ яда, коимъ они прозябающую надежду лѣта заражаютъ. Съ умирающимъ цвѣтомъ гибнетъ и грядущая осень; и тогда уже тщетно ожидаемъ сахарныя сливы, сочныя груши и вкуснаго яблока. Садовникъ и селянинъ воздыхая спѣшатъ туда съ ножами, ножницами, лѣсѣницами и жердями, дабы избавить вѣтвь, пругами осыпаемую. Они искусно рѣжутъ и окуриваютъ ее; но часто всуе и уже поздо: ибо не умертвили они перваго зародыша, и нечистое порожденіе повсюду уже разпространилось.

Теперь иной желаетъ лучше умереть, нежели страдать въ сей жизни, подобно нетерпѣливому Іонѣ, разгнѣвавшемуся на червя, отъ котораго возлюбленная его тыква погибла. Но Господь создалъ червя подъядшаго тыкву. Равнымъ образомъ

(*) Одна изъ девяти музъ.

зомъ созидаетъ Господь всѣхъ червей и пруговъ, губящихъ цвѣты. Онъ великъ и въ самыхъ малостяхъ природы, и силенъ въ насѣкомыхъ. Испытывая червя находимъ въ немъ премудрость, великолѣпіе и многообразность, которыя приводятъ насъ въ восторгъ. Оный есть гораздо полезнѣе, нежели какъ мы то понимать и вѣрить можемъ; порядочно наблюдаетъ онъ свое время, прилѣпляется ко трудамъ рачительнѣе, нежели человѣкъ съ презрѣніемъ попирающій его ногами. Къ тому же питается онъ единою токмо себѣ полезною пищею, и природа раждаетъ его, или производитъ на свѣтъ тамо, гдѣ онъ снѣдь себѣ находитъ.

Отвратимся отъ насѣкомыхъ въ видѣ человѣческомъ, кои не принося сами никакихъ плодовъ, оные у другихъ похищаютъ, и кои справедливо почитаются сообщниками первыхъ.

LXXXXVII.

НАВОДНЕНІЕ.

ВСѢ ЗЛАЧНЫ ПАЖИТИ, ПОКРЫТЫЯ ВОДАМИ,
ЯВЛЯЮТЪ МОРЯ ВИДЪ, КОЛЕБЛЕМЫЙ ВОЛНАМИ,
КОИХЪ УЖЕ ОПЛОТЪ НЕ МОЖЕТЪ УДЕРЖАТЬ.

LXXXXVII.

НАВОДНЕНІЕ.

И такъ полезнѣйшая всѣхъ стихій бываетъ пагубою міра. Небеса разверзаются, рѣки увеличиваются и съ ужасомъ на поля стремятся. Внезапу истребляется все: веселящіе селянина плоды, горделивыя градскія стѣны, и чертоги презирающіе опасность. Человѣки, стада и богатства ихъ плаваютъ разсѣяны по новомъ морѣ; унынie испоргаетъ ихъ дыханіе прежде нежели погружаются они въ бездну. Сколь земнородные къ изобрѣтенію средствъ и ко вспоможенію ближнему ни склонны, однако должны теперь любовь свою оставить безъ спасенія, и купно съ нею погибнуть.

Такъ древле земный нашъ шаръ плавалъ въ общемъ потопѣ,
Земля текла, море разторгало оплоты береговъ,
Самый мраморъ былъ влаженъ, и подобно рѣкѣ стремился съ
высоты,
Взнесенныя до облакъ моря валилися съ громомъ.
Здѣсь нѣжные супруги уже въ послѣдній разъ лобызаются,
Любовь оплакиваетъ ихъ: но волна, не чувствуя никакого по-
милованія,
Неволею ихъ влечетъ почти бездыханныхъ въ лютыя пучины,
И разлучаетъ ихъ при самой смерти. Тамъ юноша стремится
На каменистыя, превыше тучь и бурь возвышенныя
И неприступныя горы, и съ унылымъ трепетомъ ожидаетъ
Защиты отъ обнаженныхъ камней; но тамъ уже море.
О смертоносное позорище! Тамъ валится стремглавъ
Неистовый сонмъ львовъ на прекрасныхъ дѣвъ уже полумертвыхъ,

Кои

Кои произведенны самою Венерою, и достойны, чтобъ проливать объ нихъ рѣки слезъ.

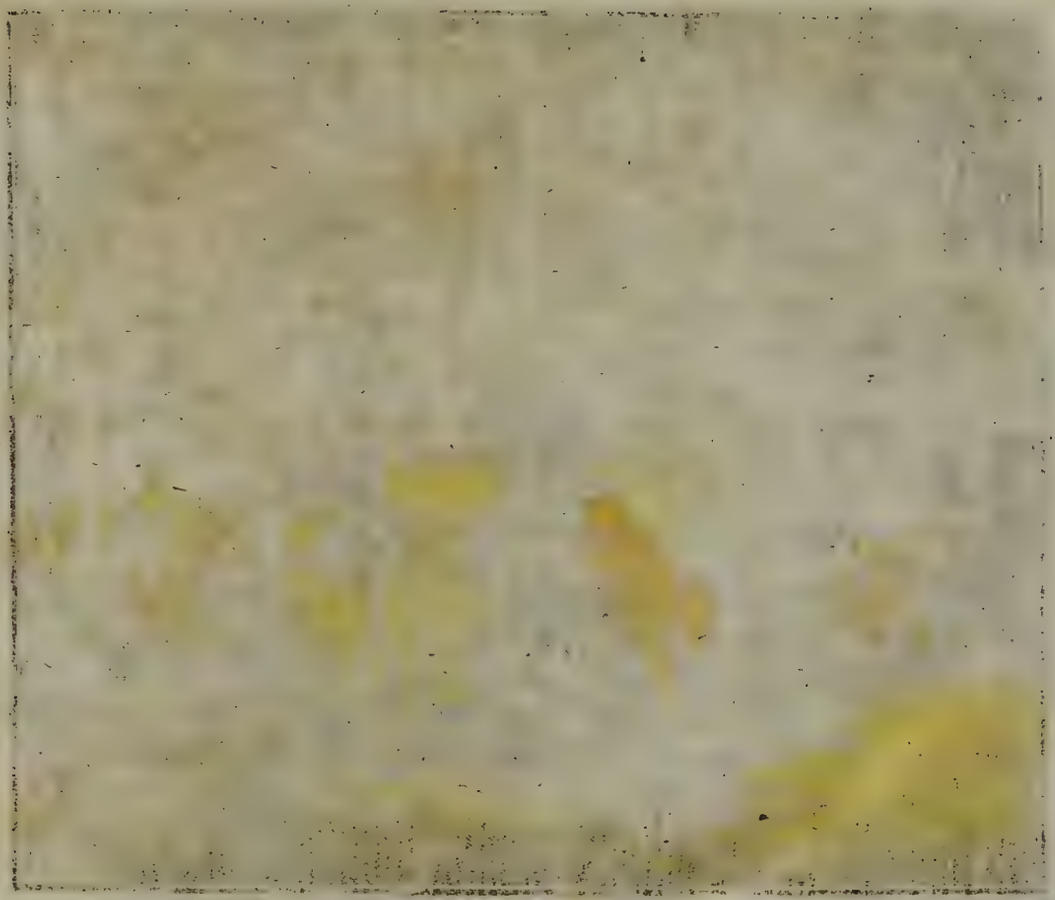
Колико тысящей народа волïютъ увы! и гласъ ихъ, смѣшавшись
Съ ужаснымъ звѣрей воемъ, призываетъ смерть къ себѣ!
Воззри на мать! бïющую себя въ нѣжныя перси,
Умирающую отъ волнъ, и призывающую нѣжнаго своего младенца,
Коего рѣка исторгнула отъ рукъ ея въ то самое время,
Когда онъ, не зная грозящïя опасности, нѣжными руками
Матерню грудь обнималъ; и когда она, взирая съ сладкимъ чувствованïемъ
На поздую надежду ея увеселенïя, играющую въ ея лонѣ,
Наслаждалась уже наперед щастïемъ, коимъ она себѣ
Съ радостною нетерпѣливостïю ласкала. Но увы!
Въ ту самую минуту, когда она углубляется въ толь нѣжныя мысли и забываетъ себя въ лобызанïяхъ,
Волна на нее стремится, и отриновенное отъ нея изчадïе
Кровавую жизнь свою съ водою и млекомъ изрыгаетъ!
Печалïю и смертнымъ шумомъ водъ обездушевленна
Равно и сама похищается волнами. Прïятныя, ея уста блѣднѣютъ;
И острымъ прободенна камнемъ умираетъ.

О смертные! блюдитесь; да не подвигнется когда небо утасить потопомъ пламень вашихъ вожделѣній.

LXXXXVIII.

ПОЖАРЪ.

ВЗДУВАЕТЪ ИСКРУ ВИХРЬ, ОГНЬ КРОВЛЮ СТАЛЪ ТЕРЗАТЬ,
И ВЗВИВШИСЬ ПЛАМЕНЬ, ВСЕ СО ТРЕСКОМЪ ПОЖИРАТЬ.



LXXXVIII.

ПОЖАРЪ.

Таившійся долгое время огонь прорывается наконецъ въ ясныхъ пламеняхъ и господствуетъ; благопріятствующимъ подкрѣпляяся воздухомъ, дѣлается онъ толь свирѣпымъ и необузданнымъ, что ни искуство притекающихъ на помощь, ниже воды небесныя его усмирить не могутъ. Раздраженный *Еолъ* воспаряетъ уже надъ нещастнымъ градомъ съ ярящимися вѣтрами, коихъ онъ долгое время въ глубокой пещерѣ заключалъ, а нынѣ освобождаетъ ихъ отъ узъ. Теперь становится гибель общественнѣе. Огненный дождь распространяется по всему граду, и самый отдаленнѣйшій житель въ равной находится опасности, какъ и ближайшіе сосѣды возгорѣвшагося дома. Всѣ выбираются, всѣ спѣшатъ. - -

Блѣднѣющій народъ, желая утушить, удушается самъ,
Стогны устилаются черными трупами;
И кому удалось уйти отъ огня,
Тотъ не можетъ избѣгнуть ярости развалинъ.
Хотя уходитъ дневное свѣтило; но не уходитъ ясность;
Нощь дѣлается днемъ отъ сіянія лютыхъ пламеней;
На сводѣ небесномъ нечертавается колеблющаяся багряница,
И изъ кровлей лѣется рѣка расплавленныя лѣди.

Теперь домы, кровли, башни и гордые чертоги, другъ на друга низвергаясь, погребаютъ въ своихъ развалинахъ скупаго, укоснѣвшаго при своемъ златѣ; спящаго младенца, коего унылая мать, стараясь о спасеніи собственныя жизни, позабыла; и разслабленнаго старца, который тщетно о помощи вопіетъ, тщетно напрягаетъ послѣднія силы на избавленіе

отъ

отъ приближающейся смерти, и вдругъ на воспламенѣвшемся одрѣ удушается. Оставшіеся же невредимы зрятъ бездыханны, безчувственны и съ крайнимъ изумленіемъ, что стяжаніе ихъ ввергается во пламень, припасы ихъ съ дымомъ возносятся къ небесамъ, и что *Вулканъ* (*) обитаетъ уже на опустѣлыхъ мѣстахъ бывшихъ прежде ихъ достояніемъ.

Коликое множество неправаго стяжанія, и коль многіе кумиры теперь во пламени погибли! Господь возжегъ сіи свѣтила, да узрите вы ослѣпленные невѣжды, днесь же нагіе милостиносбиратели, что есть ваша слава! и что одежда, великолѣпіе и чертоги ваши ни что иное суть, какъ пепелъ разсѣваемый вѣтрами!

(*) По баснословію есть богъ подземнаго огня.

LXXXXIX.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ.

ВЫСОКИ ЗДАНІЯ ПОТРЯСШИ УПАДАЮТЪ,
ВЪ РАЗВАЛИНАХЪ ЛЮДЕЙ НЕЩАСТНЫХЪ ПОГРЕБАЮТЪ,
И ВРАНЫ ЛИШЬ ТЕПЕРЬ ЖИВУТЪ НА СИХЪ МѢСТАХЪ.

LXXXXIX.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ.

Подземный шумъ возвѣщаетъ наступающее смятеніе земли. Источники мутятся, потоки и рѣки зыблются въ своемъ теченіи, угроженіе затмѣвающагося неба соединяется съ опасностію, которая на насъ изъ подъ нашихъ стопъ стремится; колокола на крѣпкой башнѣ сами собою издаютъ звонъ. Странствующій въ сновидѣніяхъ или глубокимъ сномъ объятый пробуждается отъ потрясенія одра; онъ хочетъ встать, но обыкновенной шагъ на колеблющейся твердынѣ измѣняетъ ему. Онъ зритъ опровергающіяся высокія зданія и башни; кровъ дому его потрясается и грозитъ низриновеніемъ. Поспѣшно оставляетъ онъ жилище, богатство и сокровища, и каждый имѣющій еще дыханіе и силы бѣжитъ съ нимъ на открытое поле, гдѣ, какъ будто упоенны, колебаясь отъ ужаса поникаютъ. Между тѣмъ потрясенный градъ опровергаясь до основанія сокрушается самъ и укоснѣвшихъ въ немъ убиваетъ. Предъ толпою спасающеюся бѣгствомъ разсѣдается земля и отверзаетъ ужасный гробъ, въ который бѣгущіе, какъ нѣкогда Корей и сонмъ его, низвергаются; и смрадный сѣрный паръ пресѣкаетъ ихъ дыханіе, пока еще не снишли они во адъ пити отъ возмущенныя *Лиоы* (*). Въ поляхъ, гдѣ спасшіеся водворились, по освобожденіи отъ перваго ихъ смертельнаго ужаса, начинаетъ владычествовать жалоба, вопль, снѣдающій гладъ и неотвратимая скудость. Отчаянные человѣки и ревущія стада живутъ тамо нераздѣльно,

всѣ

(*) Лиоа по баснословію есть рѣка Забвенія.

всѣ подъ единымъ кровомъ, подъ небесами носящими во мрачныхъ своихъ нѣдрахъ молнію, громы и дождевыя тучи.

Колико бичей имѣетъ Богъ для наказанія человѣковъ! *О Лиссабона, Лиссабона*, какій судъ Всемогущаго уничтожитъ твое кровожаждущее сословіе противу *Еретиковъ!* И ты земля мать и подпора наша, не ужель ты некрѣпко основана при твореніи вселенныя? конечно крѣпко, вѣщаетъ она, но я не вѣчно намѣрена спокойно и безопасно носить на себѣ беззаконія, и злодѣевъ лежащихъ на мнѣ яко неключимыя бремена.

ДѢЛА ЖИТЕЙСКІЯ.

ПРОВОДИТЪ ВО ТРУДАХЪ ВСЕ ВРЕМЯ ЧЕЛОВѢКЪ,
СКОРБЬ, ЗАВИСТЬ, ГРУСТЬ, ТОСКА ЕГО СНѢДАЮТЪ ВѢКЪ.

С.

ДѢЛА ЖИТЕЙСКІЯ.

Обозримъ единымъ взоромъ великій міръ въ маломъ видѣ; измѣряемъ на картинѣ сей новѣйшимъ мѣриломъ человѣческія глупости и попеченія. Какое безпокойство, бѣганье и пристаніе, коликій проливается потъ, какій трудъ, неусыпность и бдѣніе межъ смертными! чего не предпріемлютъ они богатства ради? Они роютъ, ломаютъ, разбиваютъ млатомъ, созидаютъ, покупаютъ, продаютъ, торгуютъ; и что еще сего болѣе, они за злато и сребро въ состояніи отдать самихъ себя и Бога; они продаютъ то, чего не имѣютъ; берутъ и отдаютъ въ займы; дѣлаютъ договоры, запечатлѣваютъ, укрѣпляютъ порукою и клятвами, и при всемъ томъ не помышляютъ никогда о исполненіи оныхъ.

Но сіе можетъ быть дѣлаетъ только низкая чернь. Никакъ, мой другъ, и высокая чернь творитъ тоже самое. Или кажутся тебѣ мысли мои быть странными? Такъ изволь разсмотрѣть оныя подробнѣе, онѣ суть самыя истиннѣйшія; и высокая знаменитая чернь, чернь князей, (сіе выраженіе занимаю я отъ величайшаго изъ князей) есть самая худшая и подлѣйшая. Воззри токмо на обѣты и клятвы вельможей! Или взгляни на гремящую колесницу, везомую шестью конями. Можетъ статься ослѣпляетъ тебя злато, и толстое чрево, облеченное въ богатую ризу, вливаетъ въ тебя священное подобострастіе. Меня все сіе не поражаетъ нимало. Испытывающее мое око проницаетъ сквозь одежду, злато, и въ самыя жилы, въ коихъ неблагодарная кровь разливается. Сей часъ только пробѣжалъ заботливой дневный шатъ ми-

мо

мо подлую лавку, въ которой отецъ его въ раздранномъ рубище первую торговлю съ лихвою отправлялъ. Потомъ взошелъ онъ на степень великаго промышленника, сдѣлался проторжникомъ и тѣмъ обогатился; купилъ себѣ дворянское имя, и оставилъ грубую спесь, однакожъ съ милліонами въ наслѣдіе сыну своему молодому барону. Супруга его произвела ему отъ любезнѣйшаго конюха наслѣдниковъ, коихъ, позлащенное его чрево, разслабѣвшее отъ піянства и наемныхъ любовницъ, не можетъ уже болѣе извлечь на свѣтъ.

Вотъ, другъ мой, вотъ дѣла житейскія! Сними только покрывало съ лица безумныхъ; и тогда увидишь ты на чертахъ ихъ пружину всѣхъ дѣяній. Совлеки одежду и обнажи ихъ; и ты, божественный *Рабнеръ*, приди и потряси бичемъ твоимъ! — — —

К О Н Е Ц Ъ.